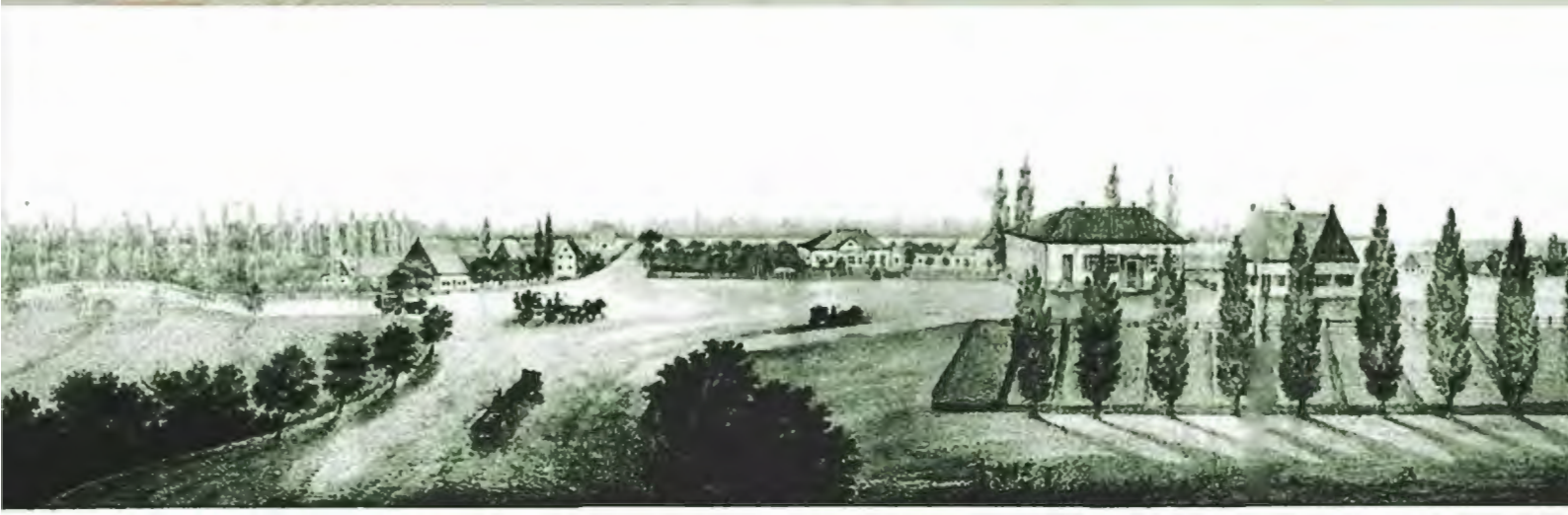


Kolonie Grunau

Е.Н. Тарасенко

Рукопись Э.Х. Ставраки о Грунау

Москва
2020

Е.Н. Тарасенко

Рукопись Э.Х. Ставраки о Грунау

Москва
2020

УДК 94(470)«16/18»
ББК 63.3(2)52
Т191

Научные рецензенты:

Н.М. Маркдорф — профессор, доктор исторических наук (Новосибирск);
Д.А. Прохоров — старший научный сотрудник, доктор исторических наук (Симферополь);
В.Ф. Санжаровец — старший научный сотрудник историко-археологического отдела ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (Керчь).

Тарасенко Е.Н.
Т191 Рукопись Э.Х. Ставраки о Грунау. — М.: Порт приписки, 2020. — 106 с.
ISBN 978-5-6045209-8-7

Настоящая работа посвящена публикации рукописи о бывшей немецкой колонии Грунау (сейчас — пос. Розовка Розовского района Запорожской области, Украина). Рукопись написана в 1884 г. учителем центрального училища в Грунау Эрастом Харлампиевичем Ставраки, потомком архипелагских греков, переселившихся в Еникале (Керчь) с острова Крит в 1775 г. Приведены впервые составленные история рода Ставраки и биография автора рукописи. Подробно рассмотрена непростая обстановка, сложившаяся в 1881–1901 гг. в бывших немецких колониях юга России вокруг «немецкого вопроса» и реформирования школ в немецких селениях. Прилагаемые к работе комментарии позволяют лучше понять историю колоний и жизнь бывших колонистов Грунауской и Людвигстальской волостей Мариупольского уезда в последние десятилетия XIX в. Констатирована ценность рукописи для изучения истории пос. Розовка и прилегающей местности, а также всего Мариупольского уезда того периода.

Ключевые слова: Ставраки Эраст Харлампиевич, Грунау, немецкие колонисты, рукопись

ISBN 978-5-6045209-8-7 **© Тарасенко Е.Н., 2020**

Оглавление

Введение 4

1. Эраст Харлампиевич Ставраки — автор рукописи 6

2. «Немецкий вопрос» и реформа колонистских школ в судьбе Э.Х. Ставраки …...… 15

3. Текст рукописи Э.Х. Ставраки «Грунау» 35

Комментарии 42

Источники и литература 90

Посвящаю памяти
Владимира Ильича Марюхи
(24.11.1934 –29.10.2015),
замечательного человека и основоположника
краеведческих изысканий в поселке Розовка
Розовского района Запорожской области

Введение

Впервые я встретил упоминание о «рукописи учителя Грунауского центрального училища Э. Ставраки о колонии Грунау» в работе К.С. Лях (2006 г.) [1]. Приведенные в этой статье краткие выдержки из текста рукописи Эраста Харлампиевича Ставраки позволили сделать вывод о ее чрезвычайной ценности для истории поселка Розовка Розовского района Запорожской области, так как поселок исторически сложился в результате слияния трех бывших немецких колоний Грунау, Розенберг и Кронсдорф (основаны в 1823 г.) и поселка у станции Розовка второй очереди 2-й Екатерининской казенной железной дороги (возник в 1900–1904 гг.).

Это описание колонии Грунау [2, л. 1–8 об.] тем более ценно, что сделано оно не немецким колонистом, а дворянином-греком родом из Таврической губернии, учительствовавшим и постоянно жившим в Грунау не менее 17 лет (по крайней мере, с 1882 по 1899 гг.), женатым на лютеранке, дочери колониста и хорошо владевшим немецким языком. В рукописи удачно сочетаются прекрасное знание многих сторон жизни в Грунау и соседних немецких колониях с доброжелательным, но объективным и трезвым «взглядом со стороны». С уважением и симпатией пишет Э.Х. Ставраки о трудолюбии, честности и законопослушности колонистов, но не скрывает своей иронии, описывая их ограниченность и узость кругозора, скучный и однообразный быт, мелочную регламентацию всех сторон жизни в немецких колониях. Настоящее неприятие у Э.Х. Ставраки вызывают лишь отчужденность колонистов по отношению к русским, малороссам и грекам и их неуважение к представителям иных религиозных конфессий. Виновниками сложившего положения Э.Х. Ставраки считает (и не без оснований) лютеранских пасторов, культивировавших и всячески отстаивавших языковую и конфессиональную изоляцию колонистов от окружающего населения Новороссии, как основу своей власти над прихожанами.

В рукописи встречаются и отдельные ошибочные сведения (о происхождении названия колонии Грунау, о подписке колонистов на газету «Unterhaltungsblatt» в 80-е годы XIX в., когда она уже не выходила и т.п.). Подобных явных ошибок в рукописи немного, все они подробно разобраны в комментариях к ее тексту.

Текст рукописи был подробно проанализирован на предмет выявления в ней заимствований из иных источников (ссылки на источники в современном понимании в рукописи вообще отсутствуют). В результате было выявлено только одно явное заимствование без ссылки на источник.

Вот как Э.Х. Ставраки характеризует в своей рукописи немецких колонистов-лютеран из Грунау: «Жители Грунау простые, честные, степенные люди с некоторым неподвижным умом, и равнодушные ко всему, что лежит за узкими пределами их собственного малого мирка; но довольно остроумные в делах, которые они считают достойными своего внимания. Русских (да и вообще всякого иноверца) принимают замечательно холодно: к ним они необщительны, осторожны, недоверчивы и, если-бы было возможно, то никогда не вступали бы с ними ни в какие отношения. Но, если вы знаете их язык и можете рассуждать с ними о религиозных вопросах в евангелическом духе, то, пожалуй, удастся вам победить их необщительность и вызвать на откровенную беседу» [2, л. 4 об.].

А вот характеристика колонистов-меннонитов, живущих на юге России, приведенная в известной книге «Россия» Д.М. Уоллеса: «Обитатели — простые, честные, степенные люди, с несколько неподвижным умом, и равнодушные ко всему, что лежит за узкими пределами их собственного маленького мирка, но довольно остроумные в делах, которые они считают достойными своего внимания. Являясь к ним в качестве иностранца, вы найдете прием их несколько холодным, потому что они необщительны, осторожны и недоверчивы и не особенно любят вступать в сношения с людьми, не принадлежащими к их секте. Но если вы можете говорить с ними на их родном языке и рассуждать о религиозных предметах в евангелическом тоне, вы легко победите их принужденность и не общительность» [3, с. 116].

Как видим, указанный выше фрагмент из рукописи Э.Х. Ставраки [2, л. 4 об.] и приведенная цитата из книги Д.М. Уоллеса настолько близки текстуально и по смыслу, что факт заимствования не вызывает сомнений. Отличие лишь в том, что Д.М. Уоллес характеризует колонистов-меннонитов, а Э.Х. Ставраки распространяет эту характеристику на лютеран, жителей колонии Грунау.

Д.М. Уоллес (1841–1919) был корреспондентом и сотрудником британской газеты «Таймс», многие годы прожил в России и имел на Западе заслуженную репутацию эксперта по России. Его страноведческий труд «Россия» был опубликован в 1877 г., затем многократно переиздавался в Европе. Русский перевод этой книги появился в 1881 г., так что ко времени написания рукописи «Грунау» (декабрь 1884 г.) книга вполне могла быть доступна Э.Х. Ставраки.

Все приводимые в работе даты до 31 января 1918 г. даны по старому стилю (юлианскому календарю), более поздние — по новому стилю (григорианскому календарю).

Автор благодарен Татьяне Николаевне Гедзь за любезно предоставленную фотокопию рукописи Э.Х. Ставраки о Грунау.

1. Эраст Харлампиевич Ставраки — автор рукописи

Ставраки Эраст (Ераст) Харлампиевич, грек, православный, из потомственных дворян Керчь-Еникальского градоначальства Таврической губернии. Родился он в Керчи 10 ноября 1853 г., крещен был 16 ноября в керченском Свято-Троицком соборе [4, л. б/н]. В соответствии с датой рождения его назвали сравнительно редким именем Эраст (по православным святцам именины Ераста приходятся на 4 января и 10 ноября) [5].

Греческий дворянский род Ставраки, «пером и шпагой» верно служивший России с 70-х гг. XVIII в., первоначально обосновался в Еникале-Керчи и дал империи немало чиновников различных гражданских ведомств, армейских и морских офицеров.

Э.Х. Ставраки был внуком Иоаниса (Ивана) Георгиевича Ставраки, выходца из города Ханья на северо-западе греческого острова Кандия (Крит), обосновавшегося вместе с соотечественниками в греческой колонии Керчи и Еникале в 1775 г. [6; 7, л. 5 об.]. Родился Иван Георгиевич Ставраки в 1753 году на Крите, был среди греческих повстанцев, добровольно поступивших на российскую службу и участвовавших в боевых действиях Первой Архипелагской экспедиции русской эскадры адмирала Г.А. Спиридова в Средиземном море в 1770–1774 гг. [7, л. 3 об.]. Основные этапы военной службы И.Г. Ставраки приведены в «Аттестате», выданном сержанту Греческого полка «Ивану Юрьеву сыну Ставраки» 10 октября 1794 г. в Балаклаве его полковым командиром «от армии подполковником» Константином Чапони [7, л. 4]. И.Г. Ставраки «в службе Ея Императорского Величества» с 14 мая 1770 г., в 1770 г. участвовал в морских сражениях и «истреблении турецкого флота». Отмечено его участие в сражениях на о. Лемнос (1771 г.), в атаке на город Митилена (1772 г., о. Лесбос), в осаде города Бодрум (1773 г.). После прибытия из греческого архипелага в Крым И.Г. Ставраки в 1777 г. участвовал в замирении бунтующих крымских татар. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он принимал участие в двух известных морских баталиях летом 1790 г.: в сражении против устья реки Кубань (Керченское сражение) и сражении у Гаджибея (у мыса Тендра). Греческий полк использовался Черноморским флотом в самых опасных предприятиях: для комплектования абордажных команд на кораблях и для высадки десантов.

Полк показал свою доблесть и верность России в сражениях, но в конце правления Екатерины II жалование в полку не выплачивалось годами. По завершению войны греки и их семьи вынуждены были кормиться с небольших земельных наделов и с промыслов: торговли, ловли рыбы и даже шелководства. Рвения к службе это не прибавляло: «… находящийся в Тавриде Греческий полк < … > не отправляет никакой службы, а составляющие оный большею частию разъезжают по городам для своих промыслов …» (из указа Павла I от 29 октября 1797 г.) [8, с. 785]. И.Г. Ставраки ушел в отставку (скорее всего, в 1797 г.) и занимался торговлей, продолжились его хлопоты по причислению к дворянскому званию, начатые еще на военной службе [7, л. 1–1 об.].

Иван Ставраки упомянут в списке жертвователей в надписи на мраморной чаше в еникальском соборном Успенском храме (1797 г.) [9, с. 90]. В январе 1808 г. отставной сержант «Иван, Юрьев сын, Ставраки, жительствующий в городе Еникале» подает прошение в Таврическое дворянское депутатское собрание о внесении его с семьей в дворянскую книгу Таврической губернии. В прилагаемом «Семейном списке» указано его недвижимое имущество: каменный дом в Еникале, две лавки, магазейны (склады) и рыбные ловли, ни имения, ни крепостных нет [7, л. 3–3 об., 7].

В «Списке о доказывающих из греков дворянство по Таврической губернии …» (март 1812 г.) под номером 36 указан «Иван Ставраки, уроженец острова Кандии < … >, в службу вступил в 1770 году» [10]. Судя по записи в метрической книге Успенского собора г. Еникале за май 1816 г., «Иван Ставракий» служил, какое-то время, «Еникальским градским главой» [11, л. 140]; дата его смерти не установлена, но к июню 1820 г. его уже не было в живых [7, л. 14].

В известной книге И.В. Мосхури «Греки в истории Севастополя» (2005) указано, что вместе с Иоанном Ставраки на русскую службу в 1770 г. был принят его брат Иаков [12, с. 15]. При этом автор ссылается на «Свидетельство», выданное в Севастополе «Ивану Юрьеву сыну Ставраки» 8 января 1794 г. (у И.В. Мосхури оно ошибочно датировано 8 февраля), но в тексте этого документа о брате И.Г. Ставраки Иакове вообще не говорится, упомянут только сам «Иван Юрьев сын Ставраки» [7, л. 1–1 об.]. В более поздней интернет-публикации И.В. Мосхури «Из истории Керчь-Еникальских греков» (2015) назван еще один брат И.Г. Ставраки — Георгий: «В числе греков, обосновавшихся в то время в Керчи и Ени-кале, были < … > выходцы с острова Крит братья Иоаннис и Георгий Ставраки …» [6], ссылка на источник у автора отсутствует. Таким образом, наличие у И.Г. Ставраки братьев Иакова и Георгия подтвердить источниками не удается, и их существование остается сомнительным.

В «Семейном списке» (январь 1808 г.) указан состав семьи И.Г. Ставраки в то время: «Иван Юрьев сын Ставраки 55 лет, женат на штаб-офицерской дочери Анастасии Константиновне 32 лет. Детей имеет — сыновей: Юрия 19 лет, Николая 17 лет, Харлампия 10 лет, Федора 4 лет, Михайла 3 лет; дочерей: Василису 21 года, Катерину 18 лет, Елену 11 лет» [7, л. 3 об.]. Уже простое сопоставление возраста жены и старших детей Василисы, Юрия (Георгия), Катерины и Николая приводит к выводу, что столь молодой возраст Анастасии указан ошибочно, ей в 1808 г. должно было быть не менее 38–40 лет. Исправить ошибку позволяет «Семейный список» ее сына Георгия (июнь 1820 г.), по этому документу Анастасии было тогда 53 года [7, л. 14], т.е. родилась она в 1767 г. Эту дату ее рождения подтверждает и генеалогический сайт «MyHeritage», где указано, что жена И.Г. Ставраки Анастасия родилась в 1767 г. на Крите [13], т.е. она была дочерью кого-то из архипелагских греков, дослужившегося в России до штаб-офицерских чинов. Точную дату смерти Анастасии установить не удалось; ясно, что умерла она после июня 1820 г., а в метрических книгах Керчи последнее обнаруженное упоминание о ней, как о восприемнице при крещении, относится к 13 июня 1815 г. [14, л. 88].

Таким образом, на основании анализа метрических книг и архивов Таврической губернии, можно утверждать, что у И.Г. Ставраки было пять сыновей, продолжателей рода:

1. Юрий (Георгий) Иванович Ставраки (1785?–5.07.1855);
2. Николай Иванович Ставраки (1794?–?);
3. Харлампий Иванович Ставраки (1798?–28.05.1853);
4. Федор Иванович Ставраки (1805?–06.02.1873);
5. Михаил Иванович Ставраки (19.10.1806–3.01.1892).

Любопытно, что в метрических книгах Керчи за 1814–1866 гг. встречаются записи о «керчь-еникальском жителе» Петре Ивановиче Ставраки (1786?–4.06.1826), его жене Екатерине (умерла в 1866 г.) и их детях Андрее, Анастасии и Василисе [15, л. 249; 16, л. 51; 17, л. 76–77; 18, л. 237]. Ни в одном из «Семейных списков» [7, л. 3 об., 14; 19, л. 10], относящихся к роду Ставраки, Петр не упоминается, поэтому нет веских оснований считать его сыном И.Г. Ставраки.

Самый старший из сыновей Юрий (Георгий) прожил достаточно долгую (почти 70 лет) и особенно ничем не примечательную жизнь, во всех источниках, где он упоминается, и его самого, и его жену называют просто «еникальскими жителями». В его «Семейном списке» (июнь 1820 г.) указано: «Георгий Иванов сын Ставраки, 32 лет. Жена его — Марья Мануилова дочь, 23 лет. Дети их, дочери — Прасковья 4 лет и София 2 лет. Имеет в Еникале дом и лавки, а подле их двор с магазейном и 4 покоями. Жительствует в Еникале Феодосийского уезда, чина не имеет, в службе не был» [7, л. 14]. Трагическим оказался финал жизненного пути Георгия: во время оккупации Керчи он был убит турками 5 июля 1855 г. вместе с другими местными

жителями, только среди прихожан керченского Свято-Троицкого собора от рук оккупантов за время Крымской войны погибли 14 мирных обывателей [20, лл. б/н].

Из четырех известных детей Георгия (Яков, Григорий, Параскева и Александра) наибольших успехов добился на гражданской службе Яков (родился в 1830 г.), в 1871 г. он был уже титулярным советником в коммерческом суде Керчь-Еникальского градоначальства [21, л. 463; 22, с. 32]. Внук Георгия, Георгий Яковлевич Ставраки (родился 12.01.1875 г.), личный дворянин, в 1895 г. окончил известное Никитское училище садоводства и виноделия; в 1896–1897 гг. он служил садоводом-виноделом и помощником управляющего в имении «Мариенталь» Д.Д. Посполитаки близ Керчи [23, л. 4; 24].

Федор Иванович Ставраки посвятил себя гражданской службе, в «Семейном списке» (июнь 1820 г.) о нем записано: «Федор 17 лет, холост, живет при доме матери своей, чина не имеет, в службе не бывал. Мать < … > Анастасия Константинова дочь Ставракиева, вдова, 53 лет. С ней живет дочь ее Домникия 10 лет. Мать имеет дом и 2 лавки в Еникале, кроме того, двор с магазейном и 2 покоями» [7, л. 13,14]. Службу Ф.И. Ставраки начал в 1836 г. канцеляристом в Феодосийском градоначальстве [25, л. 96], в ноябре 1865 г. он уже имел чин титулярного советника [21, л. 441]. В последние годы жизни (1870–1873 гг.) Ф.И. Ставраки служил в архиве Керчь-Еникальского градоначальства и избирался от дворян в квартирную комиссию градоначальства, умер он 6 февраля 1873 г. [26, с. 34; 22, с. 31, 32; 27, л. 113].

Из пяти сыновей Ф.И. Ставраки (Иван, Николай, Георгий, Леонид и Михаил) наиболее известен Иван, его называют одним из «первопроходцев нотариата» на Кубани. В 1882 г. он был переведен на должность нотариуса станицы Лабинской Екатеринодарского окружного суда. В этой должности и в чине коллежского секретаря И.Ф. Ставраки служил до конца своих дней, 25 ноября 1916 г. «в связи со смертью» он был исключен из списков нотариусов. За службу «честную и справную» был награжден орденом Св. Анны 3-й степени и орденом Св. Владимира 4-й степени. Кроме того, И.Ф. Ставраки имел серебряную медаль в память царя Александра III для ношения на ленте ордена Св. Александра Невского [28].

Двое сыновей Ф.И. Ставраки рано закончили свой жизненный путь. В возрасте 30 лет умер от чахотки 5 декабря 1873 г. коллежский секретарь Николай Федорович Ставраки [27, л. 130]. От тифа умер 7 мая 1865 г. в Бердянске, в возрасте не более 30 лет, бухгалтер Бердянской таможни Леонид Федорович Ставраки [29, с. 72].

Единственным из сыновей И.Г. Ставраки, получившим всероссийскую известность, как герой обороны Севастополя 1854–1855 гг., был Михаил Иванович Ставраки, всю жизнь посвятивший флотской службе. Родился он 19 октября 1806 г. в Еникале [13], в комментарии редакции журнала «Русская старина» к его воспоминаниям о походе русской эскадры в 1833 г. в Стамбул ошибочно указана другая дата его рождения — 1808 г. [30, с. 363].

М.И. Ставраки начал службу на Черноморском флоте гардемарином 9 июля 1821 г., произведен в мичманы 21 апреля 1824 г., участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в 1832–1833 гг. служил на корабле «Память Евстафия» в должности ревизора, владел турецким языком [30, с. 363–364; 12, с. 214; 31]. Во время похода русской эскадры в 1833 г. в Стамбул М.И. Ставраки был уже лейтенантом флота (с 11 марта 1831 г.) [12, с. 293; 31]. С 6 декабря 1841 г. М.И. Ставраки — капитан-лейтенант [32, с. 173; 33, с. 148; 12, с. 315–316; 31], 17 декабря 1844 г. награжден орденом святого Георгия IV класса [34], в 1846–1847 гг. — командир корвета «Ифигения» [35]. С 23 апреля 1850 г. М.И. Ставраки — капитан II ранга [36, с. 112; 37, с. 146, 149; 31]. Во время Крымской войны в должности помощника капитана над Севастопольским портом с 23 сентября (5 октября) 1854 года по 27 августа (8 сентября) 1855 года он находился в рядах защитников Севастополя. За проявленное отличие был произведен в чин капитана 1 ранга (30.03.1855 г.) и награжден орденом Св. Анны 2 степени с Императорской короной (8.09.1855 г.), а в последующие годы произведен в генерал-майоры по адмиралтейству (18.04.1860 г.) с на-

значением членом Морского военного комитета [38; 31]. В августовском номере журнала «Русская старина» за 1884 г. опубликованы воспоминания М.И. Ставраки о походе русской эскадры в 1833 г. в Стамбул [30, с. 363–368]. Умер он 3 января 1892 г., похоронен на Братском кладбище (г. Севастополь), могила и памятник сохранились.

Жена М.И. Ставраки Надежда Григорьевна Попандопуло (умерла 24.03.1904 г.) была дочерью генерал-майора Г.А. Попандопуло (в работе [31] она ошибочно названа Натальей).

Печально известен сын героя севастопольской обороны Михаил Михайлович Ставраки (родился 11.03.1866 г.) После окончания гимназии и Морского кадетский корпуса (1886 г.) он также посвятил себя флотской службе: мичман (1887 г.) во 2-м Черноморском флотском экипаже, лейтенант (1894 г.), старший офицер канонерской лодки «Терец», капитан 2 ранга (2.04.1906 г.). В 1906 г. был переведен на Балтийский флот и исключен из службы: «всемилостивейше повелено» считать его уволенным капитаном 2 ранга (с 6.05.1911 г.).

С августа 1911 г М.М. Ставраки занимал должность смотрителя Ай-Тодорского маяка в Крыму. Во время Первой мировой войны служил помощником военного губернатора в Мариуполе, а в 1917 г занимал должность начальника обороны Севастополя с моря и командира брандвахтенной службы. После 1917 г. жил в Севастополе, затем в Грузии, служил в Батуми смотрителем маяков. Арестован в Батуми (29.06.1922 г.) и расстрелян по приговору от 3.04.1923 г. выездной коллегии Верховного Суда РСФСР. Реабилитирован Верховным Судом РФ «за отсутствием состава преступления», на том основании, что он являлся лишь добросовестным исполнителем приказаний своих начальников и не выходил за пределы своих полномочий (17.07.2013 г.) [31; 39].

Печальную известность М.М. Ставраки принесло его участие в марте 1906 г. на о. Березань в расстреле лейтенанта П.П. Шмидта и других руководителей восстания на крейсере «Очаков». Казнь была проведена по приказу командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина, руководил ею капитан-лейтенант В.И. Радецкий, командир учебного судна «Прут»; роль М.М. Ставраки с канонерской лодки «Терец» сводилась к тому, что он был командирован на остров для связи между лодкой и берегом [39]. Репутация палача была создана ему в ряде произведений художественной литературы и в публицистике, начало такой трактовке событий положил известный писатель К.Г. Паустовский. Эта репутация сыграла существенную роль в печальной судьбе сыновей М.М. Ставраки Глеба (1897–1938), Константина (1900–1937), Андрея (1904–1941) и других представителей рода Ставраки.

В ноябре 1894 г. М.М. Ставраки женился на Надежде Сергеевне Лаппо-Данилевской (1872–1944) — младшей дочери вице-губернатора Таврической губернии С.А. Лаппо-Данилевского (1834–1911). *Н.С. Ставраки* (Лаппо-Данилевская) при советской власти преподавала французский язык, скончалась она 10.02.1944 г. в оккупированном Симферополе, пережив всех своих детей [39].

Военную службу выбрал сначала и другой сын Ивана Ставраки — Николай. Он поступил 9 сентября 1812 года унтер-офицером в 4-й Морской полк, 6 апреля 1814 г. получил в том же полку звание подпрапорщика. В Великолуцком пехотном полку 30 января 1819 г. он стал прапорщиком, в поручики произведен 2 июня 1823 г. в 4-м Украинском уланском полку. В 1825 г. недолго состоял в отдельном корпусе военных поселений, уволен со службы с чином поручика по собственному прошению из-за домашних обстоятельств (указ об отставке № 55 от 6 февраля 1825 г.). За усердие и труды, оказанные во время свирепствовавшей в Крыму в 1812 г. моровой язвы, 10 марта 1816 г. ему объявлено Высочайшее благоволение [19, л. 10].

Н.И. Ставраки, житель Еникале, женился на Елене Ивановне Бардаки, дочери генерал-майора, жившей в Севастополе. Братья невесты, офицеры Черноморского флота, служили вместе с младшим братом жениха Михаилом Ивановичем Ставраки. В 1833–1842 гг. Н.И. Ставраки был полицмейстером в г. Бахчисарае [40; 41, с. 192; 42, с. 124; 43, с. 174; 12, с. 246]. В полицейском деле о смерти прежнего бахчисарайского полицмейстера Мессера и назначении

на его место Н.И. Ставраки (1833 г.) [40] указано звание последнего: поручик. В соответствии с «Адрес-календарем» Российской империи на 1843 год [42, с. 124], на 1 ноября 1842 г. Н.И. Ставраки имел звание подпоручика, однако «Новороссийский календарь на 1842 год» [43, с. 174] называет его штаб-ротмистром.

В 1836 г. Н.И. Ставраки подал в Таврическое дворянское депутатское собрание документы для внесения в Родословную дворянскую книгу Таврической губернии, и 26 ноября 1836 г. собрание решило: «…внести его, поручика Николая Ставраки с женою Еленою и сыном Александром, во вторую часть родословной книги дворянства Таврической губернии и выдать ему в род грамоту». В Родословную книгу были занесены краткие сведения о семье дворянина: «Поручик Николай Иванович Ставраки, 42 лет, полицмейстер в Бахчисарае. Женат на дочери генерал-майора Бардаки Елене Ивановне, имеет сына Александра 15 лет и Дмитрия 9 лет. Имеет в Бахчисарае дом». Однако Департамент герольдии Сената не согласился с решением Таврического собрания: «Указом герольдии от 26 апреля 1845 г. род сей не утвержден во дворянстве» [19, л. 10]. Департамент герольдии лишь в 1844 г. обнаружил, что в делах многих дворян-греков, чьи предки поступили на службу России во время Первой Архипелагской экспедиции, отсутствовали документы о принятии ими присяги на верность России, т.е. их потомки, уже занимавшие высокие посты и давно внесенные в Родословные книги, формально оказались лицами без подданства, которым следовало пройти процедуру натурализации [44, с. 13–14]. Только Указом Сената по Департаменту герольдии от 1 марта 1866 г. (№ 1212) род был утвержден в потомственном дворянстве [19, л. 10].

По имеющимся источникам трудно судить о благосостоянии семьи, а собственный дом в Бахчисарае и единственная упомянутая в 1830 г. в метрических книгах крепостная Н.И. Ставраки [45, л. 125] об особом его богатстве не свидетельствуют.

Сын Н.И. Ставраки Александр служил в 1854–1859 гг. на Черноморском флоте командиром различных рабочих экипажей в звании майора (служащие в ластовых экипажах имели «сухопутные» звания) [46, с. 299; 47, с. 358].

Его брат Дмитрий (родился 10 октября 1830 г. [48, л. 302]) состоял на гражданской службе в северных уездах Таврической губернии и в Одессе. В 1859–1861 гг. Д.Н. Ставраки служил в Мелитополе дворянским заседателем в уездном суде, сначала в чине коллежского регистратора, а затем — губернского секретаря [47, с. 301; 22, с. 236]. В августе 1863 г. в Бердянске произошел любопытный инцидент: на пристани, в присутствии многочисленной публики, собравшейся по случаю визита в Бердянск цесаревича Николая (14–15 августа 1863 г.), Д.Н. Ставраки получил пощечину от Р.П. фон Дезина, инженера, руководившего строительством волнореза в Бердянском порту [29, с. 122; 49, с. 75–76]. В сентябре 1866 г. в Бердянске состоялась 1-я сессия Бердянского уездного земского собрания, председательствовал на ней уездный судья коллежский секретарь Дмитрий Николаевич Ставраки, исполнявший тогда обязанности Бердянского уездного предводителя дворянства [29, с. 122; 49, с. 86–87].

В 1871–1872 гг. коллежский секретарь Д.Н. Ставраки служил в Одессе исполняющим обязанности письмоводителя в городовом сиротском суде [50, с. 6; 22, с. 8]. Информация о его возвращении в 1873 г. в Бердянск на должность уездного судьи [51, с. 152], скорее всего, ошибочна. В 1875 г. в Одессе у Д.Н. Ставраки родился сын Николай Дмитриевич (1875–1938) [52].

Ставраки Харлампий (Харалампий) Иванович, отец Э.Х. Ставраки, начал свою карьеру с военной службы. Вот что написано о нем в «Семейном списке» (июнь 1820 г.): «Харлампий 19 лет, холост, в отлучке, подпрапорщик в Крымском пехотном полку» [7, л. 13,14]. В 1826–1834 гг. Х.И. Ставраки служил переводчиком Керченской портовой таможни (Таврическая губерния, Керчь-Еникальское градоначальство) сначала в чине коллежского регистратора (1826–1830 гг.), затем — губернского секретаря (1831–1833 гг.) и коллежского секретаря (1833–1834 гг.) [53, с. 223; 54, с. 187; 48, л. 299, 301; 55, л. 9; 56, л. 25; 57, л. 50, 58, 62]. В 1836 г. коллежский секретарь

Х.И. Ставраки поступил на службу юрисконсультом коммерческого суда в г. Феодосии, в том же году он получил чин титулярного советника и прослужил там до 1844 г. [41, с. 187; 58, с. 123; 59, л. 7]. В 1846 г. титулярный советник Х.И. Ставраки служил переводчиком в Коммерческом суде Керчь-Еникальского градоначальства [60, с. 208]. Последние годы жизни (1850–1853 гг.) он был переводчиком с азиатских языков (турецкого) на Керченской таможне [61, с. 291; 62, с. 295; 63, с. 326; 64, л. 176].

Х.И. Ставраки, титулярный советник, умер 28 мая 1853 года в Керчи от продолжительной болезни в возрасте 55 лет, погребен 30 мая 1853 года на приходском кладбище [64, л. 176].

Женат он был дважды, первая его жена Аграфена (Гаруфа?) Ивановна умерла от чахотки 10 августа 1836 г. в Феодосии в возрасте всего лишь 23 лет [59, л. 7]. Две его дочери от первой жены: Александра (родилась 2 июня 1830 г.) [48, л. 301] и Екатерина (родилась 1 сентября 1833 г.) [56, л. 25] умерли в детском возрасте в 1834 г. [57, л. 58, 62].

Второй женой Х.И. Ставраки была Анна (Анфиса?) Алексеевна, от нее родились две дочери: Анастасия (родилась 1 октября 1848 г.) [65, л. 255] и Елена (родилась 7 июня 1851 г.) [66, л. 10]. Сын Эраст родился 10 ноября 1853 г. [4, л. б/н] уже после смерти Х.И. Ставраки.

В метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви г. Керчи за 1861 г. упоминается (в качестве поручителя по жениху при бракосочетании) канцелярский служитель Михаил Харлампиевич Ставраки [67, л. 208], вероятно, — это еще один сын Х.И. Ставраки.

Родственные отношения Х.И. Ставраки поддерживал со своими старшими братьями Юрием (Георгием), Николаем и младшим братом Федором. Федор был восприемником при крещении его дочерей Александры и Екатерины [48, л. 301; 56, л. 25], а сам Харлампий крестил сына Н.И. Ставраки Леонида [55, л. 9]. Сын старшего брата Юрия, Дмитрий Георгиевич Ставраки, «воспринял от купели» дочь Х.И. Ставраки Елену [66, л. 10].

Турецкому языку Х.И. Ставраки обучил, скорее всего, его отец, хорошо владел этим языком и его младший брат М.И. Ставраки.

Из крепостных, находившихся в собственности Х.И. Ставраки, по керченским метрическим книгам за 1830–1835 гг. известна только непутевая дворовая девка Парасковья: почти ежегодно отмечены крещения и погребения ее незаконно рожденных детей [48, л. 303; 68, л. 164].

Как уже говорилось выше, Ставраки Эраст (Ераст) Харлампиевич, автор рукописи, родился в Керчи 10 ноября 1853 г. и был крещен 16 ноября того же года в керченском Свято-Троицком соборе [4, л. б/н]. Отец его, Х.И. Ставраки, к тому времени уже умер (28 мая 1853 г., см. выше).

Интересно, что крестили Эраста не в греческой Иоанно-Предтеченской (Свято-Предтеченской) церкви, где отпевали его отца. Судя по метрическим книгам Свято-Предтеченской церкви, к ее приходу были приписаны практически все греки рода Ставраки, жившие в первой половине XIX в. в Еникале-Керчи. Выбор Свято-Троицкого собора, мало связанного с греческой общиной города, как места крещения Эраста, можно объяснить только волей его матери Анны Алексеевны, семья которой, скорее всего, относилась к приходу Свято-Троицкого собора и не принадлежала к сообществу местных греков.

Восприемником при крещении был смотритель аптекарских материалов и красок, магистр фармации и титулярный советник Николай Иванович Угаров (1808?–1.05.1861), сослуживец Х.И. Ставраки по Керченской таможне в 1850–1852 гг. «Восприемницей от купели» записана и дочь подполковника, девица Александра Алексеевна Гурьева [4, л. б/н; 62, с. 295; 67, л. 196]. Восприемниками при крещении детей родители очень часто выбирали своих родственников, поэтому нельзя исключать, что Александра Алексеевна Гурьева состояла в каком-то родстве с Анной Алексеевной Ставраки, матерью Эраста.

Александра Алексеевна Гурьева (родилась 17 сентября 1836 г.) — дочь подполковника корпуса горных инженеров Алексея Васильевича Гурьева (1811?–12.11.1849), православного, и его жены, остзейской немки Екатерины Цезаревны, дочери негоцианта, католического

вероисповедания [69, л. 199; 70, л. 183]. Гурьевы были достаточно обеспеченной семьей, воспитанник Горного кадетского корпуса (окончил 13 января 1827 г.) Алексей Васильевич Гурьев умер от чахотки в 38 лет в звании подполковника корпуса горных инженеров, был награжден орденом Св. Анны 3 ст. (6 декабря 1840 г.) и орденом Св. Владимира 4 ст. (6 декабря 1844 г.) [71, л. 51–52]. Судя по записям в метрических книгах, Гурьевы в Керчи в 1836–1853 гг. были прихожанами Свято-Троицкого собора, а в сентябре 1861 г. Екатерина Цезаревна Гурьева 43 лет, вдова, и дети ее, Дмитрий и Софья, указаны в соборной исповедной росписи [72, л. 256].

Еще до рождения Э.Х. Ставраки Россия в октябре 1853 г. вступила в Крымскую войну (1853–1856 гг.), но война эта на начальном этапе шла вдали от Крыма. Крым стал ареной военных действий с сентября 1854 г., когда объединенные английские, французские и турецкие войска высадились в Евпатории. Керчь была захвачена ими практически без боя 12 мая 1855 г., крайне тяжелая для мирных жителей (особенно, для греков) оккупация продолжалась до 10 июня 1856 г., когда вражеский экспедиционный корпус покинул город после заключения Парижского трактата (подписан в марте 1856 г.). Керчь была разрушена, из имевшихся до войны 1562 домов в городе пригодными для жилья остались только 380, остальные были либо разрушены до основания, либо повреждены и разграблены. Многие мирные жители бежали из Керчи и окружающих селений, в их числе оказалась, вероятно, и вдова Анна Алексеевна Ставраки с тремя малолетними детьми: Анастасией, Еленой и Эрастом, после Крымской войны исчезают всякие упоминания о них в метрических книгах керченских церквей.

До настоящего времени так и не удалось выяснить, как сложилась дальше судьба матери Э.Х. Ставраки и его сестер, где он провел детство и какое получил образование. Во всяком случае, в Керченской Александровской гимназии, открывшейся в 1863 г., он не учился [73, с. 29–45].

По крайней мере с 1882 г. Э.Х. Ставраки был учителем русской словесности в центральном училище немецкой колонии Грунау Мариупольского уезда [2, л. 1–8 об.] (сейчас Грунау — это часть поселка Розовка Розовского района Запорожской области, неофициально называемая местными жителями «шестой», т.е. немецкой колонией № 6).

В соответствии с метрической книгой церкви Св. Пророка Ильи, 9 января 1883 г. в селении Темрюк (сейчас — с. Старченково) Э.Х. Ставраки, «грунауского училища учитель, дворянин, < … > 30-ти лет, православный» обвенчался с поселянкой колонии Рундевизе (сейчас — с. Луганское) Вильгельминой Николаевной Гааг (Haag) «19-ти лет, лютеранского вероисповедания»; для обоих это был первый брак. Свидетелями при венчании записаны немецкие колонисты Я.И. Ян, К.И. Ян, К.К. Кошке и купеческий сын из Майкопа М.Н. Скрынников [74, л. 60].

Вильгельмина Гааг родилась 25 ноября 1864 г. в Рундевизе, крещена 20 декабря 1864 г. пастором Х.Э. Хольтфретером в приходской церкви Грунау. Ее родителями были Николаус Гааг (Johann Nikolaus Haag) и его жена Мария, урожденная Ян (Jahn), колонисты из Рундевизе, лютеране [75, л. 221].

Колонисты Гааг переселились в Рундевизе в 1832 г. из немецких колоний Борзненского уезда Черниговской губернии и почти сразу обратили на себя внимание тогдашнего смотрителя Мариупольского округа Ф.К. Киршнера и окружного приказа. В Одесском архиве имеются интересные документы о выходе Иоганна Генриха Гаага (сына колониста из Рундевизе) из колонистского звания и поступлении его на службу по аптекарской части (ГАОО, ф. 6, оп. 1, дд. 3110, 3166). В 1833 г. И.Г. Гааг получил согласие общины на выход из колонистского звания, сдал экзамен в совете Харьковского университета и получил в 1835 г. свидетельство на звание гезеля (помощника аптекаря), что соответствовало, по «Табели о рангах», чину XIV класса на гражданской службе, позднее он стал провизором 1 класса [76, с. 30, 40–41]. В 80-е годы XIX в. в Грунау существовала частная аптека провизора Гаага, в 1887 г. ее арендовал провизор Лучицкий [77, с. 38].

Тесть Э.Х. Ставраки Н. Гааг был не только зажиточным колонистом, но и человеком из-

вестным как в Рундевизе, так и во всем Мариупольском колонистском округе. В середине XIX в. Н. Гааг — председатель окружного сельскохозяйственного общества; среди 15 подписчиков газеты «Unterhaltungsblatt» в Рундевизе в 1854 г. четверо носили фамилию Гааг, есть среди них и Николаус. Я. Штах в своей книге о Грунау и Мариупольском округе пишет об успехах Н. Гаага в разведении табака, шелководстве, о высоких урожаях пшеницы на его поле. В 1854 г. за успехи в сельском хозяйстве Н. Гааг был отмечен благодарственным письмом председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южной России барона Ф.Ф. Розена [78, с. 63–64, 66, 68, 71].

Брат Н. Гаага Георг в 1854 г. был шульцем (старостой) колонии Рундевизе, во время Крымской войны он, в числе 23-х немецких колонистов юга России, был удостоен «особого благоволения» императора Николая I «за оказанное усердие при приеме и сопровождении войск, следовавших в г. Севастополь» [79, с. 79]. 5 июня 1856 г. Николаусу Гаагу, в числе других немецких колонистов юга России, была пожалована «за усердие в выполнении надобностей военного времени» серебряная медаль для ношения на шее с надписью «За усердие» на Аннинской ленте [80, с. 42].

Следует отметить, что не все представители рода Гааг, водворенные в колонии Рундевизе, отличались склонностью к культурному ведению хозяйства, стремлением к образованию и законопослушностью, случались у них и конфликты с руководством (сельским приказом) колонии. В Одесском архиве хранилось дело «О колонисте колонии Рундевизе Павле Гааге за нанесение бейзицеру сей колонии обиды» (ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 4070), датированное ноябрем 1835 г., к настоящему времени, к сожалению, утраченное [76, с. 198].

В январе 1890 г. пастор в Грунау Т.Ф. Клюдт (в русских документах его называют Федором Ивановичем, Ф.И. Клюдтом) в своем объяснении пишет, что Э.Х. Ставраки поддерживает и защищает во всем его тесть волостной писарь Гааг [81, л. 8]. Однако в календаре для немецких колонистов на 1888 г. указано, что писарем в Грунауской волости был в то время Карл Шюсс [77, с. 33].

Любопытно, что в апреле 1897 г. из лютеранства в православие перешел Х.Л. Гааг из колонии Рундевизе (Луганское) с женой и двумя сыновьями 12-ти и 14-ти лет [82, с. 331], родственник по отцу жены Э.Х. Ставраки Вильгельмины Николаевны (в девичестве — Гааг).

Рукопись о Грунау Э.Х. Ставраки завершил 31 декабря 1884 г. При его жизни рукопись так и не была опубликована, еще до Февральской революции 1917 г. она каким-то образом оказалась в библиотеке Одесского общества истории и древностей (см. библиотечный штамп на ее первой странице, рис. 1), а в настоящее время рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского, в Институте рукописи (г. Киев) [2, л. 1–8 об.].

В 1887 г. Э.Х. Ставраки был учителем для обучения предметам на русском языке в центральном училище в Грунау, известен и его тогдашний коллега по училищу, учитель для обучения на немецком языке Иоганн Фей (Johann Fey), [77, с. 53].

Уже с 1889 г. Э.Х. Ставраки был руководителем (учителем-заведующим) этого училища [81, л. 4 об., 5 об., 14], осенью 1893 г. он служил на прежнем месте, преподавая русскую словесность [83, с. 81].

По сообщению мариупольского «Адрес-календаря» за 1910 г. [84, с. 108], Э.Х. Ставраки проживал тогда в Мариуполе в собственном доме на улице Итальянской и был в 1910 г. заведующим Пушкинским городским начальным училищем на Слободке.

В соответствии с записью в метрической книге Марие-Магдалинской церкви, учитель начального училища Э.Х. Ставраки умер в Мариуполе 28 сентября 1911 г. в возрасте 57 лет от водянки (асцита), похоронен на следующий день на общем городском кладбище Мариуполя [85, л. 244].

О детях Э.Х. Ставраки известно немного.

Его сын, Владимир Эрастович Ставраки, 4 января 1915 г. крестил в Рождество-Богородичной церкви Мариуполя свою дочь Аллу (внучку Э.Х. Ставраки, родившуюся 2.01.1915 г.). В соответствующей записи метрической книги этой церкви он назван «дворянином г. Керчи Таврической губернии», указана и первая «законная жена его, Зинаида Иоаннова, оба они православные» [86, л. 3]. «Екатеринославский адрес-календарь» (1916 г.) сообщает, что Владимир Эрастович Ставраки был тогда преподавателем Мариупольского реального училища (учрежденного В.И. Гиацинтовым) [87, с. 365]. В.Э. Ставраки работал в училище с 15 февраля 1915 г., преподавал немецкий язык и был классным наставником. Звания учителя В.Э. Ставраки тогда не имел, после гимназии окончил дополнительный VIII-й «педагогический» класс, его общее жалование составляло в 1915–1916 гг. 1920 руб. в год [88, с. 121].

В поселке Седово (до 1940 г. — Кривая Коса) сохранилось фото второй жены В.Э. Ставраки Валентины Васильевны, сделанное 7 мая 1935 г. с учениками 1-го класса, она была в Кривокосской средней школе учительницей начальных классов [89]. Очень вероятно, что В.Э. Ставраки также работал тогда в этой школе. Во время немецкой оккупации в 1942 г. он был заведующим районным отделом образования (РайОНО) Буденовского района Юзовского округа. По воспоминаниям старожилов с. Гнутово, восстанавливая в селе работу школы в 1942 г., Ставраки и Литвинов (тогдашний инспектор РайОНО) вызвали учителей, которых хорошо знали, и сказали: «Немцы пришли и уйдут, а дети наши. Мы должны их учить, работайте, вы знаете, как это делать» [90]. По свидетельству старожилов пос. Седово, переводчиками при допросах немцами местных жителей часто были бывший директор школы грек Владимир Эрастович Ставраки и его жена, отлично знавшие немецкий язык (мать Владимира была немецкой колонисткой). Они часто предупреждали, кого планировалось забрать в Германию, и молодые хлопцы и девчата успевали скрыться [91]. В сентябре 1943 г., сразу после освобождения, В.Э. Ставраки преподавал физику и химию в пос. Седово [92], позднее (с 11.11.1944 г. по 29.04.1945 г.) он был заведующим районным методическим кабинетом Буденовского (сейчас — Новоазовского) района [93].

Найти какую-либо информацию о В.Э. Ставраки и его жене по периоду после апреля 1945 г. не удалось, можно предполагать, что они, в той или иной форме, были привлечены к ответственности за сотрудничество с немецкой оккупационной администрацией.

Среди «восприемников» при крещении в январе 1915 г. упомянут еще один сын Э.Х. Ставраки, «офицер армии» Валентин Эрастович Ставраки [86], участник Первой мировой войны, в звании прапорщика он был ранен в сентябре 1915 г. [94]. По окончании Гражданской войны оказался в эмиграции, в звании капитана фигурирует в списках офицеров знаменитого Дроздовского полка (1924 или 1925 г.) с пометкой «вычеркнут», дальнейшая его судьба неизвестна [95].

Другой «восприемницей» в январе 1915 г. была дочь Э.Х. Ставраки, Анна Эрастовна Ставраки, учительница 2-го Игнатьевского училища в Мариуполе [86]. Во 2-м Игнатьевском училище она работала в 1912–1917 гг., имела звание учителя, на службе в Мариупольском уезде с 1 сентября 1905 г. До этого учительствовала в Ялте (1906–1909 гг.), Ново-Апостоловке (1909–1911 гг.) (в 1923–2016 гг. — с. Чичерино Волновахского района), Платоновке (1911–1912 гг.) (сейчас — г. Волноваха) [96, с. 503].

Еще одна дочь Э.Х. Ставраки, Людмила Эрастовна, фигурировала в «Списке учебного персонала, состоящего на должности в содержимых Мариупольским земством народных школах Мариупольского уезда и города» (составленном 16 сентября 1913 г.), как учительница начальных классов в с. Комар (Великоновоселковский район Донецкой области). Звания учителя она не имела, но, закончив после семилетней женской гимназии дополнительный VIII-й «педагогический» класс, получила право работать учителем начальной школы [97, с. 23–25].

Таковы, вкратце, основные факты биографии Э.Х. Ставраки и истории его рода, которые удалось выяснить к настоящему времени.

2. «Немецкий вопрос» и реформа колонистских школ в судьбе Э.Х. Ставраки

Рукопись не принесла Э.Х. Ставраки известности, но еще при жизни он был упомянут в одном публицистическом сочинении, достаточно популярном у российской образованной публики в конце XIX в., причем упомянут в самом положительном тоне.

Вот что написал в 1895 г. об Э.Х. Ставраки известный общественный деятель Екатеринославщины и публицист Петр Валерьевич Каменский (1860–1917), позднее — депутат II и III Государственной Думы, октябрист [98], в своей книге, посвященной «немецкому вопросу», столь волновавшему тогда российскую общественность: «Осенью 1893 года мне лично пришлось посетить Грунауское и Хортицкое центральные училища Екатеринославской губернии. < … > В Грунауское училище Мариупольского уезда я приехал совершенно неожиданно и посетил училище по праву прикосновенного к Мариупольскому училищному совету. В школе только что возобновились занятия после летних каникул. Когда я вошел в класс, учитель занимался с учениками синтаксическим разбором русской речи. Ответы учеников обнаруживали, что русский язык изучается в училище в объеме гимназической программы. Преподаватель г. Ставраки, родом грек, конечно, безукоризненно владел русскою речью, как природный русский человек. Его ученики также совершенно свободно объяснялись по-русски и даже с известным успехом преодолевали трудности акцента. При расставании ученики, под управлением своего учителя, хором пропели «Боже, Царя Храни» с увлечением и с пониманием смысла гимна» [83, с. 81].

В ряде современных работ [99, с. 320; 100, с. 53–54; 101, с. 114] деятельность Э.Х. Ставраки в Грунауском центральном училище оценивается во многом отрицательно, при этом ссылаются на архивные материалы Одесского учебного округа конца XIX в., хранящиеся в настоящее время в государственном архиве Одесской области. Причина такого расхождения в оценках и поляризации мнений заключается в той непростой общественной обстановке, которая сложилась в то время на юге России вокруг «немецкого вопроса» и начавшегося реформирования школы в немецких колониях.

Отношения немецких колоний как с российской властью, так и с окружающим не немецким населением никогда не были безоблачными, но до 70-х гг. XIX в. конфликты не выходили на общероссийский уровень и не привлекали столь пристального общественного внимания.

Зажиточность колонистов всегда вызывала зависть и раздражение живших в соседних селениях русских, греков и малороссов. При этом все: от неграмотных малоземельных поселян, до образованных земцев, ученых, экономистов и статистиков (А.А. Клаус, Я. Штах, В.Е. Постников, П.В. Каменский) прекрасно понимали, что в основе достатка немецких колонистов, кроме объективно им присущих трезвости, трудолюбия и налаженного самоуправления, лежали размеры изначально выделенных им земельных участков, щедрое кредитование и правительственная помощь при неурожаях и эпизоотиях. Особенности наследования земли у колонистов практически исключали дробление наделов, сохраняя крупные зажиточные хозяйства, но постоянно увеличивая в каждой колонии число безземельных «соседей» (Anwohner) (см. комментарий 5) и создавая конфликтную ситуацию внутри самой колонии. В первой половине XIX в., когда необрабатываемой земли в Новороссии было еще достаточно, эту проблему зачастую решала российская власть, выделяя землю под новые дочерние колонии, куда и отселялись безземельные (см. комментарий 4). Позднее колонистские общества занялись скупкой земли для безземельных колонистов как у поселян, так и у крупных землевладельцев. Земля переходила «в немецкие руки», это вызывало неудовольствие уже не только у крестьянства, но и у дворян и чиновников-разночинцев.

Другой проблемой была известная отчужденность колоний, стремление колонистов

жить в своем замкнутом мире, сократив до минимума контакты с окружающим ненемецким населением. Причинами этого были иноконфессиональность колоний (лютеране, католики и меннониты в православном окружении) и незнание большинством колонистов русского языка (в школах колоний на юге России все обучение шло на немецком языке; лютеранское духовенство, от Петербургской консистории до пасторов в приходах, делало все, чтобы сохранить этно-конфессиональный характер своих школ). Долгое время российская власть не обращала на эту проблему особого внимания (сетуя лишь на отсутствие культурного влияния немцев на окружающее население). Понимали пагубность незнания русского языка наиболее прогрессивные из немецких колонистов, занимавшиеся уже не только традиционным для них сельским хозяйством, но и стремившиеся на равных войти в русскую торговую и промышленную предпринимательскую среду.

В 70-е годы XIX в., под влиянием ряда событий, в общественном мнении в России существенно изменился взгляд на немецкие колонии и некоторые связанные с ними проблемы. В 1871 г. после военной победы над Францией ряд германских государств объединились вокруг Пруссии и была провозглашена Германская империя (II-й Рейх) с 40 миллионами подданных, император Вильгельм I мог поставить под ружье до миллиона солдат. Теперь за спиной немецких колонистов видели уже не слабые в военном и политическом отношении германские государства, даже не Пруссию, а державу мирового уровня с мощной армией и быстро растущей экономикой.

В покупках колонистами земли в южных губерниях стали усматривать подготовку к сецессии (отделению) территорий и присоединению к Германской империи [102, с. 47–48, 54]. По иному виделась теперь обособленность колоний и неудачные попытки ввести изучение русского языка в их школах, это теперь расценивалось как преданность колонистов II-му Рейху, проявление их верноподданнических чувств к Вильгельму I и любви к О. фон Бисмарку. Подобные взгляды на «немецкий вопрос» были в российском обществе того периода не всеобщими, но достаточно распространенными.

Много сделал для их популяризации А.А. Велицын (Палтов) (1867–?), опубликовавший в журнале «Русский вестник» за 1890–1891 гг. статьи по «немецкому вопросу» [103, с. 180], которые были затем объединены в 1893 г. в его известную книгу «Немцы в России» [104]. Юрист по образованию, дворянин, «свой человек» в петербургских коридорах власти (камергер двора, действительный статский советник с 1907 г., секретарь С.Ю. Витте в бытность последнего министром путей сообщения), А.А. Палтов служил в министерстве путей сообщения (МПС). Прекрасно образованный, умный и исполнительный, «бойкое перо», он отличался, однако, полной беспринципностью и неразборчивостью в выборе средств для достижения своих целей. Еще до Первой мировой войны А.А. Палтов оказался под следствием по подозрению в получении крупной взятки, благодаря заступничеству руководства МПС, следствие в отношении камергера двора решением Николая II было приостановлено до окончания войны. Если в 90-е годы XIX в., благодаря своей книге, А.А. Велицын (Палтов) в глазах общественности предстал патриотом России, беззаветным борцом с «немецким засильем», то в 1918 г. он был деятельным и преданным сподвижником гетмана П.П. Скоропадского, влиятельным заместителем министра иностранных дел в его правительстве! Надо ли говорить, что гетмана привели к власти на Украине именно немцы, только на их штыках и держался в Киеве режим П.П. Скоропадского до ноября 1918 г.? В конце 1918 г. А.А. Палтов эмигрировал в Румынию, дальнейшая судьба его неизвестна.

По делам службы А.А. Палтов совершил многомесячные поездки в немецкие колонии Екатеринославской губернии (осенью 1891 г.) и Поволжья [104, с. 1], он был неплохо знаком со всеми проблемами, накопившимися к тому времени в отношениях между колонистами, российской властью и общественностью. Однако под его бойким и эмоциональным пером действительно существующие проблемы приобретали космический масштаб, и покупки земли

немецкими колонистами в южных губерниях обретали все черты жуткого антирусского заговора: «… постараемся обрисовать ту грозную силу германизма, которая темной тучей надвигается с Запада на наше отечество и послушным и деятельным орудием которой служат наши немецкие колонии. Невеселую картину приходится представить; но нельзя, преступно даже, продолжать закрывать глаза на этот вопрос, на это завоевание России без грохота орудий и без кровопролитных схваток, путем лишь экономического и духовного гнета и систематическим захватом наших лучших земель, что едва-ли представляет не большую и не серьезнейшую опасность, чем шумные и кровавые войны» [104, с. 1–2]. А.А. Велицын (Палтов) обрушивает на головы читателей потрясающие цифры: в некоторых уездах южных губерний немцам уже принадлежит от 30 до 40% всех сельскохозяйственных земель (в Мариупольском уезде — 31%) [104, с. 61, табл. IV)].

Красочно и с возмущением пишет он о незнании русского языка не только рядовыми колонистами, но и членами местного самоуправления, об анекдотическом уровне преподавания русского языка в немецкой школе учителем, который сам этим языком владеет крайне слабо, о многочисленных портретах Вильгельма I, Вильгельма II и Бисмарка в екатеринославских колониях [104, с. 6–8, 11–13]. Вот как видится А.А. Велицыну проблема отчужденности колоний от русской жизни и ее причины: «Чуждыми были для них [колонистов] в 1790 году интересы и нужды России, одинаково чужды им и в настоящее время горе и радость нашего отечества. Совершенно изолированными жили и продолжают жить они среди народа, оказавшего им столь широкое гостеприимство; не у нас их симпатии, и счастье и благо России — не их задачи. Мало того, за последнее время, выходя из безразличной и пассивной роли, они все более начинают выказывать прямо неблагоприятное отношение ко всему русскому, гордо заявляя всеми своими поступками о своей духовной связи с Vaterland'ом [Германией] [104, с. 2].

Благодаря эмоциональности и некоторым литературным достоинствам, статьи и книга А.А. Велицына (Палтова) имели известный успех у российской общественности, а в провинции, в южных губерниях России, в них часто видели концентрированное изложение точки зрения правящей петербургской верхушки и двора (что не было лишено оснований в последние годы правления Александра III). Однако те представители общественности, которые были хорошо знакомы с жизнью немецких колоний, да и сами колонисты, отнеслись к книге А.А. Велицына очень скептически, вокруг нее сразу разгорелась полемика, которая в явной или неявной форме отразилась практически во всех работах, посвященных иностранным колониям на юге России [78, 83, 105, 106]. Следует отметить, что А.А. Велицын сам упростил задачу оппонентам, весьма вольно обращаясь с легко проверяемыми фактами и цифрами, и допустив в своей работе очевидный плагиат (он заимствовал целые фрагменты из работы А.А. Клауса «Наши колонии» [107], не утруждая себя необходимыми ссылками) [83, с. 34].

Первым аргументированным ответом на публицистику А.А. Велицына (Палтова) стала в 1895 г. книга П.В. Каменского (о ней уже говорилось выше) [83]. Используя отчеты Мариупольской уездной земской управы, П.В. Каменский «камня на камне не оставил» от «страшилок» о тотальной скупке немцами земли в Мариупольском уезде; в «немецких руках» (считая и бывших колонистов, и крупных частных землевладельцев) в уезде было на 1 января 1893 г. менее 10% сельхозугодий, а совсем не 31%, как утверждал А.А. Велицын [83, с. 32–33]. Какие-либо меры по ограничению немецкого землевладения на юге России не принимались вплоть до Первой мировой войны.

Чтобы проверить факты, столь эмоционально изложенные А.А. Велицыным, П.В. Каменский осенью 1893 г. совершил ряд поездок по немецким колониям Екатеринославской губернии, включая меннонитские колонии на Хортице и в окрестностях Александровска, где побывал в 1891 г. А.А. Велицын.

Никакого всеобщего увлечения портретами германского императора и «железного канцлера»

О. фон Бисмарка он у колонистов не обнаружил и был вынужден обратиться за разъяснением к лично знакомым ему меннонитам. Выяснилось, что упоминаемые портреты изредка встречаются в жилищах немцев, прибывших из Германии и сохранивших германское подданство (арендаторов земли, квалифицированных рабочих, крупных предпринимателей). Рассказы А.А. Велицына вызывали недоумение меннонитов: «Может, конечно, случиться, что и какой-нибудь поселянин приобретет у иностранца этот злополучный портрет и повесит его у себя на стене, как украшение. Но при чем тут Германия, и какая там Германия?!» [83, с. 63–64].

При проверке описанных А.А. Велицыным фактов всеобщего незнания русского языка в колониях так же выяснилось много неожиданного. Прежде всего, плодом фантазии публициста оказался учитель меннонитского училища на Хортице, «средних лет, сухой, худощавый блондин» [104, с. 7], очень плохо знавший русский язык. К своему удивлению, при посещении этого центрального училища П.В. Каменский увидел очень пожилого седого учителя-брюнета, свободно говорившего по-русски, да и его ученики показали вполне удовлетворительные знания по русскому языку. Никакого другого учителя в этом училище и не было; Я.Я. Копп, с которым беседовал П.В. Каменский, учительствовал там с 1855 г. По его словам, он и до 1871 г., когда никто этого не требовал, обучал детей меннонитов русскому языку [83, с. 7]. Неправдоподобным выглядит в 1891 г. и полное незнание русского языка старостой меннонитской колонии на Хортице (о чем писал А.А. Велицын [104, с. 8]), тем более, что еще в 1856 г. литератор и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский по личным наблюдениям отметил, что все тамошние колонисты, за исключением женщин, хорошо говорят на малороссийском диалекте русского языка [108, с. 133].

Таким образом, зная о реальной проблеме с изучением русского языка в колониях, А.А. Велицын, чтобы его публицистика выглядела более достоверной, а также стараясь придать повествованию более живой и эмоциональный характер, внес в нее ряд выдуманных, но правдоподобных, на его взгляд, эпизодов. Подвело А.А. Велицына достаточно поверхностное знакомство с жизнью екатеринославских колоний: как раз у меннонитов, которых он посетил на Хортице, со знанием русского языка все обстояло много лучше, чем в большинстве лютеранских и католических колоний.

Очень показательно, что П.В. Каменский, приводя примеры успешного изучения русского языка в колониях, пишет именно о центральных училищах (более подробно о них, см. комментарии 23 и 27): Хортицком и Грунауском [83, с. 7, 81], которые специально и создавались, чтобы готовить учителей, владеющих русским языком, в сельские начальные школы немецких колоний. В этих сельских школах уровень преподавания русской словесности оставался удручающе низким, а учители, подобные Я.Я. Коппу и Э.Х. Ставраки, хорошо образованные и свободно владеющие русским языком, были скорее исключением, чем правилом.

В 40–60 гг. XIX в. за обучение русскому языку в немецких колониях юга России ратовали, в основном, наиболее прогрессивная и образованная часть колонистов (важную роль в ней играли меннониты) [107, с. 428–432] и российская общественность [109, с. 138–140; 110, с. 224]. Имперская власть также понимала ненормальность сложившейся ситуации с русским языком в колониях, но принимаемые практические меры для ее исправления были слабыми и непоследовательными [111, с. 176].

В 70–80-е годы с образованием Германской империи (18 января 1871 г.), превращением колонистов в поселян-собственников (в соответствии с «Правилами об устройстве поселян-собственников …» от 4 июня 1871 г. [112, с. 813–819]), введением в России всеобщей воинской повинности (с 1 января 1874 г. [113]) и вступлением на престол Александра III (2 марта 1881 г.) стали меняться взгляды имперской власти на обучение колонистов русскому языку.

В последней четверти XIX в. Франция и Германия, две великие европейские державы того времени, уделяли большое внимание консолидации своих гражданских наций путем обуче-

ния детей национальных меньшинств государственному языку. Эти меры Берлина и Парижа одобрялись населением и местной патриотической общественностью, не осталась в стороне и педагогическая наука в этих странах. Немецкие педагоги опубликовали ряд работ по обучению государственному языку «наших маленьких поляков» и «маленьких ультраквистов» (чехов), французские учители делились опытом успешного преподавания французского языка детям бретонцев, фламандцев и басков. К концу XIX в. в Европе были достигнуты в этом деле определенные успехи: «Франция в 20 лет искоренила все местные языки и наречия, и все подрастающее поколение говорит в ней по-французски; эта операция была нелегка. Бретонцы боролись < … > и не желали уступать, хотя в конце концов и они < … > были вовлечены в общее национально-культурное движение» [114, с. 94].

Кратко и ясно высказался тогда о необходимости обучения детей национальных меньшинств государственному языку французский педагог И. Карре: «Необходимо ли, чтобы все дети < … > инородцев, населяющих Францию, понимали и умели говорить по-французски? Да, потому что только при этом условии они будут иметь возможность вступать в сношения с коренными французами; потому что они будут солдатами и должны понимать команду, которая производится по-французски; потому что должны знать законы, которые также написаны по-французски, и, наконец, потому, что нельзя быть вполне французом, не зная французского языка» [115, с. 46].

Авторитет европейской политической и педагогической мысли высок был тогда в России, и «семена упали на благодатную почву». Российский «Журнал министерства народного просвещения» писал: «Инородцы, не знающие государственного языка, по необходимости должны занимать изолированное положение в государстве и не могут принимать участие в общей жизни отечества, что во всех государствах признается в настоящее время недопустимым» [115, с. 46]. Европейские идеи и подходы были, таким образом, усвоены, вот только в Российской империи в роли таких инородцев оказались уже не поляки или чехи, как в Германии, а бывшие иностранные колонисты, большинство из которых были немцами.

Через 2 месяца после вступления на престол Александра III было объявлено 2 мая 1881 г. его высочайшее повеление «О передаче из ведомства государственных имуществ в ведение министерства народного просвещения (МНП) центральных училищ и сельских школ в бывших болгарских и немецких колониях, а также школ в колониях евреев-земледельцев», причем было сохранено «право подлежащего духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества в этих заведениях» [116, с. 46].

Уже упомянутое выше высочайшее повеление от 2 мая 1881 г.) [116, с. 46] часто трактуется как первый шаг Александра III в его далеко идущих планах русификации инородцев [100, с. 44], однако здесь необходимо сделать определенные оговорки. Инициатором появления этого документа был граф Н.П. Игнатьев, министр государственных имуществ (МГИ) в 1881–1882 гг., преследовавший цель освободить свое министерство от непрофильных функций управления образованием в иностранных колониях, переложить обузу «на плечи» МНП и устранить некоторые существовавшие тогда пробелы в законодательстве. Документ был, безусловно, «в русле» предыдущих земских реформ Александра II и являлся их логическим следствием и продолжением.

В соответствии с «Правилами …» от 4(16) июня 1871 г. [112, с. 813–819], немецкие колонисты превратились в обычных поселян-собственников, поэтому управлявший ими из Одессы Попечительный комитет в 1872 г. был сокращен до малочисленного отделения колоний в составе департамента общих дел МГИ, которое было закрыто по высочайшему повелению 17 января 1877 г. Однако формально управление образованием в бывших колониях оставалось в ведении МГИ, заниматься этим должны были особые советники в губернских казенных палатах (в Екатеринославской губернии такого советника не было, управлял советник по хозяйствен-

ной части). В ведении МГИ на юге России оставались 12 центральных училищ с их зданиями и имуществом, с училищным капиталом почти 500 тыс. руб. [117, с. 10–12, 16; 118, с. 41, 80]. Фактически в 1872–1881 гг. образование в бывших колониях оказалось в полной власти духовенства: в начальных сельских училищах учителя, как кистеры, были напрямую подчинены пасторам; в центральных училищах — через училищные советы, где председательствовали те же пасторы.

Следующее повеление Александра III о школах бывших колонистов последовало 22 ноября 1890 г.: «… все без исключения лютеранские церковные школы в округах Московской и С.-Петербургской евангелическо-лютеранских консисторий < … >, со всеми принадлежащими сим школам имуществами, подчинить ведомству министерства народного просвещения на общем основании с другими начальными училищами, находящимися в заведовании сего министерства», оговорено было «право духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества в означенных заведениях» [119, с. 742, 743]. Аналогичное решение по училищам при римско-католической приходах последовало 10 декабря 1892 г. [120, с. 4].

24 февраля 1897 г. Николай II утвердил инициативу министра народного просвещения И.Д. Делянова, его министерству было предоставлено право: «… по мере возможности, постепенно вводить в школах поселян-собственников (бывших иностранных колонистов) преподавание на русском языке, с тем, однако, чтобы природный язык учащихся и Закон Божий их исповедания преподавались на природном языке их …» [121, с. 86].

Несмотря на ясно декларированные в этих законодательных актах цели (подчинение школ и училищ бывших иностранных колонистов министерству народного просвещения (МНП), все более широкое внедрение русского языка в образовательный процесс, ограничение роли пасторов и патеров надзором за религиозным образованием и законоучительством), сам процесс достижения этих целей был очень плохо обеспечен как раз в правовом и законодательном смысле. Известный юрист и историк права Н.Н. Дебольский в 1901 г. писал: «Образ управления бывшими колонистскими школами и доселе не имеет никакого определения в законе. < … > Порядок непосредственного управления этими школами не установлен» [122, с. 62]. Все понимали, что для успешного реформирования колонистских школ необходимо разработать конкретное положение об этих школах и утвердить его «высочайшей волей», чтобы оно имело силу закона, как это было сделано, например, для начальных еврейских школ (Положение от 24 марта 1873 г. [123, с. 3–16]) и начальных школ МНП (Положение от 25 мая 1874 г. [124, с. 223–236]).

В списке незавершенных дел министра просвещения Н.П. Боголепова, убитого эсером 14 февраля 1901 г., пунктом 4 было «составление проекта положения о начальных народных и центральных училищах в селениях бывших немецких колонистов» [125, с. 32]. Начавшаяся после смерти Н.П. Боголепова «чехарда» в кресле министра просвещения и последующие события 1905–1907 гг. привели к тому, что столь необходимый для реформирования документ так и не был доработан и не обрел силу закона.

Существовавший вокруг школ в бывших немецких колониях «правовой вакуум» министерство и попечители учебных округов, на которых возлагалась организация практической работы по реформированию, были вынуждены заполнять своими подзаконными актами (приказами, распоряжениями, циркулярами). Поэтому исполнители на местах (учители, чиновники МНП), обязанные проводить в жизнь «высочайшие повеления» 1881–1897 гг. по реформе школы у колонистов, зачастую оказывались в двусмысленном положении, а противники реформы получали дополнительные аргументы и широкое поле для маневра.

В этот процесс реформирования в 80–90 гг. XIX в. оказался вовлечен и учитель центрального училища в Грунау (Александроневском) Э.Х. Ставраки. Министрами народного просвещения в это время были И.Д. Делянов (в 1882–1897 гг.) и Н.П. Боголепов (в 1898–1901 гг.), но для учи-

теля Э.Х. Ставраки в провинциальной «глубинке», в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии, «государь-император сидел высоко, а министры — далеко».

Куда ближе был попечитель Одесского учебного округа в 1885–1906 гг. Хрисанф Петрович Сольский, филолог-классик, более 40 лет прослуживший на ниве просвещения. Многоопытный чиновник, он прошел долгий путь от учителя латинского языка в Курской гимназии (1863 г.) до попечителя Одесского округа (1885 г.) и тайного советника (1892 г.). Совсем не либерал по своим взглядам, уже достаточно пожилой Х.П. Сольский сам подал прошение об отставке после назначения осенью 1905 г. министром народного просвещения либерального графа И.И. Толстого [126].

В Екатеринославской губернии, входившей в Одесский учебный округ, директором народных училищ, непосредственно подчинявшимся попечителю округа, более 20 лет был Анемподист Ионович Малевинский (1830–10.05.1906). Он получил чисто духовное образование (Вологодская семинария и Московская духовная академия), служил инспектором Вологодской духовной семинарии, с 5 августа 1875 г. был переведен на службу в министерство просвещения и назначен директором народных училищ Екатеринославской губернии. Судя по послужному списку, А.И. Малевинский был на хорошем счету: в 1891 г. он уже статский советник, в 1895 г. — действительный статский советник, в 1882 г. награжден орденом Св. Анны II-й степени, в 1896 г. — орденом Св. Станислава I-й степени. А.И. Малевинский был уволен со службы по его прошению с 1 августа 1897 г. с правом ношения мундира, положенного по должности [127; 128, с. 44; 129, с. 12; 130, с. 253; 131, с. 62; 132, с. 37]. В сентябре 1897 г. на пост директора училищ Екатеринославской губернии был назначен статский советник К.Т. Калабановский (1860–1920), служивший до этого в инспекции училищ Киевского учебного округа [133; 134, с. 5]. На этом посту К.Т. Калабановский находился до 1910 г., его сменил 27 сентября 1910 г. статский советник Д.Н. Мухин [135, с. 41, 229].

Проверяя школы бывших немецких колоний, А.И. Малевинский с 1888 г. неоднократно бывал в Грунау, посещал там начальное сельское и центральное училища, лично хорошо знал Э.Х. Ставраки и бывал у него на квартире (см. комментарий 23). Директор народных училищ Екатеринославской губернии в высшей степени положительно оценивал деятельность Э.Х. Ставраки и как педагога, и как руководителя центрального училища [81, л. 4 об., 5–5 об., 9 об., 13 об.].

Все начальные народные училища Екатеринославской губернии были поделены на 4 района, инспектором училищ 2-го района (к которому относились Грунау и ближайшие селения, бывшие немецкие колонии) служил статский советник Григорий Михайлович Нечипоренко [130, с. 253]. В 1882 г., еще будучи коллежским советником, он был награжден орденом Св. Станислава II-й степени [132, с. 37]. Следующую награду, орден Св. Анны II-й степени, Г.М. Нечипоренко получил в 1896 г. уже в чине статского советника [136, с. 68]. Когда в июне 1893 г. умерла его жена, то ее похоронили на общественном кладбище в Грунау [137, л. 49], что дает веские основания полагать, что сам Г.М. Нечипоренко жил там в это время, а, следовательно, хорошо представлял реальное положение дел в школах, в местном центральном училище и был лично знаком с Э.Х. Ставраки, бывал у него дома.

Инспектор училищ являлся непосредственным помощником директора по делам своего района и входил в состав уездного училищного совета. Вот как А.И. Малевинский характеризует Г.М. Нечипоренко (декабрь 1889 г.): «То же я должен сказать и об инспекторе Нечипоренко, человеке всегда осторожном и деликатном в обращении с кем бы ни было» [81, л. 3]. Дочь Г.М. Нечипоренко Александра (1871–1936) была замужем за титулярным советником Михаилом Венедиктовичем фон Гельмерсеном, служившим в 1893–1903 гг. земским начальником 3-го участка Мариупольского уезда. В его ведении находились Темрюкская, Грунауская и Людвигстальская волости, с 1894 г. жил М.В. Гельмерсен в Грунау, в доме, построенном для него подведомственными волостными правлениями. Таким образом, осторожный, старающий-

ся ни с кем не конфликтовать инспектор Г.М. Нечипоренко стал тестем земского начальника, полновластно распоряжавшегося в Грунауской и Людвигстальской волостях (жена пастора Ф.И. Клюдта Иоганна в своей рукописи даже именует М.В. Гельмерсена на римский манер «проконсулом») [130, с. 236–237; 138, с. 8; 139, с. 22; 140; 141, с. 70].

Мариупольский уездный училищный совет работал в соответствии с «Положением о начальных народных училищах» от 25 мая 1874 г.: председателем совета был уездный предводитель дворянства, а важнейшим членом совета (замещавшим председателя при его отсутствии) — инспектор народных училищ. В состав совета входили также по одному представителю от министерства просвещения, министерства внутренних дел, епархии и два представителя от земского уездного собрания [124, с. 224, 230–232]. До 1884 г. членом Мариупольского уездного училищного совета был известный педагог и общественный деятель барон Н.А. Корф [142, с. 30]. «Положение …» от 25 мая 1874 г. наделяло уездный училищный совет большими полномочиями: вплоть до отстранения или увольнения учителей и до временного закрытия или даже полного упразднения училищ [124, с. 233]. К сожалению, все архивные материалы Мариупольского уездного училищного совета (фонд 119, 35 дел 1870–1892 гг.), хранившиеся в Мариупольском историческом архиве, были утеряны во время немецкой оккупации 1941–1943 гг. [143, с. 167].

Председателем Мариупольского уездного училищного совета в 1895 г. был уже известный нам уездный предводитель дворянства П.В. Каменский [130, с. 233], а важнейшим членом совета — инспектор народных училищ Г.М. Нечипоренко. Как уже говорилось выше, личные качества Э.Х. Ставраки и его деятельность в центральном училище произвели самое благоприятное впечатление на председателя совета П.В. Каменского при посещении последним с. Грунау осенью 1893 г. [83, с. 81].

Вот те персоналии и инстанции, на помощь которых мог рассчитывать Э.Х. Ставраки в деле реформирования школ в бывших немецких колониях Мариупольского округа, которые могли поддержать его в противостоянии с местными противниками реформы. Сторонниками Э.Х. Ставраки они оказались не сколько из-за своих личных симпатий или политических взглядов, а, прежде всего, потому, что они, по своему служебному положению, обязаны были воплощать в жизнь «Высочайшие повеления» 1881–1897 гг. и подзаконные акты МНП по реформе школы у колонистов, и несли свою долю ответственности за ее неспешное (и не очень успешное) проведение.

Кто же противился внедрению русского языка в школы бывших колонистов, появлению там русскоязычных учителей, ограничению роли патеров или пасторов в школах законоучительством и преодолению, тем самым, изолированного положения бывших колоний?

Практически все, кто изучал во второй половине XIX в. колонии и писал о них, едины во мнении, что главными противниками реформы образования были католическое и лютеранское духовенство, патеры и пасторы приходов. Много и обоснованно, опираясь на факты и собственные наблюдения, писали об этом такие разные авторы как А.А. Клаус [107, с. 408–410, 415–416, 420, 428, 433–434, 439], П.В. Каменский [83, с. 66–68, 134], Н.А. Спасский [144, с. 49], Н.Н. Дебольский [122, с. 64–68].

Хорошо знакомый с состоянием колонистских школ и ходом их реформирования, П.В. Каменский прямо указывал на лютеранское духовенство, как главных ее противников: «… мы знаем, что это духовенство < … > всеми силами отстаивало конфессиональное назначение сельской школы и тем противодействовало, вопреки желанию лучших колонистов, введению преподавания русского языка в школе». В отношении же школ у меннонитов он делает существенную оговорку: «Все сказанное ни в коей мере не относится к духовным наставникам меннонитов: последние избираются своею общиной из однообщественников, проникнутых интересами своей среды …» [83, с. 134–135].

Директор народных училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинский также считал главным противником школьных реформ в селениях бывших колонистов Мариупольского уезда лютеранского пастора прихода Грунау Т.Ф. Клюдта [81, л. 3 об., 4, 5 об., 14].

Проживший многие годы в колонии Грунау Э.Х. Ставраки был полностью солидарен с такой оценкой роли лютеранских пасторов, в конце 1884 г. он писал: «… благодаря замкнутости своей жизни, < … > они [колонисты] удаляются [от] сближения с русскими и до сих пор не выучились хоть мало-мальски сносно говорить по-русски». < … > Русских (да и вообще, всякого иноверца) принимают замечательно холодно: к ним они необщительны, осторожны, недоверчивы и, если-бы было возможно, то никогда не вступали бы с ними ни в какие отношения» [2, л. 4 об.]; «… небрежное и отталкивающее обращение пасторов не с немцами-лютеранами; они, кажется, не признают в русских никаких достоинств, они то являются главными виновниками в том, что их прихожане держат себя так холодно, недоверчиво со всяким русским» [2, л. 6 об.].

А.А. Клаус посвятил духовенству и школам у колонистов целую главу (IX-ю) в своей известной книге [107], подробно пишет он о материальном благополучии пасторов, их комфортной жизни, о полной духовной власти и непререкаемом авторитете пасторов в приходах, о тотальном и мелочном контроле ими всех сторон личной и общественной жизни прихожан. Вся эта благополучная и комфортная жизнь пасторов основывалась, кроме поддержки консистории, на их духовной власти над приходом и на изоляции колонистской общины. Сугубо конфессиональная школа, где не учили русскому языку, позволяла духовенству постоянно такую тотальную власть и изоляцию поддерживать и воспроизводить у новых поколений колонистов. Поэтому внедрение русского языка в школу, появление там русских учителей и сведение роли пасторов к законоучительству рассматривались лютеранским духовенством как угроза их общественному положению и материальному благополучию.

Оппозиция лютеранского и католического духовенства реформе колонистской школы носила, таким образом, объективный характер, она не зависела от содержания их вероучений, а личные качества пасторов и патеров влияли лишь на остроту и формы возникавших в ходе реформы конфликтов. Весьма показательна в этом смысле такая же оппозиция мусульманского духовенства организации русских классов и появлению русских учителей в медресе, муктебе и сельских школах татар, башкиров и киргизов в Оренбургской губернии (Казанский учебный округ) [145, с. 173–175].

Чтобы картина конфликтов вокруг реформирования школы в селениях бывшего Мариупольского колонистского округа была более полной, необходимо сказать несколько слов о служившем тогда в приходе Грунау лютеранском пасторе Т.Ф. Клюдте (см. также комментарий 18).

Теодор Фюрхтеготт Клюдт (Theodor Fürchtegott Kludt, в русских документах его называли Федором Ивановичем, т.е. Ф.И. Клюдтом) родился 28 июня 1861 г. в колонии Нейбург Херсонской губернии. Его отцом был школьный учитель и известный писарь меннонитского округа Гнаденфельд (Таврическая губерния) Иоганн Клюдт, лютеранин, хорошо владевший русским языком. Т.Ф. Клюдт окончил частную гимназию в Екатеринодаре, в 1881–1885 гг. учился на богословском факультете Дерптского университета, рукоположен в пасторы 3 августа 1886 г. в Дерпте. В 1886 г. он женился на И.Е. Бауманн, дочери лютеранского пастора. Служил пастором прихода Грунау (Александроневское) в 1886–1901 гг., в 1901–1908 гг. был исполняющим обязанности пастора в селении Рыновка (Область Войска Донского), позднее — в Екатеринодаре (сейчас — Краснодар). В 1926–1928 гг. служил пастором в Кронау (Херсонская губерния), в 1929 г. эмигрировал в Германию и жил в Корнтале близ Штуттгарта, где и умер 26 октября 1931 г. [146, с. 120, 381; 147, с. 182–185].

Богословский факультет Дерптского университета, где учился в 1881–1885 г. Т.Ф. Клюдт, считался в 60–80-е гг. XIX в. «оплотом немецкого языка и немецкого духа», о чем неоднократно писали осведомленные современники, признавал это позднее и ректор этого университета

в 1892–1901 гг. А.С. Будилович [122, с. 68–70; 148, с. 25, 28]. Почти все лютеранские пасторы, служившие в колониях юга России, были тогда выпускниками этого факультета. Царившая в 60–80-е гг. в стенах университета атмосфера, процветавшие там студенческие корпорации, «преследующие более немецко-национальные, чем научно-воспитательные задачи и цели» [148, с. 28], так или иначе влияли на формирование взглядов студентов богословского факультета — будущих пасторов. Чтобы устранить это нежелательное влияние даже предлагалось (в 1901 г.) «… перемещение богословского факультета из Юрьева [до 1893 г. — Дерпт, сейчас — Тарту, Эстония] в русский город < … > и введение в нем преподавания на русском языке» [122, с. 68–69]. Факультет так и не переместили, а указание Совета министров министру народного просвещения о переводе преподавания на богословском факультете на русский язык появилось лишь 12 июля 1916 г. [149, с. 591].

В преддверии съезда полномочных представителей колоний юга России (Одесса, лето 1868 г.) на страницах популярной у колонистов газеты «Unterhaltungsblatt» развернулась оживленная дискуссия о состоянии образования в колониях и организации центральных училищ для подготовки учителей, владеющих русским языком. Пасторы, выступавшие против ограничения их власти над школой и внедрения русского языка в образовательный процесс, «вчистую» проиграли эту публичную дискуссию на страницах прессы прогрессивной части колонистов: «Полемика эта кончилась тем, что пасторы оставили поле гласного состязания своим противникам и вооружились безусловным молчанием» [107, с. 415].

Духовенство замолчало не только из-за слабости своих аргументов, действовавший Устав лютеранской церкви в России и прилагавшийся к нему «Высочайший наказ …» от 28 декабря 1832 г. существенно ограничивали пасторов в публичных высказываниях и проповедях. В соответствии с § 8 «Наказа …»: «Консистории и прочие духовные начальства имеют также наблюдать, чтоб проповедники в речах своих всемерно избегали неуместных рассуждений о предметах, не касающихся религии, особенно же о современных политических произшествиях и принимаемых по оным правительством мерах …» [150, с. 1024]. С появлением «Высочайших повелений» 1881–1897 гг. по реформе школы у колонистов какое-либо участие лютеранского духовенства в публичной оппозиции этой реформе стало невозможным, так как взгляды пасторов на реформу прямо противоречили «Высочайшей воле».

У «молчащих пасторов» в борьбе с реформой оставались очень важные ресурсы: полный духовный контроль над приходами и непререкаемый авторитет в глазах прихожан-колонистов. Вот как описывает ситуацию Н.Н. Дебольский: «… когда правительственная школа есть школа светская, ксендз, пастор или мулла могут изображать ее в глазах своей паствы, как учреждение, от религии отрешенное, а при преувеличении — даже как враждебное этой религии» [122, с. 66]. Пользуясь своим влиянием, пасторы негласно убеждали прихожан не посылать детей в реформированную школу, отказывать в содержании общиной ее учителей. Следствием этого стало закрытие в конце XIX в. ряда школ с русским языком в бывших колониях Мариупольского уезда.

Еще одной формой непубличного сопротивления пасторов реформе стали жалобы во все инстанции (от консистории до учебного округа), в которых подчеркивалась нецелесообразность преобразований в школах и всячески дискредитировались лица, вовлеченные по убеждениям и роду службы в проведение реформы.

Жалобы лютеранского пастора прихода Грунау Т.Ф. Клюдта (1889 г.) на директора народных училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинского, инспектора училищ Н.Г. Нечипоренко и учителя-заведующего центральным училищем в Грунау Э.Х. Ставраки, адресованные тогдашнему попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому, отложились в Государственном архиве Одесской области [81, л. 1–16 об.]. Эти материалы были введены в научный оборот в работах Э.Г. Плесской [99, с. 312–322; 100, с. 47, 53–54; 101, с. 107–115], она неоднократно цитировала и комментировала листы 1–16 об. из дела 900 этого фонда.

Рассмотрим, на примере прихода Грунау, что же изменилось после 2 мая 1881 г. В 1881 г. центральному училищу было передано здание, построенное 1847 г. для смотрителя немецких колоний за счет обществ колоний [151, л. б/н] и находившееся до этого в ведении МГИ (здание это стоит в поселке Розовка и сейчас, ул. Калинина, д. 10). Управление неприкосновенным капиталом Грунауского центрального училища, составлявшим тогда 30125 руб., от имени МНП доверено попечителю Одесского учебного округа и директору училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинскому [152, л. 108–109].

Не позднее конца 1882 г. в училище появился преподающий на русском языке православный учитель, грек Э.Х. Ставраки, он говорил и по-немецки, но родной его язык — русский. В 1884 г. на сходе Грунауской и Людвигстальской волостей был избран совет центрального училища, председателем его стал, как и ранее, пастор прихода (П. Ашан), совет переизбрали только в октябре 1890 г. [153, л. б/н]. В ноябре 1884 г., утверждая состав избранного совета, попечитель Одесского округа ограничил его деятельность чисто хозяйственными вопросами; все, относящееся к учебному процессу, передавалось в ведение директора народных училищ [81, л. 3 об.]. Э.Х. Ставраки писал в конце 1884 г. в своей рукописи: «Пастор ревизует школы, и сельские учителя (а также учители центрального училища — пастор есть председатель училищного совета) находятся под его управлением; от него зависит удалить или оставить учителей в том или другом селении; без совета и утверждения пастором контракта < … > редко какое общество наймет себе учителя» [2, л. 6 об.]. В конце августа 1886 г. в приход Грунау прибыл новый молодой пастор Т.Ф. Клюдт (в русских документах того времени его называют Федором Ивановичем, т.е. Ф.И. Клюдтом); вскоре он стал, по местной традиции, председателем совета центрального училища [81, л. 8 об.; 141, с. 53]. Первое время (по крайней мере, до 1889 г.) Э.Х. Ставраки советовался с новым пастором, как председателем совета, по всем вопросам, касающимся центрального училища [141, с. 69], но к концу 1889 г. их служебные отношения совершенно разладились из-за различия взглядов на реформирование школ в бывших колониях и преподавание в них на русском языке.

Таким образом, в 80-е годы, с переходом в ведение министерства народного просвещения, в центральном училище Грунау заметны какие-то положительные изменения, а вот в сельских школах прихода Грунау все осталось по-прежнему, фактически управлял ими лютеранский пастор, а не МНП в лице директора училищ Екатеринославской губернии.

Сельские школы бывших колоний были все также переполнены, в 1887 г. в начальных школах учились: в Грунау — 76 учеников, в Розенберге — 65 учеников, в Кальчиновке — 65 учеников. Учителя были загружены различными делами, не имеющими к учебному процессу никакого отношения: мало того, что они официально являлись и кистерами, т.е. помощниками пастора, многие из них исполняли еще и обязанности писарей в сельских приказах (учитель Густав Шмидт — писарь в Кальчиновке, Якоб Фидлер — в Розенберге, родственник пастора учитель Вольдемар Клюдт — писарь и органист в Грунау) [77, с. 33–34, 44–45]. Преподавание русского языка даже в тех сельских школах, где он был введен, превратилось в профанацию, в 1884 г. Э.Х. Ставраки писал: «Русский язык проходится в немецких сельских школах как какой-нибудь древний язык < … > и бывает не более трех или четырех раз в неделю». Для сравнения, на религию (Закон Божий) отводилось 8 уроков в неделю [2, л. 6]. Большинство работавших тогда в сельских школах учителей-немцев не владело русским языком на таком уровне, чтобы вести на нем преподавание и обучать ему детей колонистов. А.И. Малевинский в начале 1890 г. писал: «… учителя, особенно указанных школ, боятся за себя по поводу слабого знания ими русского языка и плохого состояния их школ; при том кому неизвестна сила влияния пасторов на учителей иноверческих церковных школ» [81, л. 11 об.].

На уровне сельских школ в бывших колониях реформа образования застряла, «как воз в трясине», а управление МНП этими сельскими школами было не более, чем фикцией, школы

оставались немецкоязычными и сугубо конфессиональными, под полной властью духовенства. В Одесском учебном округе началось обсуждение вариантов реформирования школ и путей их реализации при участии директоров народных училищ входящих в округ губерний. Сторонником быстрых и радикальных реформ, пусть и с применением жестких мер, был директор училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинский: «… необходимо разрушить замкнутость немцев в своей до надмения излюбленной национальности», в противном случае они найдут возможность воспользоваться просчетами проекта, чтобы сохранить свою замкнутость. В какой-то мере разделял эту точку зрения Ф.Ф. Соловьев (Бессарабская губерния), но В.И. Фармаковский и А.Н. Дьяконов (директора училищ Херсонской и Таврической губерний), признавая необходимость ограничения функций инославного духовенства в колонистских школах законоучительством и понимая неизбежность фактического перехода этих школах под контроль МНП (в силу «высочайших повелений» от 2 мая 1881 г.), выступали за постепенный, эволюционный путь реформирования: «Наши немцы — не фанатики, не сепаратисты, и доступны влиянию. Нужно попытаться прежде всего создать это влияние, и тогда многое, чего мы желаем, они сделают сами» [99, с. 316; 100, с. 46; 101, с. 107–115].

Мнения, таким образом, разделились, а дискуссия, благодаря «Журналу министерства народного просвещения», вышла за ведомственные рамки и стала достоянием общественности. А.И. Малевинский обрел в глазах колонистов и их духовенства репутацию радикального русификатора, покушающегося на их веру и национальную идентичность. На деле же он был просто опытным и исполнительным чиновником в структуре МНП, хорошо понимавшим свою меру ответственности за торможение реформ и фактическое неисполнение «высочайших повелений» во «вверенных ему» школах Екатеринославской губернии.

Жалобы на А.И. Малевинского его непосредственному начальнику, попечителю округа Х.П. Сольскому, не могли не последовать, и они вскоре последовали, тем более, что он сам создал для этого определенный повод.

20 ноября 1889 г. пастор прихода Грунау Ф.И. Клюдт направил Х.П. Сольскому прошение с изложением претензий к деятельности А.И. Малевинского, Г.М. Нечипоренко и с предложением уволить Э.Х. Ставраки из центрального училища. Переписка по этому прошению продолжалась до середины февраля 1890 г., она отложилась в архивных материалах [81, л. 1–16 об.], введенных в научный оборот Э.Г. Плесской (см. выше). Однако приведенные в работах Э.Г. Плесской [99, с. 312–322; 100, с. 47, 53–54; 101, с. 107–115] комментарии по этому делу и сделанные на их основе выводы носят небесспорный характер, поэтому считаю необходимым остановиться на этом прошении и переписке несколько более подробно и привести необходимые цитаты.

В феврале 1888 г. А.И. Малевинский и Г.М. Нечипоренко отправились в первую поездку (ревизию) по школам уезда, которые перешли в ведение министерства народного просвещения. Вот что пишет об этой поездке Ф.И. Клюдт в своем прошении: «Господа директор и инспектор же, напротив, остались результатом своей ревизии крайне недовольны и высказывали свое недовольство в большинстве школ в высшей степени шумных, смущающих детей и учителей выражениях. Так, например, в школе с. Кальчиновки г. директор крикнул: «Эх вы, немцы! Жили бы вы иностранцами в Эльзас-Лотарингии, вот Бисмарк принудил бы вас изучать немецкий язык!». Когда мне сообщили, что гг. директор и инспектор с таким шумом и с какими-то предвзятыми никому непонятными претензиями нападают на учителей и детей, то я хотел отправиться к ним, чтобы дать надлежащее разъяснение. На просьбу одного запуганного учителя в с. Гейбуден призвать меня, они сказали: «Не нужно нам пастора». Таким образом, я должен был заранее заключить, что мое разъяснение едва-ли что-нибудь поможет» [81, л. 1 об.].

В ноябре 1889 г. директор народных училищ и инспектор провели следующую проверку школ, вот как ее описал Ф.И. Клюдт: «…директор вместе с г. инспектором < … > позволяли себе в некоторых школах такие-же выходки и нападки, как и в прошедшем году, выражаясь словами,

тяжело и глубоко огорчающими меня и местное население. Так, например, в с. Розенберг г. директор вызвал 7-летнего, недавно поступившего в школу мальчика, показал ему в немецкой азбуке слово «Kopf» и спросил: «Как называется слово «Kopf» по-русски?» Мальчик, который и по-немецки едва только азбуку прошел, ничего не мог ответить. А г. директор раскричался о питаемой будто-бы немцами апатии к русскому языку и обратился затем опять к мальчику с вопросом: «А как зовут государя?» Запуганное дитя не поняло этого вопроса и молчало. Тогда рассердившийся директор крикнул: «Не бойсь, Бисмарка знают!» Также непристойно г. директор выразился в Грунауской церковной школе, где он учителю, у которого хорошее свидетельство об окончании курса в Херсонской учительской семинарии и который, как мне лично хорошо известно, прилежно занимается русской литературой, сделал совсем неоснователный упрек: «Я вижу тут полную апатию к русскому языку», а детям сказал: «Вас надо отправить в Германию. Если бы вы жили в Эльзас-Лотарингии, то Бисмарк заставил бы вас изучать немецкий язык!». И с угрозой: «Ну, ну, я донесу», г. директор оставил школу» [81, л. 1 об., 16].

Следует напомнить, что учителем в этой церковной (начальной сельской) школе с. Грунау был дядя пастора Вольдемар Клюдт, бывший тогда также кистером, органистом и писарем в сельской управе, вот откуда осведомленность пастора о прилежных занятиях учителя русской литературой и успехах его в учительской семинарии.

Показательно, что приблизительно в это же время (1887–1889 гг.) в Германии также решали проблему, подобную реформированию начальных сельских школ немецких колонистов в России, причем не только в упомянутой выше Эльзас-Лотарингии. В результате территориальных приобретений в составе Германской империи оказались местности, где проживало во второй половине XIX в. много поляков (Силезия, Восточная Пруссия) и датчан (провинция Северный Шлезвиг, отторгнутая от Дании в 1864 г.). В прусских публичных элементарных школах (аналог начальных колонистских сельских школ в России) к 1886 г. оказалось почти 12% детей, говоривших только по-польски или по-датски, на этих же языках проходило их обучение, что явно противоречило стремлению имперского правительства к укреплению этнического единства путем германизации. Решена проблема была быстро и «вполне по-европейски», без всяких уговоров и дискуссий. Преподавание на польском языке было просто запрещено с 1 октября 1887 г., а на датском языке (в Северном Шлезвиге) — с 1 апреля 1889 г. Вопрос о праве назначения и увольнения учителей общинами даже не поднимался: такое право всегда принадлежало в этих школах только государственным органам; общины и крупные землевладельцы, даже несущие весомую долю затрат на содержание школ, имели, в лучшем случае, лишь право рекомендовать учителей [159, с. 17–19].

Во время ноябрьской ревизии 1889 г. директор и инспектор посетили также центральное училище в Грунау, вот как это выглядело в описании Ф.И. Клюдта: «Так же несправедливо и пристрастно гг. директор и инспектор поступают по отношению к Грунаускому центральному училищу. Нижеподписавшийся был прежде председателем училищного совета этого училища, но так как гг. директор и инспектор совершенно игнорируют училищный совет, адресуя, например, все бумаги на имя русского учителя Эраста Харлампиевича Ставраки, так что училищный совет находится в зависимости от него, < … >, то я отказался от председательства < … > Когда ученики отвечали по предметам, которые преподает г. Ставраки, то директор только рассыпал похвалы, а учителя немецкого языка старался уронить в глазах учеников. При посещении, например, в этом году г. директор прежде всего обратился к учителю немецкого языка с вопросом: «Зачем Вы не преподаете русского языка?» «Я учитель немецкого языка, но при этом, все-таки, имею и два русских предмета». А в школе г. директор спросил: «Какой у вас теперь урок?». Учитель ответил: «По расписанию: немецкое чтение». И г. директор тут же при учениках сказал: «Нам не нужно немецкого». Г. Ставраки пользуется неограниченным доверием гг. директора и инспектора, между тем как у местного населения он доверие к себе совершенно

потерял. Особенно я и учитель немецкого языка убеждены, что г. Ставраки постоянно оклеветывает и очерняет нас у г. директора, так что если бы не было г. Ставраки в этом училище, то, несомненно, были бы с самого начала лучшие отношения между г. директором и нами. Ставраки сделался таким самовольным лицом, что, например, не говоря никому ни слова, нанял преподавателя для гимнастики …» [81, л. 16,16 об.].

Прошение заключали предложения пастора: «1. Предложить гг. директору и инспектору, дабы они при посещении школ во вверенном мне приходе не обращались с учителями и детьми таким оскорбляющим образом и, в особенности, воздерживались бы от вышеприведенных выражений. 2. Удалить г. учителя Эраста Харлампиевича Ставраки от должности и назначить на место его нового учителя для преподавания русского языка при Грунауском центральном училище [81, л. 16 об.].

Ознакомившись с прошением, попечитель учебного округа Х.П. Сольский 5 декабря 1889 г. пересылает его для ознакомления А.И. Малевинскому, чтобы последний предоставил сведения о случившемся и дал заключение по прошению. Десять дней спустя А.И. Малевинский дает ответ, который содержит его точку зрения на события и позволяет существенно прояснить картину.

Прежде всего, А.И. Малевинский категорически отвергает описанные в прошении случаи грубого и обидного для немцев обращения с учителями и учениками как со своей стороны, так и со стороны инспектора Г.М. Нечипоренко. Он обвиняет пастора во лжи и поясняет, что причиной подачи прошения стали нарушения, выявленные во время ревизии 22 февраля 1888 г. в Грунауском центральном училище. Нарушения были допущены младшим учителем И. Фей при полном попустительстве пастора: «… я нашел, что вопреки программе этого училища, по которой положено преподавать кроме немецкого языка и Закона Божьего все предметы по-русски, младший учитель Иван Фей, родственник пастора Клюдта, преподает естественную историю, историю гражданскую и географию на немецком языке. Вследствие этого было мной предложено через инспектора Нечипоренко от 19 января текущего года за № 32, чтобы все указанные предметы, как и все вообще, кроме немецкого языка и Закона Божьего, непременно преподавались на русском языке, причем учитель Фей, если не хочет или не может исполнить этого предложения, был бы представлен к увольнению. Такое распоряжение крайне не понравилось пастору, как и учителю, его родственнику Фей, завзятым поборникам всего немецкого, причем Клюдт, как пастор, преподаватель Закона Божьего и председатель училищного совета, почему-то считает себя хозяином центрального училища. В личном разговоре с ним относительно центрального училища, я напоминал ему, хотя тщетно, что училищный совет, согласно предложению попечителя округа от 5 ноября 1884 г. за № 8225 < … >, заведывает непосредственно хозяйственной стороной училища и то временно, до введения в действие ожидаемых правительственных постановлений касательно центральных училищ; по учебной же части каждое постановление совета < … > поставлено в прямую зависимость от меня, как директора училищ, и может приводиться в действие только с моего ведома и согласия; что преподавания на русском языке всех предметов я требую согласно цели и программ центрального училища. Пастор, отстаивая преподавание немецкого языка в связи с изучением на нем учебных предметов, между прочим, не раз высказывался, что при знании русского языка и сближении с русской жизнью немцы сделаются хуже …» [81, л. 3–3 об.].

Недовольство учебного ведомства школами в бывших немецких селениях А.И. Малевинский объясняет крайне низким уровнем преподавания в них русского языка, который наглядно проявился в ревизионных поездках директора и инспектора: «…не далее 1888 г. мной найдено в этих школах следующее: русский язык совсем в загоне: всего 6–8 уроков (на чтение и письмо), и почти все уроки отнесены на послеобеденное время, причем сами учителя в громадном большинстве плохие знатоки русского языка; старшие ученики 5-го и 6-го годов (только от 3 до 6 учеников) знают несколько русских слов и фраз по Голотузову, читают же отдельные статьи без

понимания, из девочек две или три кое-как учатся русскому языку, а масса ничего не понимают по-русски; арифметика преподается на немецком языке; русское письмо (в большинстве, красивое) с прописей, без понимания написанного; разговор в классе учителя с учениками постоянно на немецком языке. < … > Учащихся 3-го, 4-го и 5-го года приходилось поневоле спрашивать по немецкому Евангелию или по Голотузову, чтобы знать, по крайней мере, велик ли запас русских слов и фраз у «немых» на все обычные вопросы детей. Как же после всего этого быть довольными постановкой школ в немецких селениях директору и инспектору?» [81, л. 3 об., 4].

Упомянутый учебник Голотузова (Ф.В. Голотузов (1818–1900), учитель в Ревеле и Митаве) — это «Руководство для первоначального обучения русскому языку для немцев» («Leitfaden zum ersten Unterricht in der russischen Sprache für Deutsche»), полностью переведенное на немецкий язык и используемое в 60–70-х гг. XIX в. в немецких школах. В начале 80-х гг. министерство народного просвещения рекомендовало заменить его книгой К.Д. Ушинского «Родное слово» на русском языке.

В течение 1888–1889 гг. А.И. Малевинский отдал ряд распоряжений по улучшению преподавания русского языка, но они, в основном, остались без исполнения. Относительно жесткого подхода германских властей к изучению немецкого языка в Эльзас-Лотарингии А.И. Малевинский указал, что он говорил об этом только в частной беседе на квартире у Э.Х. Ставраки [81, л. 4 об., 5].

А.И. Малевинский так оценивает деятельность Ф.И. Клюдта, И. Фея и Э.Х. Ставраки в центральном училище: «По заключению моему, пастор Клюдт сделал самое лучшее, отказавшись от председательства в училищном совете. Внимание, оказываемое мной и инспектором заведующему училищем г. Ставраки, совершенно справедливо: это отличный учитель, в совершенстве знающий русский язык и прилагающий все заботы к успешной постановке учебно-воспитательного дела в училище; только благодаря ему ученики 2-го класса удовлетворительно знакомятся с русским языком и изучают положенные предметы по-русски настолько хорошо, что по окончании курса выдерживают экзамен на льготу по 3-му разряду. Удалить его из училища, оставив в нем Фея и пастора Клюдта, слабо владеющих русским языком и нимало не дорожащим всем русским, значило обратить русское центральное училище в чисто немецкую школу, которая не подготовит ни одного учителя с приличным знанием русского языка и с любовью к русской народности. < … > Неправда и то, будто Ставраки потерял доверие у местного населения: лично на месте ни я, ни инспектор не замечали ничего подобного. Самовольства Ставраки в найме учителя гимнастики нет никакого, потому что я сам распорядился, чтобы без всякого промедления был приглашен в центральное училище учитель гимнастики; так как при этом местный старшина отговаривался неимением денег на гимнастику, то я предложил Ставраки пригласить пока учителя гимнастики на счет остаточной от содержания училища (до 200 рублей в год) процентной суммы от основного училищного капитала, что Ставраки и исполнил» [81, л. 5, 5 об.].

По заключению А.И. Малевинского, «в видах лучшего обучения детей немцев русскому языку и направления вообще этих школ в духе русской народности», необходимы следующие меры: «1) уволить пастора Клюдта из занимаемого им прихода, тем более, что он, как донес мне сам от 24 минувшего ноября № 245, «отступает» от должности законоучителя в центральном училище; 2) оставить учителя Грунауского центрального училища Ставраки на своем месте старшим учителем и заведывающим училищем; 3) заменить учителя Фея, как недостаточно знающего русский язык и интригана, вредящего интересам школьного дела, другим более достойным учителем …» [81, л. 14].

Можно себе представить, как огорчил и встревожил Ф.И. Клюдта такой непредвиденный результат его прошения. Ознакомившись с этими предложениями, пастор счел необходимым отправить 22 января 1890 г. попечителю Одесского учебного округа свое объяснение по поводу

поданного прошения. Оно мало что добавляет к изложенному в прошении и содержит, в основном, оправдания пастора в связи с той характеристикой, которую дал ему А.И. Малевинский (плохой знаток русского языка, любитель всего немецкого, не проникнут русским направлением в школьном деле и т.д.).

Вот один из примеров, где пастор открещивается от своих слов (столь часто цитируемых в современных публикациях), что при знании русского языка немцы сделаются хуже, и что в знании и изучении собственно немецкого языка их религиозная и нравственная охрана: «Я подобного ничего ему никогда не говорил. Я, напротив, всегда в школах убеждал учителей и детей усердно изучать русский язык и всегда разъяснял, что воля правительства, чтобы мы хорошо знали отечественный язык, это подтвердят все учителя и другие люди. Кроме того, может быть удостоверено, что я сам всегда экзаменовал учеников по русскому языку, чтобы, между прочим, наглядно показать, что изучение его для нас — предмет первой важности и необходимости» [81, л. 13–13 об.]. Итак, на вопрос о том, кто же отвергал пафосное и часто цитируемое высказывание пастора Клюдта о роли немецкого языка для колонистов, есть очень простой ответ: от него открестился сам пастор Ф.И. Клюдт.

В пылу оправданий Ф.И. Клюдт рассказывает еще об одном факте, который не фигурировал ранее ни в его прошении, ни в письме А.И. Малевинского попечителю учебного округа 15 декабря 1889 г. Главной целью создания центральных училищ была подготовка из детей колонистов учителей в начальные школы, которые хорошо владели бы русским языком. Поэтому очень важно было дать учащимся определенную педагогическую подготовку, эта задача решалась в центральных училищах открытием 4-го педагогического класса. Открытие дополнительного класса означало прием в училище еще одного учителя, средства на его оплату предстояло изыскать.

22 мая 1889 г. инспектор училищ Г.М. Нечипоренко, по распоряжению А.И. Малевинского, собрал в здании волостного правления Грунау волостных старшин, сельских старост, членов училищного совета (в том числе — Э.Х. Ставраки) и пастора. Чтобы главы волостных и сельских правлений поняли, для чего нужен педагогический класс и каких затрат это потребует, инспектор поручил пастору объяснить им это на немецком языке. Ф.И. Клюдт, по его словам, разъяснил, что дело нужное и хорошее, но нужно внести в программу педагогического класса методику преподавания Закона Божьего. Инспектор это предложение не поддержал, а возникшие разногласия смутили мало сведущих в педагогике старост (речь ведь шла о сборе с каждой общины по 15 рублей в год), и они отказались подписать протокол. Подписи были собраны только после угрозы Г.М. Нечипоренко, что из школ в тех селениях, шульцы которых отказались от подписи, будут немедленно отозваны немецкие учителя и направлены вместо них русские. Но сельские общины все-же отказались ассигновать по 15 руб. в год на педагогический класс (это менее рубля в год с каждого полноценного хозяйства), так как были убеждены, что все это затеяно учителем Ставраки для увеличения его жалования за счет общественных денег [81, л. 12–12 об.].

Таким образом, важное для развития центрального училища дело было отложено почти на 20 лет, только в 1909 г. училище стало 4-х классным. Несмотря на все оправдания пастора, именно его директор и инспектор считали виновником неудачи с открытием педагогического класса. Ф.И. Клюдт сначала затеял дискуссию на собрании в волости, а затем, используя свое влияние на колонистов, настроил их против полезного начинания.

Далее в объяснении пастор вновь оправдывается: «…я действительно просил г. директора дозволить на немецких уроках говорить по-немецки, об этом я просил, но не настаивал». О способности Э.Х. Ставраки к преподаванию Ф.И. Клюдт не мог сказать ничего худого, но вновь обвинил заведующего училищем в очернении себя и учителя И. Фея в глазах директора училищ и инспектора [81, л. 9–9 об.].

Получив объяснение Ф.И. Клюдта, канцелярия попечителя Одесского учебного округа попросила А.И. Малевинского дать заключение по этому документу. 14 февраля 1890 г. А.И. Малевинский отравил ответ, на этот раз директор народных училищ был краток. Он дал разъяснения по некоторым второстепенным вопросам и указал, что ничего существенно нового он в объяснении пастора не усмотрел. В заключение А.И. Малевинский писал: «… каких-либо личных отношений к пастору Клюдту и предубеждений против него я не имел и не имею, и потому он напрасно думает, что я при первом же свидании встретился с ним с недоверием и предрассудками. Об отношениях же вообще немцев и особенно их представителей к русскому языку и вообще к русской национальности, далеко не похвальных, служат веским подтверждением печатные заявления и статьи Велицына и бывшего инспектора народных училищ Херсонской губернии Федорова (в «Русском вестнике», «Московских ведомостях» и в «Новом времени»)» [81, л. 11–11 об.].

На основании работ Э.Г. Плесской [99, с. 320; 100, с. 53–54; 101, с. 114] у читателя, незнакомого с архивными материалами, невольно складывается превратное впечатление, что именно Э.Х. Ставраки был главным действующим лицом в конфликте с пастором Ф.И. Клюдтом, что это он дискредитировал учителя И. Фея и угрожал ему увольнением, самовольно нанимал учителей, находясь в хороших отношениях с директором училищ А.И. Малевинским, разделял его антинемецкие настроения и т.д. Приведенный выше подробный разбор архивного дела по переписке в связи с жалобой пастора Ф.И. Клюдта [81, л. 1–16 об.] показывает, что для таких интерпретаций и комментариев нет никаких оснований. Главными противниками-антагонистами в конфликте были пастор Ф.И. Клюдт и директор училищ губернии А.И. Малевинский, крайне осторожный и деликатный инспектор Г.М. Нечипоренко был лишь исполнительным и добросовестным подчиненным директора. Что касается учителя-заведующего Э.Х. Ставраки, то он, увлеченный преподаванием и занятый текущими делами центрального училища, всячески старался держаться в стороне от конфликта, насколько позволяла ему это его исполнительность и лояльность к вышестоящим начальникам.

Никаких последствий для А.И. Малевинского жалобы Клюдта не имели (уже в 1891 г. он поучил следующий чин статского советника), отслужив более 20 лет в должности директора народных училищ, он был уволен со службы в отставку по его прошению с 1 августа 1897 г. с правом ношения мундира [132, с. 37]. Остались на своих местах Г.М. Нечипоренко и Э.Х. Ставраки, но пастор Т.Ф. Клюдт обрел репутацию «любителя всего немецкого» и противника реформы образования в бывших немецких колониях.

Как же проходила школьная реформа в бывших колониях в последующие годы?

Осенью 1890 г. было проведено формальное доизбрание в состав совета центрального училища новых членов взамен выбывших, однако при этом кардинально изменилась структура училищного совета, его состав и полномочия.

Председателем совета, вместо пастора прихода Грунау, стал Василий Николаевич Баллинг — земский начальник 3-го участка, куда входила Грунауская волость. Рядовыми членами были избраны волостные старшины Г. Пельц (Грунауская волость) и Г. Драх (Людвигстальская волость), а также представители духовенства Т. Клюдт (пастор прихода Грунау), Г. Грегориус (пастор прихода Людвигсталь), Я. Зелингер (патер прихода Эйхвальд), П. Мюллер (патер прихода Гроссвердер); колонистская общественность была представлена А. Мейером (Рундевизе) и Д. Генгом (Эйхвальд). Главное же заключалось в том, что совет отныне должен был заведовать лишь хозяйственной частью училища «в течение 3-х лет или до введения ожидаемых постановлений правительства о центральных немецких училищах». Все решения совета должны были согласовываться и утверждаться директором народных училищ А.И. Малевинским. 25 октября 1890 г. А.И. Малевинский направил новый состав училищного совета на утверждение попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому, окончательно утвержден совет был только

после согласования его состава 20.12.1890 г. с тогдашним екатеринославским губернатором В.К. Шлиппе [153, л. б/н; 154, л. 69].

Все вопросы, связанные с учебным процессом и воспитанием, должен был решать, исходя из Положения о городских училищах от 31 мая 1872 г., педагогический совет, который избирался уже только из лиц, служащих в училище. В его состав входили все штатные учители и их помощники, а также законоучитель. Один из учителей, по представлению инспектора народных училищ и после утверждения попечителем учебного округа, назначался заведывающим училищем. Заведывающие «… суть непосредственные начальники вверенных им училищ < … > и им подчиняются все служащие в училищах лица», заведывающий председательствовал в педагогическом совете, а в случае его разногласий с советом вопрос выносился на решение инспектора народных училищ [155, с. 729–731].

Молодой и амбициозный пастор прихода Грунау Т. Клюдт оказался теперь в центральном училище рядовым членом совета, который ничего не мог поделать против заведующего Э.Х. Ставраки, пользовавшегося поддержкой дирекции народных училищ.

Как уже говорилось выше, 22 ноября 1890 г. и 10 декабря 1892 г. появились высочайшие повеления о передаче в ведение МНП всех без исключения церковных лютеранских и католических школ (практически все начальные сельские школы колонистов были церковными). Существенно, что в этих повелениях уже была юридически важная формулировка: «…подчинить ведомству министерства народного просвещения, на общем основании с другими начальными училищами, находящимися в заведовании сего министерства …» [119, с. 742, 743; 120, с. 4]. Реформирование начальных сельских училиш в колониях обрело, наконец, какое-то юридическое основание; стало понятно, что эти учебные заведения будут существовать и управляться МНП в соответствии с уже действовавшим Положением о начальных училищах МНП от 25 мая 1874 г. [124, с. 223–236].

Министр народного просвещения И.Д. Делянов 8 января 1891 г. направил попечителям учебных округов «Циркулярное предложение» [156, с. 46–47] об исполнении повелений. В свою очередь, попечители округов выпустили для исполнения циркуляры (в Казанском округе — 24 сентября 1891 г., в Одесском — 18 марта 1892 г.) директорам народных училищ в губерниях [157, с. 142–143; 158, с. 402–404]. В соответствии с циркулярами, все предметы, кроме вероучения, должны были преподаваться на русском языке [101, с. 318], хотя в самом повелении о языке преподавания не сказано ни слова [119, с. 742, 743]. Право назначать и отстранять учителей, как и следовало по Положению от 25 мая 1874 г., предоставлялось инспекторам, а утверждать и увольнять — директорам народных училищ. Пасторам и патерам отводилась скромная роль преподавателей Закона Божьего соответствующей конфессии.

В свете Положения о начальных училищах МНП от 25 мая 1874 г. незаконным стало и заключение договоров (контрактов) между учителями и колонистскими общинами. Подобные договора были запрещены «Циркулярным предложением» МНП от 3 августа 1892 года [160, с. 14–15].

Собственно говоря, с этого времени переход сельских начальных училищ бывших колонистов под фактический контроль МНП стал лишь вопросом времени, лютеранское и католическое духовенство лишилось безраздельной власти над школой, его роль была ограничена только законоучительством. Пользуясь своим авторитетом и духовной властью над прихожанами, патеры и пасторы теперь могли лишь негласно склонять сельские общины к бойкоту посещения и отказу от участия в содержании школ. Понятно, что такие действия отрицательно сказывались на образовании детей из бывших немецких колоний (в Мариупольском уезде в последние годы XIX в. даже было закрыто из-за этого несколько сельских школ), но духовенство, теряя контроль за образованием, уже действовало по принципу: «Так не доставайся же ты никому!».

Остается неясным, кто информировал консисторию о позиции Ф.И. Клюдта относительно

изучения русского языка и сближения бывших колонистов с российским обществом. По своему положению это мог сделать попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский, просто переадресовав консистории предложение А.И. Малевинского по удалению пастора из прихода. Следует напомнить, что лютеранская церковь имела тогда в России государственный статус и генеральная ее консистория была подчинена одному их департаментов министерства внутренних дел. Действующий Устав церкви 1832 г. и «Наказ» к нему исключали какое-либо сопротивление пастора действиям власти или ее осуждение в проповеди, это могло грозить пастору не только удалением из прихода, но и лишением сана. Ф.И. Клюдт был вынужден оправдываться перед консисторией в длительной и крайне неприятной для него переписке [141, с. 69–70].

Очень болезненно пастор Клюдт воспринял высочайшее повеление от 22 ноября 1890 г. и циркуляр Одесского учебного округа директорам народных училищ в губерниях от 18 марта 1892 г. Все эти события привели к нервному заболеванию пастора, он был вынужден оставить служение и лечиться сначала в Киеве, а затем — в Германии, в водолечебнице доктора Ламана. После излечения ему разрешили еще несколько месяцев не работать, а после возвращения в Грунау — проводить уроки Закона Божьего для учеников центрального училища дома, в пасторате [141, с. 70].

В 1890–1893 гг. произошли существенные изменения во властных структурах Екатеринославской губернии. Чтобы укрепить власть на низовом уровне, ослабленную земской реформой, по указу Александра III от 12 июля 1889 г. в 40 российских губерниях (включая и Екатеринославскую) были введены участковые земские начальники, назначаемые из потомственных дворян министром внутренних дел по представлению губернатора. Земский начальник был подотчетен и подчинялся только губернатору, на своем участке он был полновластным распорядителем: и администратором, и судьей [161, с. 313–315].

Мариупольский уезд разделили на 7 земских участков, в состав 3-го участка вошли Грунауская (с 1894 г. — Александроневская), Людвигстальская (Романовская) и Темрюкская волости. Первым земским начальником 3-го участка был Василий Николаевич Баллинг, прослужил он недолго (1890–1893 гг.). Следующим начальником 3-го участка в 1893–1903 гг. стал фон Гельмерсен Михаил Венедиктович, из потомственного дворянского рода обрусевших остзейских немцев, сын помещика и земского деятеля Верхнеднепровского уезда [130, с. 236–237; 138, с. 8; 139, с. 22; 162]. Тестем М.В. Гельмерсена был инспектор народных училищ Г.М. Нечипоренко, на которого пастор Ф.И. Клюдт писал ранее жалобы. С 1894 г. М.В. Гельмерсен жил в Грунау, в доме, построенном для него подведомственными волостными правлениями. Весьма колоритное описание новоселья в этом доме, где за одним столом с семьей Гельмерсенов сидели Ф.И. Клюдт с женой и тогдашний православный священник Архистратико-Михайловской церкви греческого селения Новый Керменчик Г. Сачли, оставила в рукописи своих воспоминаний жена пастора Иоганна [96, с. 562, 669; 141, с. 71].

В 1893 г. в Екатеринославской губернии сменился губернатор. Владимира Карловича фон Шлиппе (1834–1923), потомка выходцев из Саксонии, перевели тульским губернатором. Следующим губернатором стал Дмитрий Николаевич Мартынов, юрист, выпускник московского университета, он начал военную службу в лейб-гвардии, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1888 г. вышел в отставку в чине полковника и поступил на службу по министерству внутренних дел, занимал посты могилевского (1893), екатеринославского (1893–1897) и варшавского (1897–1907) губернатора. Будучи варшавским губернатором, способствовал распространению православных храмов в крае, укреплял единение края с империей и обеспечивал за государственным языком подобающее положение.

В 1893–1894 гг. М.В. Гельмерсен принял активное участие в организации переименования поселений бывших немецких колонистов, был проведен сбор подписей колонистов под прошением о переименовании тогдашнему екатеринославскому губернатору. Официальным поводом

к переименованию послужило обращение меннонитов колонии Шенеберг (бывший Хортицкий округ) 3 марта 1893 г. к российскому правительству с просьбой о даровании колонии русского наименования. Сбор подписей колонистов под приговорами сельских сходов о переименовании шел в волостях 3-го земского участка очень непросто, но в 1894 г. дело было завершено.

Ф.И. Клюдт был против переименования и не скрывал этого. Учитывая его влияние на прихожан, М.В. Гельмерсен обратился с просьбой об удалении пастора из прихода Грунау к своему непосредственному начальнику екатеринославскому губернатору Д.Н. Мартынову. В появлении этой просьбы определенную роль сыграли, вероятно, и личные моменты: прежние жалобы пастора на тестя земского начальника, инспектора Г.М. Нечипоренко не были забыты. Губернатор обратился с просьбой в консисторию, где не стали возражать, учитывая сложившуюся репутацию Ф.И. Клюдта [141, с. 71].

Помощь с переводом из Грунау Ф.И. Клюдту оказал пробст II-го Южно-русского округа С. Петербургской консистории Иоганнес Терн (Johannes Törn, 1856–1936) [146, с. 494].

Вместе с женой и детьми пастор был вынужден оставить богатый и благоустроенный приход Грунау, в двух верстах от которого уже строилась железнодорожная станция Розовка, распрощаться с прекрасной приходской церковью и комфортабельным пасторатом в окружении фруктового сада. Консистория направила его в глухие места Области Войска Донского, в 180 верстах от Ростова и в 40 верстах от станции Миллерово Ф.И. Клюдт должен быть организовать новый лютеранский приход Рыновка. И жена пастора Иоганна Клюдт [163, с. 82], и последний пастор в Грунау И. Фелль [164, с. 118], опубликовавшие позднее свои воспоминания, справедливо расценивали этот перевод как наказание и ссылку. Здесь, в донской глуши, около 1898 г. немецкие поселенцы, выходцы из мариупольских и таврических колоний, а также из колонии Рибенсдорф (Воронежская губерния), основали на купленной у местных помещиков земле небольшие поселения-хутора Рыновку, Новоалексеевку и Изумрудный [165, с. 505–506]. В настоящее время эти хутора входят в состав Курно-Липовского сельского поселения в Тарасовском районе Ростовской области [166, с. 105]. Ни церкви, ни пастората в новом приходе не было, Ф.И. Клюдт с семьей поселился в пустующем помещичьем доме, а под церковь начали перестраивать стоявший недалеко большой сарай из обожженного кирпича с железной крышей. Недавно основанные хутора еще не стали зажиточными, к тому же каждое селение хотело, чтобы приходская церковь находилась именно в его черте. Семь долгих лет потребовалось на превращение сарая в приходскую церковь, каждую весну и осень жена пастора сама объезжала хутора от дома к дому, собирая на устройство храма по 50 рублей с хозяйства [163, с. 82]. В 1908 г. церковь, наконец, была готова, Ф.И. Клюдт с семьей смог перебраться на служение в Екатеринодар (Краснодар). За семь лет «рыновской ссылки» он оставил о себе добрую память в новом приходе, последний раз Ф.И. Клюдт с женой посетили Рыновку в 1928 г., незадолго до их эмиграции в Германию [163, с. 82], умер пастор в Корнтале близ Штуттгарта осенью 1931 г.

Через несколько лет после конфликта с пастором Ф.И. Клюдтом, в первые годы XX в., покинул Грунау и центральное училище, которому он отдал почти 20 лет, и Э.Х. Ставраки. В 1905 г. году его уже не было в штате центрального училища, новым заведующим стал там А. Портнянин [167, с. 82]. Причины переезда Э.Х. Ставраки в Мариуполь так и не удалось точно выяснить, в этом городе он учительствовал, заведовал Пушкинским городским начальным училищем на Слободке, жил на улице Итальянской и был похоронен на Мариупольском городском кладбище осенью 1911 г.

Так отразились столь волновавший российскую общественность в конце XIX в. «немецкий вопрос» и связанная с ним реформа образования в бывших колониях на судьбе двух участников этой реформы в Мариупольском уезде, занимавших полярно противоположные позиции, но каждый из них был убежден в своей правоте и благотворности отстаиваемых им позиций для бывших немецких колонистов и для России.

3. Текст рукописи Э. Х. Ставраки

По моему мнению, Э.Х. Ставраки могла подтолкнуть к написанию в конце 1884 г. рукописи о Грунау публикация в августовском номере журнала «Русская старина» за 1884 г. воспоминаний его знаменитого дяди М.И. Ставраки, одного из героев обороны Севастополя 1854–1855 гг., генерал-майора по адмиралтейству.

Рукопись написана чернилами с двух сторон на 8 полных листах белой нелинованной бумаги формата in folio (F^0 или 2°) [168], поля отведены слева на каждой странице простым карандашом, листы пронумерованы (от 1 до 8) в правом верхнем углу, постраничная нумерация отсутствует. В верхней части каждого из нечетных (1, 3, 5, 7) листов рукописи стоит штамп (печать) библиотеки Одесского общества истории и древностей. Фрагменты 1-го и оборотной стороны 8-го листов рукописи представлены на рис. 1 и 2.

Представленный ниже текст рукописи Э.Х. Ставраки приведен к нормам современного русского правописания. Все дополнения, внесенные в текст при литературном редактировании рукописи, а также информация о выявленных описках, приведены в квадратных скобках. Неразборчивые фрагменты текста рукописи заменены вставкой [нрзб]. Все необходимые, на наш взгляд, комментарии помещены непосредственно после текста.

Грунау

Ни одно из немецких селений, принадлежащих Мариупольскому уезду[1], не производит на проезжающего такого приятного впечатления, как Грунау, особенно весной, когда деревья в цвету и селение представляет [собой] сплошной лес.

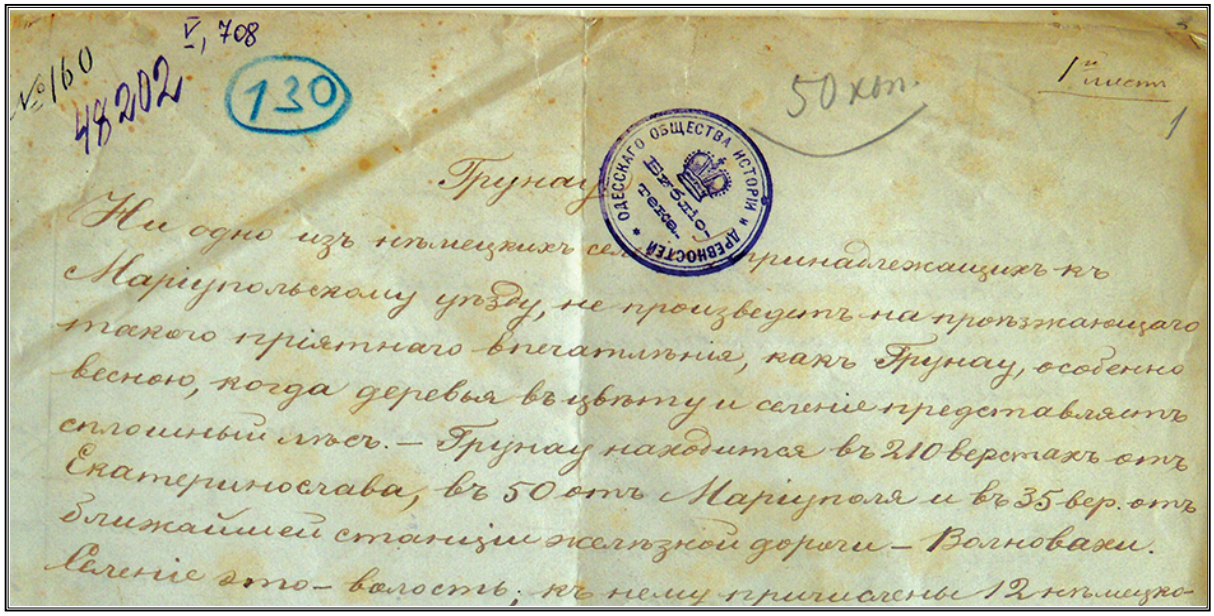
Грунау находится в 210 верстах от Екатеринослава[2], в 50 [верстах] от Мариуполя и в 35 [верстах] от ближайшей станции железной дороги — Волновахи[3]. Селение это — волость, к нему причислены 12 немецких лютеранских селений, 3 немецко-католических и одно греческое селение[4], ближайшее из немецких селений (Кронсдорф) находится не дальше полуверсты от Грунау, а дальнейшее — не более 12 [верст].

Жители Грунау — немцы-пруссаки, переселенцы из окрестностей Данцига и Эльбинга, все они лютеранского вероисповедания. Грунаусцы переселились в Россию в 1823 году в числе 27 семейств (всего 95 душ) и получили от правительства по 60 десятин на семейство[5]. Слово Грунау произошло от двух немецких слов «grün» (зеленый) и «Au» (долина). Вообще селения немецких поселян носят большей частью названия тех сел и городов, из которых немцы вышли при переселении из Германии в Россию, таковы, например: Дармштадт, Штутгарт, Ямбург, Линдау и проч. Относительно Грунау, впрочем, старожилы этого села не помнят, чтобы в Пруссии носило какое-нибудь село такое название[6]. Причину происхождения Грунау так объясняют старики: русское правительство уже при Екатерине II, а потом и при других царях, желая заселить пустые степи хорошими земледельцами и людьми, приобретшими навык к возделыванию растений, а также сведущих в скотоводстве и овцеводстве, приглашало немцев в Россию[7], для чего оно давало им ссуды и землю, с целью, чтобы немцы, возделывая незаселенную землю, увеличивали национальное богатство и в тоже время влияли цивилизирующим образом на соседних русских и греческих поселян. Судя по отношению жителей Грунау к русским, немцам плохо удалось исполнить свою миссию[8]. Грунаусцы стараются, как можно мало иметь сношения с русскими, но зато их собственное благосостояние, сравнительно с соседним русским, обращает на себя внимание своим цветущим положением. Подобное состояние грунаусцев можно объяснить тем, во-первых, что они с самого начала переселения стояли в материальном и моральном отношении выше русских, во-вторых, они получили в надел гораздо больше земли, чем русские крестьяне и до последнего времени пользовались многими привилегиями, как например: они были избавлены от военной службы и почти совершенно свободны от налогов.

В настоящее время к Грунау причисляется 477 душ мужского пола и 523 женского[9], но постоянно живут в селе только 445 душ (из них мужского пола 205, а женского 240); дворов всего 60, из которых многие построены из обожженого кирпича и покрыты соломой или черепицей. Торговых лавок три: одна принадлежит греку, другая — русскому, а третья — немцу. Здесь бывают ежегодно 2 ярмарки.

Грунау расположен на совершенно ровном месте, дома тянутся в два прямолинейных ряда, отстоящие один от другого в равном расстоянии; село это состоит из двух улиц и одной площади, которые обсажены тополями и другими тенистыми породами деревьев; улицы эти широки и прямы, усадьбы обывателей большею частью обнесены дощатыми заборами, среди улицы протекает ручеек, который летом почти совершенно засыхает. Вдоль улиц, по обе стороны, тянуться непрерывной каймой цветники, тенистые садики, за листвой которых мелькают дома жителей. Главным фасадом дома обращены во двор, к улице же — боковой стороной в два окна. Двор каждого поселянина в Грунау занимает ½ десятины земли, кроме того, на каждого хозяина приходится сколько же леса, состоящего из ясеня, клена и тутовых деревьев, так что Грунау владеет 13 десятинами леса, за которыми обыватели ухаживают довольно старательно.

Земля здесь черноземная и очень удобна для землепашества, она не требует никакого удобрения; но немцы все-таки удобряют гноем по несколько десятин. Земледелие любимое и главнейшее занятие жителей, каждый хозяин, несмотря на свои собственные 60 десятин, если имеет малейшую возможность, нанимает еще десятин десять или двадцать у своих соседей греков. Все полевые работы производятся лошадьми и орудиями лучшего качества и новейшего устройства. Чистят хлеб и косят машинами легко, быстро и аккуратно, веялки, секарни и косилки почти у каждого хозяина. Почти у каждого немца работником служит русский, которому платят хорошо, но зато весьма внимательно смотрят за ним, чтобы ни одна лишняя минута не тратилась на отдых.


№160 48202 V, 708 130 50 хп. 1й лист 1

Грунау

Ни одно изъ нѣмецкихъ селъ, принадлежащихъ къ Маріупольскому уѣзду, не произведетъ на проѣзжающаго такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ Грунау, особенно весною, когда деревья въ цвѣту и селеніе представляетъ сплошный лѣсъ. — Грунау находится въ 210 верстахъ отъ Екатеринослава, въ 50 отъ Маріуполя и въ 35 вер. отъ ближайшей станціи желѣзной дороги — Волноваги. Селеніе это — волость; къ нему приписаны 12 нѣмецко-

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ Библіотека

Рис. 1. Фрагмент первой страницы (1-й лист) рукописи Э.Х. Ставраки о Грунау [2, л. 1]

Сеют, обыкновенно, пшеницу озимую и яровую, ячмень и лен, также засаживают по несколько десятин кукурузой и картофелем. Все труды земледельца вознаграждаются с избытком, если не появятся какие-нибудь несчастья — продолжительная засуха или жучки. Благодаря трудолюбию, уменью жителей и климатическим условиям местности, земледелие находится в самом цветущем состоянии. Климат здоровый, хотя сухой: каждое лето, по совету доктор-

ов, приезжают многие из Мариуполя в Грунау проводить лето и подышать чистым воздухом. Главное богатство грунаусцев — хлеб и коровье [сливочное] масло, которые продают местным купцам, или отвозят в Мариуполь, а иногда в Бердянск[10] (отстоящий от Грунау на 80 верст), если в последнем городе цены стоят выше, чем в Мариуполе.

Грунау распланирован самым правильным и просторным образом. Усадьба каждого двора, а также расположение жилых и хозяйственных строений, их наружный фасад и внутреннее устройство у всех обывателей Грунау одни и те же, отличаясь в частностях большею или меньшею солидностью, а также различием строительного материала. Посетителя вводят в дом два входа: один, главный — со двора, а другой — с сада или палисадника. Оба входа ведут в довольно обширные прихожие, в средине которых помещается кухня. Эти три комнаты, занимая середину дома, разделяют внутреннее помещение на две равные половины. Половина к улице разделяется также на две или три комнаты; главная из них служит обыкновенно как для приема гостей, так и спальней для хозяина и хозяйки; в углу этой горницы стоит кровать с горой перин (немцы покрываются перинами) и подушек, сложенных друг на друге очень тщательно; остальные два отделения служат для рабочих и детей. Возле двери, в стене, у каждого немца вделан шкаф, в котором расставлены посуда и ложки в замечательном порядке; у стен диван или простые скамейки, стулья, один стол и постоянная принадлежность комнаты: красивый и прочный деревянный сундук с фигурами на крышке. На стене почти у каждого немца висят громадные часы. Пол в комнатах нередко глинобитный, посыпанный белым песком. Через сени другая горница и кладовая. Крыши домов очень высокие, на чердаке можно поместить огромное количество всяких припасов. Обыкновенно чердаки и служат амбарами — туда ссыпается весь хлеб. Бок-о-бок и под одною крышею с домом следует конюшня, имеющая непосредственные сообщения с жилыми помещениями и с задним двором. В конюшне же обыкновенно колодец, кроме того, который находится в глубине двора. Под прямым углом с домом и конюшней часто возвышается обширная «клюня»[11] (молотильный сарай), в котором вымолачивается хлеб. Постройка эта — с огромными сквозными воротами посередине, через которые свободно может въехать громадная арба[12] с нагруженным хлебом, делается деревянная с соломенной или камышовой крышей. Позади клуни складываются стога сена и соломы, затем следуют огороды, лес, и наконец, поля. Жилые и хозяйственные помещения хотя не отличаются безукоризненною чистотою, за исключением главной горницы, но держаться в хорошем порядке. Мебель и вся хозяйственная утварь отличаются прочностью и всегда можно найти их в должной опрятности. Не говоря о хозяевах, которые спят на хороших кроватях, но все дети и прислуга имеет свои кровати, которые так устроены, что днем служат для сиденья, а ночью обращаются в кровати. Словом, как внешний вид домов, так и внутренняя их обстановка, производят самое приятное впечатление.

Одежда жителей Грунау во многом схожа с одеждою городских жителей (мещан), которым они стараются подражать, но она делается всегда из темной материи. Только летом, во время полевых работ, как мужчины, так и женщины, носят «шлеры»[13] (обувь, похожую на туфли), часто с деревянными подошвами, а на голове носят соломенные шляпы с широчайшими полями. Немки вообще не щеголихи: колец носят мало, а ожерелий и блестящих серег вовсе не носят. Шуб как мужчины, так и женщины не любят носить — их заменяют пальто.

Пищу жителей Грунау составляют: картофель, свинина, молоко и плоды. Сочетание, например, неспелых груш, вишен и картофеля с молоком хотя странно, но у немцев это часто практикуется: редко у грунаусца за обедом или ужином вы не встретите картофеля с молоком и жирнейшей свинины. Редкий немец-хозяин колет меньше пяти или шести откормленных свиней, а богатый иногда — штук двенадцать. Колбасы (копченные), ветчину и шмальц[14] немцы едят только летом, во время полевых работ. По будням употребляется всегда ржаной хлеб, а белый хлеб едят только по воскресеньям и другим праздникам. Круглый год каждый день

немцы едят четыре раза: утром и в четыре часа пополудни, хозяева пьют кофе со сливками, смешанный с цикорием, и едят бутерброды, а дети и прислуга пьют с молоком «припс»[15], т.е. взвар из пережаренных зерен ячменя или ржи, ровно в 12 часов обед, а в 8 [часов] — ужин.

Никаких игр или общественных увеселений у грунаусцев не существует. Только 11 ноября каждого года, в честь Мартына[16] (патрон немецких работников и работниц), собираются служащие работники и работницы вместе у какого-нибудь хозяина-безземельника и устраивают так называемый musik, т.е. пирушку, на которой пьют вино или водку, едят лакомства и танцуют под звуками скрипки и кларнета немецкий вальс. С 11 ноября служащие у грунаусцев имеют полную свободу дней на шесть и могут пользоваться этими днями, как им заблагорассудится; в это время обыкновенно кончается срок службы, и рабочие нанимаются снова до следующего Мартына, или отходят. У всех местных немцев в большом употреблении единственный и любимый танец вальс, который танцуют по своему, т.е. молодые люди, обнявшись с девушкой, крутятся до тех пор, пока играет музыка; иногда такое вращение так долго продолжается, что только удивляться нужно, как их немецкие головы могут выдержать … Жизнь местная при ближайшем знакомстве с ней является довольно монотонною: как у одного, точно также у другого оказываются одни и те же привычки и потребности; тот же наряд, та же пища, словом, один и тот же склад жизни и воззрений, даже почти одинаковое выражение лица.

Жители Грунау отличаются спокойным, религиозным характером, трудолюбием и усердием к хозяйству; они вполне крестьяне-земледельцы. Никакое важное в семейной жизни дело не начинается мужчиной без совета и согласия его жены. Жены у немцев в большом уважении, что они вполне заслуживают: присутствие неустанной деятельности хозяйки замечается на каждом шагу: она не только сама занимается каким-нибудь делом, но задает работу всем домашним от мала до велика; она же занимается сбором молока, которое сберегает не в кувшинах, а в мисках, пахтаньем отличного масла, роется в огороде и потом принимается приготовлять обед, аккуратно посматривая на часы. К торговле наши бывшие колонисты, по-видимому, не имеют никаких способностей, доказательством чего служит то, что во всех немецких колониях Мариупольского уезда вы не найдете более двух торговцев из немцев, в немецких селениях обыкновенно торгуют евреи, греки или русские. В Грунау проживает один немец-богач[17], из немцев-лютеран, который имеет лавку, но торговлю ведет его жена самым первобытным способом, сам же хозяин с своими сыновьями весь предался земледелию и овцеводству и уже успел накупить до 1,5 тысяч десятин земли. И действительно, как грунаусцы, так и поселяне других немецких селений, а их не менее 30 в Мариупольском уезде, искусные земледельцы, опытные овцеводы и прилежные садоводы. Факты на лицо: в степях, где не было ни воды, ни куста, точно волшебством появились цветущие селения, здоровая и изобильная колодезная вода, целые рощи плодовых, тутовых и лесных деревьев, богатые, отменно обработанные нивы, целые стада овец и отличной породы разного рода скота и лошадей. Жаль только, что, благодаря замкнутости своей жизни, грунаусцы и другие немцы не оказывают большого влияния на соседних жителей русских селений; они удаляются [от] сближения с русскими и до сих пор не выучились хоть мало-мальски сносно говорить по-русски. Жители Грунау простые, честные, степенные люди с некоторым неподвижным умом, и равнодушные ко всему, что лежит за узкими пределами их собственного малого мирка; но довольно остроумные в делах, которые они считают достойными своего внимания. Русских (да и вообще, всякого иноверца) принимают замечательно холодно: к ним они необщительны, осторожны, недоверчивы и, если-бы было возможно, то никогда не вступали бы с ними ни в какие отношения. Но, если вы знаете их язык и можете рассуждать с ними о религиозных вопросах в евангелическом духе, то, пожалуй, удастся вам победить их необщительность и вызвать на откровенную беседу. Каждый немец часто читает библию, отлично знает и понимает свою религию и с насмешкой относится к чужой религии, находя в ней много недостатков.

Обычаи и обряды грунаусцев выражают характер народа серьезного, мало гостеприимного и приветливого. Негостеприимство у них доходит до того, что, если застанете семейство за едой, то не пригласят вас к столу, будьте вы хоть их хороший знакомый или даже родственник, только хозяин, может быть спросит вас: «Вы уже обедали или нет?» На ваш отрицательный ответ, хозяева обыкновенно удивляются, спрашивая: «А скоро будете обедать?» Родины, крестины, свадьба, новоселье не сопровождаются особенным хлебосольством, хотя при всех этих случаях хозяин созывает самых близких родственников, но угощает их скупо и без особого радушия. На похоронах созывается почти все селение по записке, последняя передается из дома в дом. После погребенья, собравшись в доме, где был покойник или покойница, поют гимны, а потом пьют кофе с белым хлебом или каким-нибудь печеньем. Свадебные обряды у грунаусцев и окрестных немцев совершаются однообразно, с возможною простотою и часто без музыки. Молодой парубок избирает себе сам невесту, родители в это дело не вмешиваются и никогда не заставляют сына жениться на той, которая ему не по нраву, а также дочь не принуждают выходить за немилого. «Если хочет, пусть себе идет за такого-то», говорят обыкновенно родители: «Ведь она с ним будет жить, не мы». Парубок редко берет себе невесту из другого села. Получив согласие и благословение родителей, жених и невеста отправляются вместе известить об этом пастора[18], который тот час испытывает их из Закона Божия, т.е. спрашивает жениха и невесту из катехизиса, библии и молитвы, и только тогда соглашается на их бракосочетание, если найдет их знания по этому предмету удовлетворительными. После троекратного оглашения в церкви бывает свадьба, которая всегда играется у невесты. Перед венчанием, дома еще, отец или учитель читает подходящий к этому случаю текст из библии, поют какой-нибудь гимн, после чего к 11 часам едут в церковь и оттуда обратно, из домов раздаются выстрелы из ружей и пистолетов, это стреляют в честь жениха и невесты их знакомые. Возвратившись из церкви домой, тотчас обедают. Непременная принадлежность свадебного обеда — взвар из разных сухих фруктов — слив, яблок и груш, а также каша из риса с изюмом и сахаром. Во время обеда пьют вино или водку за здоровье новобрачных. После обеда начинается любимый танец вальс под звуки скрипки и кларнета.

По воскресеньям и другим праздникам немцы, если только пастор хороший проповедник, наевшись, идут в церковь, где [в] половине десятого начинается богослужение и продолжается иногда до двенадцати. В церкви во время богослужения слушатели сидят на довольно удобных скамьях. После обеда по воскресеньям и праздникам (последних у лютеран очень мало) жители Грунау обыкновенно читают библию, которую найдете в каждом доме, или газеты, а также книги, взятые из приходской библиотеки и находящейся при пасторате. Грунаусцы получают немецкие газеты [названия двух газет в рукописи неразборчивы][19] в нескольких экземплярах, а также в иные годы выписываются «Rigasche Zeitung» [«Рижская газета»][20] и «Odessaer Zeitung» [«Одесская газета»][21]. В гости жители Грунау не любят ходить, послеобеденное время они обыкновенно проводят в тесном кругу своих домашних и редко в прогулках. Хотя Грунау отрадно действует своею зеленью, цветами, солидностью построек, опрятностью и чистотою улиц и жилищ даже на самого прихотливого русского, тем не менее, благодаря однообразной жизни жителей он скучает здесь и с удовольствием поспешит в соседнее греческое или русское селение, где жизнь хоть и грубее, но люди, кажется, чаще смеются, веселятся, поют и пляшут.

В Грунау одна церковь[22] из обожжённого кирпича, прекрасный пасторат и два училища: одно сельское, а другое — центральное[23]. Центральное училище принадлежит двум волостям — Грунауской и Людвигстальской[24]; в нем учатся сыновья тех немецких поселян, которые хотят выучиться по-русски и иметь льготу по воинской повинности[25]. Пасторат и церковь в Грунау построены поселянами двенадцати лютеранских селений, и, таким образом, церковь в Грунау составляет приходскую церковь десяти или двенадцати тысяч душ. При таком громадном количестве прихожан пастору было бы очень трудно исправиться, если бы не иметь помощников, которыми являются кистер[26] (диакон) и сельские учителя: им позволяется хоронить, крестить

детей и отправлять богослужение по воскресеньям и праздникам. К пастору, кистеру и учителю, а также к церкви и школе грунаусцы относятся с большим уважением и заботливостью. Ни один сельский учитель, не считая даровой квартиры с отоплением, не имеет менее 500 рублей доходов вместе с жалованьем. Сельский учитель есть в то же время и сельский писарь. Школа в Грунау, а также и в других немецких селениях, довольно удобна и поместительна; она служит также молитвенным домом и местом сельского схода. Дети (мальчики и девушки) у немцев ходят в школу с семи лет до 15-ти; на пятнадцатом году, после экзамена по религии, мальчики и девушки первый раз в жизни причащаются. Поэтому в школе главный предмет — религия (Religion), Закон Божий, который бывает в неделю до 8 раз, даже книгой для чтения является библия или евангелие. Русский язык проходится в немецких сельских школах как какой-нибудь древний язык, [древне]греческий или [древне]еврейский[27], и бывает не более трех или четырех раз в неделю. Школы у немцев всегда переполнены. В Грунау на 445 душ обоего пола приходится до 80 мальчиков и девочек, посещающих сельскую школу. Церковь в Грунау очень простой архитектуры, а по внутреннему устройству она напоминает школу: с правой и левой стороны стоят деревянные скамейки, впереди на возвышенности (на алтаре) стоит икона (немцы называют ее картиной), тут же недалеко кафедра, откуда пастор говорит проповедь, а на хорах помещен очень хороший и большой орган[28], стоящий до трех тысяч рублей. Замечательною личностью в Грунау, а также между другими немецкими селениями Грунауской волости, является пастор. Пасторы — это люди всегда с высшим образованием; они большею частью умные, деятельные и энергичные администраторы; они всегда имеют благотворное влияние на развитие своих прихожан. Одно только неприятно действует на русского: небрежное и отталкивающее обращение пасторов [в тексте рукописи ошибочно: пастора] не с немцами-лютеранами; они, кажется, не признают в русских никаких достоинств, они то являются главными виновниками в том, что их прихожане держат себя так холодно, недоверчиво со всяким русским. Пастор ревизует школы, и сельские учителя (а также учителя центрального училища — пастор есть председатель училищного совета) находятся под его управлением; от него зависит удалить или оставить учителей в том или другом селении; без совета и утверждения пастором контракта (немецкие общества заключают с учителями контракты)[29] редко какое общество наймет себе учителя. Положение самого пастора во многих отношениях может возбудить зависть. Вдали от городских тревог, пользуясь властью и весом в своем круге действия, окруженный всеми приятностями независимого существования, пастор проводит дни свои в покое, в довольстве, часто даже в изобилии. В вознаграждение за свои труды имеет более двух тысяч рублей доходов и владеет 120 десятинами земли; живет пастор не далее пятидесяти сажен от церкви, в удобном доме, построенном на счет прихода. Дом этот, с принадлежащим к нему садом, двором и строениями и составляет пасторат.

Благодаря пасторам, у грунауских жителей не замечается никаких нелепых верований и суеверий. Только накануне Иванова дня (24 июня)[30] молодые люди зажигают смоляные кадки или палки, но какое значение имеют эти огни, они сами не знают.

В Грунау находится еще так называемый «плантаж»[31], это огромный сад, занимающий двенадцать десятин земли и насаженный яблонями, грушевыми деревьями, абрикосами и разного рода простыми деревьями: тополями, березой, дубами и проч. В «плантаже» этом количество деревьев с каждым годом уменьшается, так что «плантаж» грунауский, бывший когда-то гордостью колонистов, в настоящее время находится в упадке, потому, что, имея много хозяев (он принадлежит двум волостям), не имеет никакого присмотра. «Ах, нет барона Штемпеля[32] …», часто с сожалением говорят немцы, «он мигом все привел бы в порядок». Барон Штемпель — бывший инспектор немецких колоний, живший в Грунау, в доме, занимаемом ныне центральным училищем. Имея большую власть над колонистами, инспектор этот управлял немцами весьма строго: за малейшую вину или небрежность в хозяйстве он подвергал виновных наказанию

и заставлял таковых работать или садить деревья в плантаже, от плохих хозяев даже отнимал наделы земли и отдавал другим. Напроказив в чем-то, этот господин скрылся в Швейцарию.

Музыку жители Грунау любят, редко в каком доме не найдете флейты, кларнета, гармонии или скрипки. Хотя грунаусцы не отличаются своею певучестью, но тем не менее, часто они поют как церковные гимны, так и светские песни; последние занесены из Германии и большею частью общелитературные и патриотические, написанные Арнтом[33] и Кернером[34], эти песни заучиваются уже в школе. Мелодии песен не отличаются свежестью и живостью; видно, что они не народные, а сочиненные и искусственные. При всей своей музыкальной правильности, песни грунаусцев не трогают сердце и не действуют на душу. Нет в них того, что [есть] в русских народных песнях, которые то протяжные, полные глубокой грусти, глубокого неподдельного чувства, то беззаветно веселые, живые, удалые, [так] что любо-дорого слушать их …

В Грунау молодежь иногда поет следующие две песни, сочиненные немцами уже в России, и смешанные с перековерканными русскими словами.

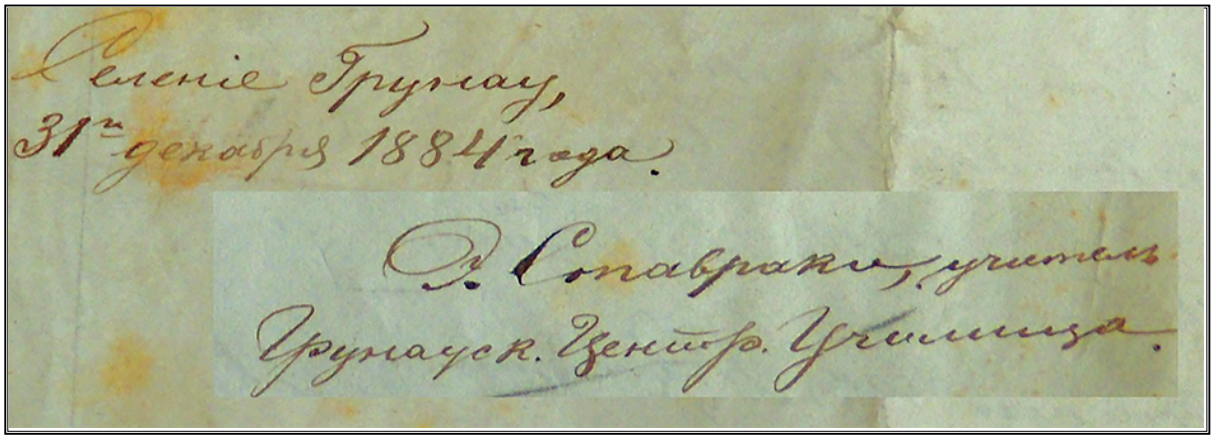

Селеніе Грунау,
31го декабря 1884 года.
Э. Ставраки, учитель
Грунауск. Центр. Училища.

Рис. 2. Фрагмент последней страницы рукописи Э.Х. Ставраки о Грунау [2, л. 8 об.]

[Далее в рукописи приведены тексты двух песен, они крайне неразборчиво написаны по-немецки. Немецкие тексты песен не приводятся].

I песня. Перевод: «В приятную зимнюю пору очень хорошо, хотя немножко холодно, но не бойся, будет тепло. Если хочешь покататься, то нужно идти на рынок, там стоят лошади и сани, которых здесь можно иметь сколько угодно. Если спросить извозчика, за сколько он повезет, ну хоть до замка (вероятно, до гостиницы) «Екатерина», то он живо отвезет туда. Тогда я сажусь в сани, и он (извозчик) живо везет меня туда, он везет меня по улицами, куда я хочу. Извозчик приезжает к назначенному дому, тут он останавливается — я ему даю из кармана на водку. Туда-сюда проходит час, и вот уже пунш готов. Разве это не очень хорошо в холодное время?»

II песня. Перевод: «В один жаркий летний день я лежал в тени. Ах ты моя, ах ты, прекрасная девушка! Издали я увидел стоящую девушку; она была замечательно хороша. Ах ты моя, ах ты, прекрасная девушка! Щеки красны, белы, как снег и нежны; волосы удивили бы всякого. Ах ты моя, ах ты, прекрасная девушка! Когда эта девушка заметила меня, тотчас поспешила назад. Ах ты моя, ах ты, прекрасная девушка! Дитя мое, дитя мое! Что ты бежишь? Кричал я ей вослед. Ах ты моя, ах ты, прекрасная девушка! — Да, мать моя говорила мне, что мужчина — дикий зверь … Ах ты моя, ах ты, прекрасная девушка!»

Селение Грунау, 31 декабря 1884 года.

Э. Ставраки, учитель Грунауского Центрального училища.

Комментарии

1. Мариупольский уезд.

Этот уезд в составе Екатеринославской губернии был создан в 1869–1872 гг. По существовавшему тогда административно-территориальному устройству уезд делился на волости, каждая из которых включала несколько сельских обществ. Во всех селениях, образующих волость, должно было числиться суммарно не менее 300 ревизских душ мужского пола; все население волости, как правило, относилось к одному церковному приходу. Самые дальние селения волости должны были находиться на расстоянии не более 12 верст от селения — волостного центра. В соответствии с действовавшим административно-полицейским делением, волости уезда распределялись по станам, во главе которых стояли становые приставы, в каждый уезде было несколько станов [169].

Во исполнение мнения Государственного Совета, утвержденного 10 февраля 1869 г. Александром II, первоначально в состав Мариупольского уезда отошли лишь земли бывшего Мариупольского греческого округа (г. Мариуполь и 24 греческих селения по берегу Азовского моря и по Кальмиусу) [170, с. 147].

Земли бывшего Азовского казачьего Войска, упраздненного 11 октября 1865 г. [327, с. 24–29], в соответствии с мнением Госсовета, утвержденным 24 марта 1869 г., были включены в Александровский уезд [170, с. 263], в состав его 3-го стана.

Мариупольский колонистский и Мариупольский менонитский округи были преобразованы по «Правилам об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: < … > Екатеринославской, Херсонской и Таврической …» от 4(16) июня 1871 г. [112, с. 813–819]. Все колонисты этих округов (кроме евреев-земледельцев) получили статус поселян-собственников, они сохранили свободу от постоя на 10 лет после издания указанных «Правил …», а также свободу от рекрутского набора, но только до издания общего закона о воинской повинности (он появился 1 января 1874 г., см. комментарий 25).

В соответствии с «Правилами …» (пункт 3«а») [112, с. 814], каждый округ должен был образовать отдельную волость. Мариупольский менонитский округ (5 колоний) стал Бергтальской волостью с центром в бывшей колонии Бергталь (Бодня, Бодни, сейчас — с. Республика). Мариупольский колонистский округ в одну волость не вписался, в нем было два крупных лютеранских прихода (Грунауский и Людвигстальский, образованный 1.05.1864 г. [146, с. 120–121]), а земли его тянулись с юга на север почти на 40 верст. Поэтому округ разделили на две волости: Грунаускую и Людвигстальскую, в последнюю вошли как лютеранские, так и несколько католических селений (подробнее о Людвигстальской волости см. комментарий 24). Все три волости, образованные из Мариупольского колонистского и Мариупольского менонитского округов, вошли в состав 4-го стана Александровского уезда.

Во исполнение мнения Госсовета «Об изменении границ Мариупольского и Александровского уездов Екатеринославской губернии», утвержденного императором Александром II 26 декабря 1872 г., в состав Мариупольского уезда был передан полностью 4-й стан Александровского уезда, а также часть территорий 2-го и 3-го станов этого уезда [171, с. 1237; 172, с. 413–415]. Таким образом, в Мариупольский уезд были включены бывшие земли Азовского Войска, Мариупольского колонистского и менонитского округов.

В середине 80-х гг. XIX в., когда Э.Х. Ставраки написал свою рукопись о Грунау, в состав Мариупольского уезда входили 26 волостей и 2 еврейских приказа, распределенных по двум станам [173, с. 40–41]:

1-й стан. Волости: Бергтальская, Бешевская, Грунауская, Игнатьевская, Каранская, Крестовская, Мало-Янисальская, Мангушская, Новоспасовская, Покровская, Сартанская, Темрюкская, Ялтинская.

2-й стан. Волости: Андреевская, Благодатовская, Богатырская, Больше–Янисальская, Времьевская, Людвигстальская, Майорская, Марьинская, Михайловская, Николаевская, Павловская, Петровская, Старо-Керменчикская. Приказы еврейские: Графский, Затишнинский.

2. В настоящее время это — г. Днепропетровск (Днепр).

Екатеринослав был основан Г.А. Потемкиным 22 мая 1787 г. на правом берегу Днепра и назван в честь императрицы Екатерины II. В правление ее сына Павла I (1796–1801 гг.) город был переименован в Новороссийск, но в 1802 г. император Александр I вернул ему прежнее имя, и город именовался Екатеринославом до 1926 г. 5 мая 1926 г. Екатеринослав был переименован в г. Днепро-Петровский в честь Г.И. Петровского, тогдашнего Председателя ВУЦИК — Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета. Решение о переименовании было утверждено постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 июля 1926 г., в нем было сказано: «…переименовать гор. Екатеринослав в гор. Днепропетровск, станцию Екатеринослав в станцию Днепропетровск …» [174, 175].

Екатеринослав был центром Екатеринославской губернии в 1802–1925 гг. В губернию входил Александровский уезд, из него был выделен в 1869–1872 гг. Мариупольский уезд, в состав которого входила колония (позднее — волостное поселение) Грунау.

3. «… в 35 [верстах] от ближайшей станции железной дороги — Волновахи».

Ветка Донецкой каменноугольной железной дороги, длиной 99 верст, от станции Еленовской (Еленовки) до Мариуполя, проходившая через ст. Волноваха, была открыта 1 ноября 1882 г., в связи с этим грунтовый почтовый тракт (дорога) между Еленовкой и Мариуполем был упразднен [181, с. 18–19]. Вторая очередь 2-й Екатерининской казенной железной дороги от Волновахи до г. Александровск (Запорожье), проходившая через станции Хлебодаровка, Зачатьевская, Розовка, Цареконстантиновка, Пологи была сдана в эксплуатацию только в августе 1904 г. [176, с. 447; 177], почти через 20 лет после появления рукописи Э.Х. Ставраки. К 1904 г. на ст. Розовка были построены железнодорожный вокзал, склады (пакгаузы), жилой дом для железнодорожников и водонапорная башня (взорвана при отступлении Красной армии осенью 1941 г., не восстанавливалась). В 1900–1904 гг. у железнодорожного вокзала началось формирование пристанционного пос. Розовка (см. рис. 9).

Таким образом, в декабре 1884 г. ближайшей к Грунау станцией железной дороги действительно была ст. Волноваха, станция Розовка в двух верстах от с. Александроневское (Грунау) появилась только в 1904 г. Поездка лошадями за 35–40 верст из Грунау к поезду в Волноваху была непростым и достаточно дорогостоящим делом, а в ненастную дождливую погоду она еще более усложнялась. Жена пастора Иоганна Клюдт вспоминала, что и поездки по приходу в окрестностях Грунау в сырую, дождливую погоду или в половодье, несмотря на уже появившиеся участки шоссе, связывавшие отдельные колонии, были тяжелым делом: плодородные черноземы, размокая, превращались в липкую невылазную грязь [141, с. 61–63].

4. «… причислены 12 немецких лютеранских селений, 3 немецко-католических и одно греческое селение, ближайшее из немецких селений (Кронсдорф) …».

По состоянию на 1886 г. к Грунауской волости были причислены следующие селения [173, с. 30] (в скобках указаны номер колонии, год основания, национальная и конфессиональная принадлежность, современное название):

Грунау, волость (№ 6, 1823, немцы, лютер., вошло в состав пос. Розовка);
Кронсдорф (№ 5, 1823, немцы, лютер., вошло в состав пос. Розовка);
Розенберг (№ 7, 1823, немцы, лютер., вошло в состав пос. Розовка);
Рундевизе (№ 21, 1832, немцы, лютер., сейчас — с. Луганское);
Кляйн Вердер (№ 23, 1832, немцы, катол., сейчас — с. Первомайское);
Тигенгоф (№ 2, 1823, немцы, лютер., сейчас — с. Азов);

Киршвальд (№ 1, 1823, немцы, лютер., сейчас — с. Вишневатое);
Виккерау (№ 8, 1823, немцы, лютер., сейчас — с. Кузнецовка);
Шенбаум (№ 4, 1823, немцы, лютер., сейчас — с. Листвянка);
Кальчиновка (№ 22, 1832, немцы, лютер., сейчас — с. Кальчиновка);
Ней Ямбург (№ 27, 1848, немцы, катол., сейчас — с. Новокрасновка);
Беловеж (№ 20, 1832, немцы, лютер., сейчас — с. Беловеж);
Рейхенберг (№ 9, 1823, немцы, лютер., сейчас — с. Богатовка);
Грос Вердер (№ 24, 1832, немцы, катол., позднее — с. Мариновка, сейчас — не существует);
Розенгарт (№ 3, 1823, немцы, лютер., позднее — с. Райгород, вошло в состав с. Листвянка);
Новокерменчик (Дерт-Оба, Дордоба, 1811–1816, греки, православн., сейчас — с. Новомлиновка).

Фрагмент карты Мариупольского уезда (Грунау и близлежащие селения) второй половины XIX в. представлен на рис. 3.

Старейшее селение волости — Новокерменчик, оно было основано греками-выходцами из с. Керменчик (сейчас — с. Старомлиновка Великоновоселковского района Донецкой области) между 1811 и 1816 гг. Первые сведения о Новокерменчике содержатся в материалах VII ревизии (1816 г.), в документах предыдущей VI ревизии (1811 г.) это село не упоминается [179, с. 3]. По мнению С.А. Калоерова, село Новый Керменчик было основано весной 1811 г. VI ревизия прошла в феврале 1811 г., в материалах VII ревизии (1816 г.) указаны жители Нового Керменчика, умершие в этом селе уже в 1811 г. Переселение на новое место всегда проводилось весной, чтобы до следующей зимы жители успели обустроиться в новом селе. Из этих соображений и делается вывод о заселении Нового Керменчика весной 1811 г. [180, с. 144–145]. Немецкие колонии №№ 20–24 (Беловеж, Рундевизе, Кальчиновка, Кляйн Вердер, Грос Вердер) основаны выходцами из одноименных Беловежских колоний Борзненского уезда Черниговской губернии, переселенными в соответствии с Положением комитета министров «О переселении 124 семейств Черниговских колонистов в Екатеринославскую губернию», утвержденным 2 июня 1831 г. императором Николаем I [182, с. 421]. Колония Ней Ямбург (№ 27) основана в 1848 г. немцами, выходцами из Ямбургского сельского общества, существовавшего с 1765 г. в Ямбургском уезде С. Петербургской губернии [107, приложение II, с. 21, 33].

Ко времени основания первых колоний Мариупольского округа (май 1823 г.) кроме упомянутого Нового Керменчика по соседству уже существовали населенные русскими и малороссами селения (в скобках указан год основания): Темрюк (1807), Белоцерковка и Благовещенка (конец XVIII в.), Цареконстантиновка (первоначально — Каменка, 1782), Гайчур (первоначально — Гайчул, 1808), а также греческое село Малая Янисоль (1779).

Немецкие селения волости Грунау (Александроневской) в конце XIX в. получили русские названия. Эта волна переименований (увы, далеко не последняя), прокатилась по всем колониям юга России, поводом послужило обращение меннонитов колонии Шенеберг (Хортицкий округ) 3 марта 1893 г. к российскому правительству с просьбой о даровании колонии русского наименования [183, с. 166]. По сообщениям современников, эта мера была поддержана населением многих немецких колоний в Екатеринославской губернии, особенно после переименования г. Дерпт (сейчас — Тарту, Эстония) в 1893 г. в Юрьев. Таким образом колонисты хотели показать свою преданность России и ее правящей династии: «Мы, немцы-колонисты, повергаем к стопам Вашего Величества свои верно-подданнические чувства; мы считаем Россию своим отечеством …» [184, с. 206–207]. По сообщению С.А. Калоерова, Грунауская волость была переименована в Александроневскую в 1894 г. [96, с. 464]. Переименование немецких колоний бывшего Мариупольского округа в конце XIX в. носило действительно массовый характер, в этом легко убедиться, сравнив карту окрестностей Грунау середины XIX в. (рис. 3) и карту той же местности на 1916 г. (рис. 4).

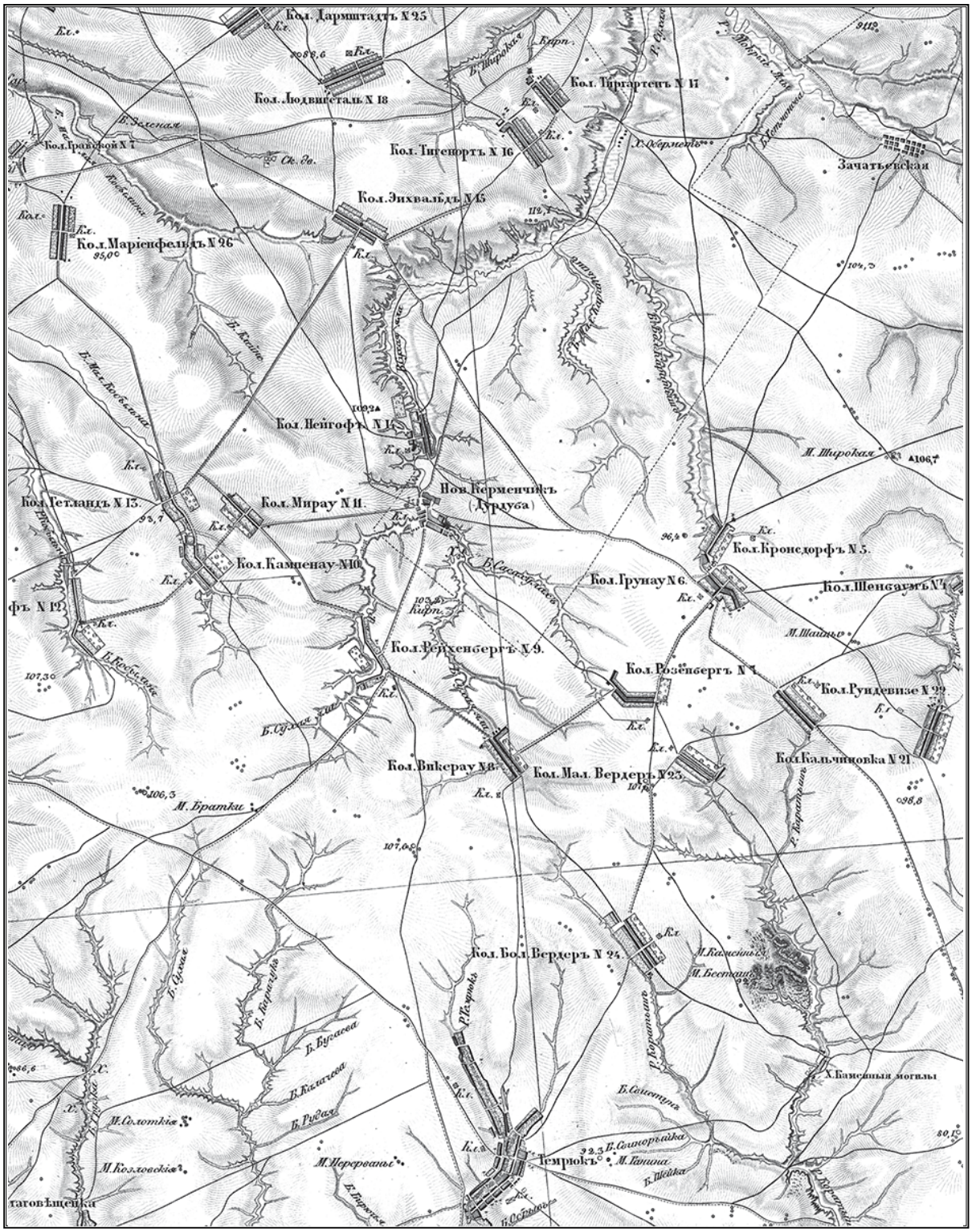
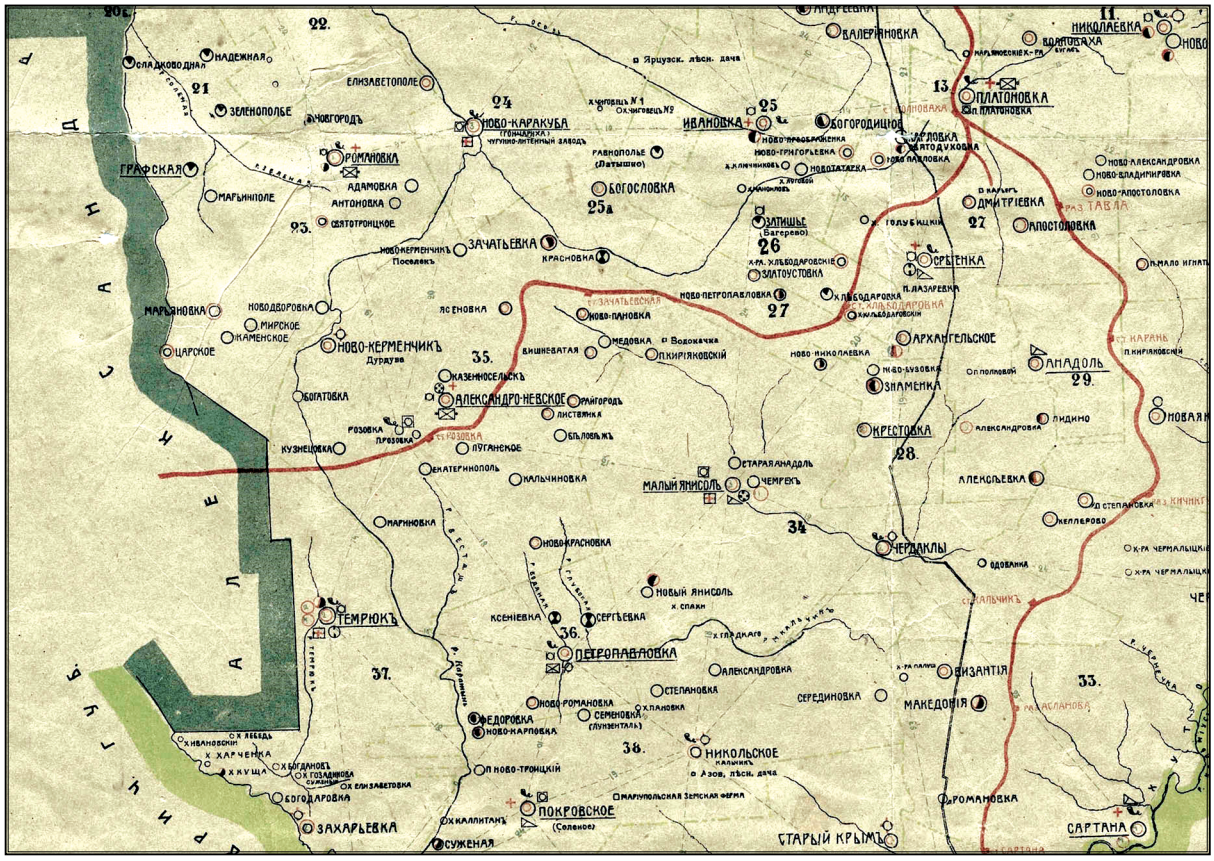


Рис. 3. Колония Грунау (№ 6) и близлежащие селения на карте Мариупольского уезда (вторая половина XIX в.). Фрагмент карты-трехверстовки (из карт Ф.Ф. Шуберта), ряд XXVIII, лист 15 [178]

В частности, в 1894 г. были переименованы: колония Грунау — в Александроневское; колония Кронсдорф — в Казенносельское; колония Розенберг — в Розовку; колония Рундевизе — в Луганское; колония Кляйн (Малый) Вердер — в Екатеринополь.

Важную роль в присвоении русских названий бывшим немецким колониям в Грунауской и Людвигстальской волостях сыграл в 1894 г. недавно назначенный земский начальник 3-го участка Мариупольского уезда М.В. фон Гельмерсен. Он организовал сбор подписей немцев-колонистов под прошениями сельских общин к екатеринославскому губернатору о переименовании их селений, под административным давлением необходимое количество подписей было собрано и переименования состоялись [141, с. 70].

В августе 1904 г. ввели в эксплуатацию вторую очередь 2-й Екатерининской железной дороги, в полуверсте к востоку от бывшей колонии Розенберг появилась станция Розовка, где были построены железнодорожный вокзал, склады (пакгаузы), жилой дом для железнодорожников и водонапорная башня. Вокруг станции в 1900–1904 гг. началось формирование пристанционного поселка Розовка, который уже не имел никакого отношения к бывшей колонии Розенберг, это был новый населенный пункт, расположенный в двух верстах от Александроневского и в полуверсте от села Розовка.


ГРАФСКАЯ
ЕЛИЗАВЕТОПОЛЕ
ИВАНОВКА
БОГОРОДИЦКОЕ
ПЛАТОНОВКА
НИКОЛАЕВКА
ДМИТРІЕВКА
АПОСТОЛОВКА
СРЕЗЕНКА
АРХАНГЕЛЬСКОЕ
ЛАПАДОЛЬ
ЗНАМЕНКА
КРЕСТОВКА
АЛЕКСЬЕВКА
ЧЕРДАКЛЫ
МАЛЫЙ ЯНИСОЛЬ
ПЕТРОПАВЛОВКА
НИКОЛЬСКОЕ
ПОКРОВСКОЕ
ТЕМРЮКЪ
ЗАХАРЬЕВКА
СТАРЫЙ КРЫМЪ
САРТАНА
РОМАНОВКА
МАКЕДОНІЯ
ВИЗАНТІЯ
СЕРЕДИНОВКА
АЛЕКСАНДРОВКА
СТЕПАНОВКА
НОВО-КАРАКУБА
ЗАЧАТЬЕВКА
КРАСНОВКА
БОГОСЛОВКА
АДАМОВКА
АНТОНОВКА
МАРЬИНПОЛЕ
МАРЬЯНОВКА
НОВОДБОРОВКА
МИРСКОЕ
КАМЕНСКОЕ
ЦАРСКОЕ
НОВО-КЕРМЕНЧИКЪ
БОГАТОВКА
КАЗЕННОСЕЛЬСКЪ
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ
РОЗОВКА
КУЗНЕЦОВКА
ЛУГАНСКОЕ
ЕКАТЕРИНОПОЛЬ
КАЛЧИНОВКА
МАРИНОВКА
НОВО-КРАСНОВКА
НОВЫЙ ЯНИСОЛЬ
СЕРГѢЕВКА
КСЕНІЕВКА
НОВО-РОМАНОВКА
СЕМЕНОВКА
ЕДОРОВКА
НОВО-КАРЛОВКА
ЗАПЛЕСЬЕ
ЗЛАТОУСТОВКА
НОВО-ПЕТРОПАВЛОВКА
НОВО-ПАНОВКА
МЕДОВКА
ВИШНЕВАТАЯ
ПКИРІЯКОВСКІЙ
ЛИСТВЯНКА
БЕЛОВЕЛЬЖЪ
СТАРАЯ АНАДОЛЬ
ЧЕМРЕКЪ
ЛИДИНО
КЕЛЛЕРОВО
ОДОВАНКА
ЛИСЕЛЬЧИКЪ
ЗАПОРОЖСКІЙ
ЗАПОРОЖСКАЯ
ХЛЕБОДАРОВКА
ХЛЕБОДАРОВСКІЙ
ХЛЕБОДАРОВСКІЕ
ЗЛАТОУСТОВКА
ГОЛУБИЦКІЙ
ПЕТРОПАВЛОВКА
ЕЛИЗАВЕТОВКА
ЗАХАРЬЕВКА
СУЖЕНАЯ
ХАРЧЕНКА
ИВАНОВСКІЙ
БОГОДАРОВКА
ЕЛИЗАВЕТОВКА
ПОКРОВСКОЕ
(Селеное)
МАРІУПОЛЬСКАЯ ЗЕМСКАЯ ФЕРМА
ПОЛОВКА
ЛАЗАРЕВКА
ЛИДИНО
ОДОВАНКА
ЧЕРМАЛЫЦКІЙ
ЗАПОРОЖСКІЙ
ЗАПОРОЖСКАЯ
ЗАЧАТЬЕВСКАЯ
ТАВЛА
КАРАНЬ
КИЧКИНЪ
ТЕМРЮКЪ
ЕЛИЗАВЕТОВКА
ЛАСЛАНОВА
ЛАСЛАНОВА
ЛАСЛАНОВ

Указом Президиума Верховного совета УССР от 21 мая 1945 г. с. Люксембургское было переименовано в с. Светловка, но всего через год, в соответствии с новым Указом Президиума ВС УССР от 27 июня 1946 г., село Светловка было объединено с пристанционным поселком Розовка в единый населенный пункт — поселок городского типа Розовка, ставший районным центром [187, с. 12–13].

Таким образом, из бывших немецких колоний Мариупольского округа Грунау пережила больше всего переименований (Грунау — Александроневское — Люксембургское — Светловка — Розовка), а сохранили к настоящему времени свои первоначальные названия лишь села Беловеж и Кальчиновка.

5. «Грунаусцы переселились в Россию в 1823 году в числе 27 семейств (всего 95 душ) и получили от правительства по 60 десятин на семейство …».

Следует отметить, что в работах К. Штумппа (Karl Stumpp) [188, с. 9; 189, с. 876] и во многих более поздних публикациях других авторов указывается, что Грунау основали 29 семей переселенцев из Восточной Пруссии. Устранить это противоречие помогает обращение к одному из самых ранних источников по истории поселений Мариупольского округа, к сообщениям немецких общин об основании и развитии их колоний, которые были направлены весной 1848 г. в Одессу, в Попечительный комитет, во исполнение циркулярного письма председателя комитета Е.Ф. фон Гана от 8 января 1848 г. [190, с. 85]. В сообщении колонии Грунау [183, с. 174–176], подписанном ее шульцем Кошке, безитцерами Кохом, Штахом и школьным учителем Р. Омом, говорится, что основателей действительно было 29 семейств, но статус сельских хозяев и наделы по 60 десятин получили только 27 семей, 2 семьи состояли из пожилых нетрудоспособных людей и земельных наделов установленного размера для ведения сельского хозяйства им не выделили. Эти 2 семьи получили в общине лишь статус «соседей» (Anwohner) и участки под дом и сад. Напомним, что кроме земельного надела в 60 десятин, каждой семье общины выделялся земельный участок для дома и сада размерами от 64 х 170 м до 64 х 250 м [191, с. 36]. Достоверность этой информации подтверждается размером сельхозугодий колонии Грунау: 1620 десятин (27 х 60 = 1620) [107, приложение II, с. 32].

Правила наследования в немецких колониях юга России не предусматривали раздела отцовского хозяйства между семьями взрослых женатых сыновей, поэтому в каждой колонии росло количество семейств, не имеющих земельных наделов. В Грунау в 1830 г. (через 7 лет после заселения) таких безземельных семейств было уже 13 (23 мужских души). Из-за отсутствия земли очень мало у этих семейств было и скота (в основном, свиньи и овцы), мужчины занимались разными ремеслами: в Грунау на 1830 г. было 3 ткача, 1 плотник, 1 портной, 3 сапожника и 1 мясник. Жизнь ремесленников была очень непростой, за год до этого смотритель (комиссар) в своем рапорте за 1829 г. вынужден был признать, что из 129 ремесленников в Мариупольском округе доходы имели только 32, остальные вели натуральное хозяйство, обменивая свои изделия и услуги на продовольствие для семьи и корм для скота. Периодические наделения землей безземельных семей, проводившиеся за счет «излишних земель» (в 1830 г. земельные излишки в округе составляли 17904 десятины) уменьшали остроту проблемы, но решить ее не могли [192, л. 201 об.; 193, л. 21, 22 об., 32].

В 1857 г., почти через 35 лет после основания Грунау, сельско-хозяйственные наделы по 60 десятин сохранились у тех же 27 семей (всего — 97 ревизских душ мужского пола), а вот число безземельных семейств выросло до 15 (156 ревизских душ мужского пола) [107, приложение II, с. 32].

6. «Относительно Грунау, впрочем, старожилы этого села не помнят, чтобы в Пруссии носило какое-нибудь село такое название».

Здесь Э.Х. Ставраки ошибается, возможно, его ввели в заблуждение местные жители. Селение Грунау в Пруссии было, причем оно располагалось близ городов Эльбинг и Данциг,

из окрестностей которых как раз и вышли немцы, основавшие колонию Грунау в Мариупольском округе. Судя по «Малой карте свободного города Данциг», селение Грунау находилось в 14 километрах к юго-западу от г. Эльбинг, южнее железной дороги между городами Эльбинг и Мариенбург [194, с. 48]. После Второй мировой войны эта местность вошла в состав Польши, населенные пункты были переименованы: Данциг — в Гданск; Мариенбург — в Мальборк; Эльбинг — в Эльблонг; Грунау — в Гроново-Эльблонске (Gronowo Elbląskie). В настоящее время поселок Гроново-Эльблонске (около 1600 жителей) — центр сельской гмины (волости) Гроново-Эльблонске в составе Эльблонгского повята (уезда, района) Варминьско-Мазурского воеводства [195].

В сообщении колонии Грунау Попечительному комитету, направленном весной 1848 г. за подписью шульца Кошке, безитцеров Коха, Штаха и школьного учителя Р. Ома, указано, что колония названа по одноименному селению Грунау в Восточной Пруссии, где жили переселенцы ранее [183, с. 176].

Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что селение Грунау, как и большинство других немецких колоний в Мариупольском округе, получило свое название от одноименного селения близ Эльбинга в Пруссии, где будущие колонисты жили до переселения в Россию.

7. «… русское правительство уже при Екатерине II, а потом и при других царях, желая заселить пустые степи хорошими земледельцами и людьми, приобретшими навык к возделыванию растений, а также сведущих в скотоводстве и овцеводстве, приглашало немцев в Россию …».

Попытки коллективного переселения иностранцев в Россию предпринимались задолго Екатерины II, но они остались, в основном, «на бумаге» и практических результатов не дали. В годы совместного правления Петра I и Ивана V была издана 21 января 1689 г. грамота, разрешающая переселение в Россию французским лютеранам (гугенотам), покидавшим Францию из-за отмены Нантского эдикта [196, с. 427]. При Елизавете I полковник Г. де ла Фонт, француз на русской службе, 8 июня 1752 г. подал канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину проект привлечения к переселению на юг России своих соотечественников, французских протестантов, гонимых на родине за веру. Несмотря на одобрение канцлера и деятельное участие Коллегии иностранных дел, императрица в 1754 г. передала этот вопрос на рассмотрение Сената, где он и застрял навсегда [106, с. 30–41].

Фактически массовое переселение иностранцев (прежде всего, немцев) действительно началось при Екатерине II, после опубликования 22 июля 1763 г. известного Манифеста «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах» [197, с. 313–319]. Манифест предоставлял будущим колонистам льготы и гарантии, а для решения практических вопросов по переселению и организации иностранных колоний изданным тогда же указом был создан специальный орган — Канцелярия опекунства иностранных колонистов [197, с. 312–313]. К концу XVIII в. стало ясно, что немецкие колонии во многом не оправдывают возлагавшихся на них первоначально надежд. Среди переселившихся иностранцев много оказалось плохих хозяев: бедных, малосведущих в сельском хозяйстве, а то и вовсе не желающих работать на земле, откровенных и порочных авантюристов, привлеченных в Россию правительственными денежными ссудами и льготами [198, с. 50]. Об этом говорил в 1804 г. министр внутренних дел князь В.П. Кочубей в своем докладе Александру I [199, с. 224–225], писали об этом ранее и сами немецкие переселенцы, поэма офицера-колониста Платена, опубликованная А. Клаусом [107, приложение I, с. 1–9], в этом смысле очень красноречива.

Доклад В.П. Кочубея «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» [200, с. 137–140] был утвержден императором 20 февраля 1804 г., отныне поселять в Новороссии

можно было только тех иностранцев, которые «… для тамошнего края могут быть полезны, как-то: хорошие земледельцы и люди, приобретшие довольный навык в возделывании винограда, в разведении шелковичных деревьев < … >, також искусные в скотоводстве, а наипаче в содержании и размножении лучших пород овец …». Требовались также «мастеровые сельские»: портные, сапожники, плотники, кузнецы, горшечники, медники, ткачи и каменщики [200, с. 137–138]. Принятые правила весьма благотворно сказались на Мелитопольских и Мариупольских колониях.

Указом императора Александра I министру внутренних дел 25 февраля 1810 г. денежные компенсации и ссуды колонистам при их переселении были существенно урезаны, а по некоторым позициям — упразднены совершенно [201, с. 68–69].

Положением Комитета Министров «О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев» от 5 августа 1819 г. [202, с. 325] массовое переселение иностранцев было прекращено, но частные переселения какое-то время продолжались, в 1822 г. «… 500 семей прусских колонистов водворены в Екатеринославской губернии на землях Мариупольского греческого округа» [196, с. 450].

Земли эти действительно были выделены для поселения греков в соответствии с «Жалованной грамотой христианам греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение» от 21 мая 1779 г. [203, с. 349–352]. Земля была дана грекам Екатериной II с очень большим запасом, в надежде, что вся она будет заселена за счет увеличения местного греческого населения и переселения греков из Османской империи. Прошло 30 лет, но часть выделенных земель греки так и не заселили, а использовали, в основном, для выпаса овец. 7 марта 1808 г. таганрогский градоначальник барон Б.Б. Кампенгаузен обратился к министру внутренних дел с предложением об изъятии у мариупольских греков излишних незаселенных земель. Министр согласился с ним, но грекам, по указу императора Александра I министру внутренних дел от 9 июня 1808 г., дали еще 3 года для заселения земель, после чего излишки подлежали изъятию для поселения других колоний [180, с. 106–108]. За три года заселение пустошей заметно не продвинулось, вероятно, одной из попыток заселения пустующих земель было основание греками с. Новый Керменчик весной 1811 г. (см. комментарий 4). В 1811–1816 гг. мариупольские греки неоднократно обращались в правительственные инстанции и к влиятельным представителям диаспоры в С. Петербурге, чтобы сохранить за собой пустующие земли, но безуспешно. Окончательно вопрос был решен 18 мая 1817 г. высочайшим повелением Александра I, объявленным Комитету министров графом Аракчеевым: оставить грекам по 30 десятин земли на душу и городской выгон в 12000 десятин, 6000 десятин по берегу выделить для рыболовства. Остальные земли изъять под заселение другими колонистами [180, с. 174–181].

Первоначально планировали поселить на изъятых землях колонии израильских христиан (евреев, принявших христианскую веру), им даже отмежевали в 1821 г. 26000 десятин земли, но это поселение так и не состоялось [204, с. 56–58]. В 1821 г. прусским колонистам, будущим основателям селений Мариупольского колонистского округа, которые тогда были расквартированы в колониях на р. Молочной и не имели своих хозяйств, предложили для заселения землю в Мелитопольском уезде Таврической губернии. После осмотра местности выяснилось, что там очень плохо с водой и мало сенокосов, что категорически не устраивало колонистов. В августе 1822 г. Александр I повелел выделить для их поселения 30000 десятин земли в Мариупольском уезде, за счет изъятых ранее у греков пустошей [180, с. 189–196].

В начале октября 1822 г. для выделения земли под будущие колонии в Мариуполь прибыл из Екатеринослава вице-губернатор П. Языков с уездными землемерами, 3 ноября отмежевание на местности было завершено, дальнейшая камеральная обработка и завершение специального плана шли уже в Екатеринославе [180, с. 196–198]. Представлявший Екатеринославскую контору иностранных поселенцев ее младший член Бабиевский и два депутата от колонистов

остались довольны выделенной для поселения землей, всего им отмежевали 29913 десятин 405 сажен, из них удобной земли — 29680 десятин 1905 сажен, неудобной — 232 десятин 900 сажен [180, с. 198–199]. Такова, вкратце, история выделения земельных участков под будущие колонии Мариупольского округа.

Таким образом, описываемые Э.Х. Ставраки хозяйственный расцвет и благополучие немецких колоний Мариупольского округа в середине 80-х гг. XIX в. были достигнуты далеко не сразу и обошлись Российской империи совсем недешево.

8. «… и в тоже время влияли цивилизирующим образом на соседних русских и греческих поселян. Судя по отношению жителей Грунау к русским, немцам плохо удалось исполнить свою миссию».

Под «цивилизирующим влиянием» в данном случае понималось усвоение местными жителями-соседями колонистов (русскими, греками, а позднее — и земледельцами-евреями) передовых методов ведения сельского хозяйства (рационального севооборота, новых видов и сортов растений, пород скота, приемов обработки почвы и т.д.). Александр II в своем «Наказе Министерству государственных имуществ» 30 марта 1855 г. так сжато сформулировал эту цель создания иностранных колоний: «… прилагать особое попечение о том, чтобы достигнута была первоначальная цель водворения иностранных поселенцев в Империи, т.е. чтобы коренные русские могли у них заимствовать способы лучшей обработки земли, разведения скота и вообще лучшие правила хозяйства» [205, с. 109]. Желательным считалось и заимствование некоторых черт быта и культурно-нравственных норм (кирпичного домостроения, благоустройства улиц и дворов, посадки плодовых и декоративных деревьев, устройства цветников, культа трудолюбия, аккуратности, нетерпимости к лени и пьянству).

О неудачах с «цивилизирующим влиянием» колонистов на местных жителей в первой половине XIX в. современники писали неоднократно [199, с. 229; 206, с. 39–41]. В 1860 г. редактор «Журнала министерства внутренних дел» Н. Варадинов констатировал: «До настоящего времени иностранные выходцы, в большей части колоний, не достигли того благосостояния, какого должно было ожидать при отводе им лучших земель, при многочисленных льготах, ссудах и безвозвратных пособиях, и, как прежде, так и теперь, не оказывают никакого влияния на окружающих их русских поселян …» [206, с. 39–40]. А вот как видел положение дел в 1877 г. С.Д. Турбин: «… русские поселяне, живя по сотне лет в ближайшем соседстве с колонистами, нигде не принимали и не принимают улучшенных немецких способов в земледелии и уходе за домашними животными» [207, с. 106].

Так что Э.Х. Ставраки, также весьма скептически оценивший в 1884 г. успехи «цивилизирующей миссии» немцев-колонистов Мариупольского округа, был тогда, по-видимому, очень недалек от истины. Причины такого положения дел для современников секрета не составляли: главными были известная «замкнутость» немецких колоний, обусловленная незнанием большинством колонистов русского языка и их иноконфессиональностью, а также несопоставимость материального положения колонистов с живущими в соседних селениях малороссийскими крестьянами, греками и евреями-земледельцами. Даже признавая все преимущества четырехпольного севооборота у немцев, они не могли, в подавляющем большинстве, применить этот замечательный агротехнический прием на своих гораздо меньших земельных наделах.

В предисловии к своей известной работе «Наши колонии» (1869 г.) А. Клаус справедливо настаивает на том, что реальное «цивилизирующее» влияние немецких колоний в России началось совсем недавно: «По нашему мнению, если признать за нашими колониями культурно-образовательную миссию, в смысле практически приложимых у нас результатов, то эта миссия наступила только недавно» [107, с. VII].

Частичное преодоление замкнутости немецких колониальных общин началось в Мариупольском уезде лишь в последней четверти XIX в. благодаря проникновению в их

среду русского языка через школу, военную службу, деловое и личное общение колонистов (к тому времени ставших обычными поселянами-собственниками) с ненемецким окружающим населением. Религиозный барьер, отделявший немцев (лютеран, католиков и меннонитов) от православного окружения, был если и не устранен совершенно, то заметно нивелирован воинствующим атеизмом после революции и гражданской войны, в годы новой экономической политики и коллективизации.

В последней четверти XIX в. усиливается и «цивилизирующее влияние» немецких поселенцев на местное население, которое продолжалось с той или иной интенсивностью до Великой Отечественной войны, когда подавляющее большинство немцев из бывших селений Мариупольского округа, в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны № 702–сс от 22 сентября 1941 г., было депортировано в восточные районы страны. Немцы, остававшиеся в оккупированных районах, подписавшие «фолькслисты» и получившие статус «фольксдойче», ушли с отступающим вермахтом в начале сентября 1943 г. Так завершился почти 120-летний (1823–1943 гг.) период пребывания немцев в наших местах.

Что же полезного позаимствовали местные жители у немецких колонистов?

Прежде всего, такие полезные сельскохозяйственные культуры, как картофель и кукуруза. В России неоднократно (в 1765, 1797, 1842 гг.) на самом высоком уровне предпринимались попытки ввести повсеместное выращивание картофеля, который мог спасти население от голода в случае неурожая традиционных зерновых культур. В первой половине XIX в. в прибалтийских губерниях и Царстве Польском картофель уже выращивали, но его обязательная посадка (в соответствии с Высочайшим указом «О мерах по распространению посевов картофеля» 16 февраля 1842 г. [208, с. 93]) в других губерниях вызвала массовое недовольство и даже неповиновение казенных (государственных) крестьян. По воспоминаниям тогдашнего саратовского губернатора А.М. Фадеева [209, с. 35], весной 1842 г. «упорствующие враги картофеля» в некоторых уездах губернии были наказаны розгами, хотя под рукой у губернатора тогда была и воинская команда с артиллерией, чтобы привести крестьян к повиновению.

В Екатеринославской и Таврической губерниях столь «весомые» аргументы не потребовались: русских, греков, евреев и даже ногайцев убеждал наглядный пример их соседей, немецких колонистов, сажавших картофель и охотно употреблявших его в пищу. Посадки картофеля во всех 17 селениях Мариупольского колонистского округа проводились с самого их основания. В 1827 г. его было посажено: в Грунау — 19 четвертей и 2 четверика; в Кронсдорфе — 10 четвертей и 5 четвериков; в Розенберге — 18 четвертей и 1 четверик (четверть составляла по объему около 210 литров, четверик — 26,2 литра). Собрали тогда всего по округу 274 четверти и 5 четвериков картофеля [210, л. 19].

Особенно много сделал здесь для распространения картофеля меннонит И. Корнис [211, с. 40]. Посадки картофеля в южных губерниях постепенно увеличивались, но к 1850 г., как честно констатировал «Журнал министерства государственных имуществ», «… картофель здесь еще не вошел во всеобщее употребление …» [212, с. 71].

Кукурузу немецкие колонисты первоначально сеяли в очень небольших количествах, ее широкое распространение относится к началу 60-х гг. XIX в., когда в молочанских колониях останавливались «на постой» хорошо знакомые с этой культурой болгары, переселявшиеся тогда в Бердянский уезд [213, с. 179]. Из немецких колоний кукуруза распространилась в хозяйства всех этнических групп в Таврической и Екатеринославской губерниях.

В начале 60-х гг. XIX в. картофель и кукуруза лишь упоминаются среди выращиваемых в Екатеринославской губернии растений [214, с. 89], но к началу XX в. они уже относятся в Мариупольском уезде к самым обычным и широко распространенным культурам, земская статистика обязательно приводит сведения об их урожайности наряду с традиционными зерновыми культурами [215, с. 46–47].

В первой трети XIX в. в колониях меннонитов на р. Молочной (Таврическая губерния) была выведена молочная порода крупного рогатого скота, первоначально называемая молочанской, немецкой красной или датской (сейчас она именуется украинской красной степной породой). Коровы этой породы быстро распространились сначала во всех немецких колониях, а затем — по всем крестьянским хозяйствам Таврической и Екатеринославской губерний [213, с. 167, 172; 216, с. 180–181].

Широко известно заимствование у немецких колонистов крестьянами юга России сельскохозяйственного инвентаря. После Крымской войны (1853–1856 гг.) в южных губерниях распространились брички, фургоны и мажары, изготавливаемые в немецких колониях с 30–40-х гг. XIX в. В Таврической и Екатеринославской губерниях крестьяне стали применять буккер (частично заменивший плуг), буккерную сеялку и жнейку, заимствованные у немецких колонистов [213, с. 6, 168, 292]. Такой набор инвентаря использовался крестьянами на юге Украины и после организации колхозов и машинно-тракторных станций (МТС) в 30-е гг. XX в., покончила с ним лишь широкая механизация сельского хозяйства в 50–60 гг.

Недостаток воды в степях Северного Приазовья заставлял немецких колонистов копать глубокие колодцы, это решало проблему питьевой воды, но для нужд сельского хозяйства (полить огороды, напоить скот, содержать гусей и уток) ее требовалось куда больше, чем могли дать колодцы. Решением проблемы стало сооружение в балках плотин (гребель, загат), позволяющих накопить и задержать воду в дожди и половодье в искусственных прудах (ставках). Первая подобная «загата» была построена меннонитами Молочанского округа в 1835 г., по их примеру пруды при колониях появились и в Мариупольском округе [216, с. 179]. «Журнал министерства государственных имуществ» в середине XIX в. неоднократно писал о тех выгодах и преимуществах, которые дают пруды в сухих степях южных губерний [217, с. 82; 218, с. 35–40], с тех пор ставки стали там неотъемлемой частью степного пейзажа. В окрестностях поселка Розовка многие ставки до настоящего времени носят непонятные, на первый взгляд, неофициальные «номерные» названия: пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый и т.д. Эти названия говорят о бывшей принадлежности водоемов определенным немецким колониям, которые имели соответствующие номера (Кронсдорф — № 5, Грунау — № 6, Розенберг — № 7, см. комментарий 4).

Роль немецких колонистов в посадке плодовых, декоративных деревьев и кустарников в Северном Приазовье общеизвестна. Общественный сад колонии Грунау («плантаж») обеспечивал саженцами почти весь Мариупольский уезд (см. комментарий 31). Такие обычные сейчас на бывших землях немецких колоний деревья, как шелковица и белая акация, были впервые высажены здесь колонистами, они же ввели в практику в наших местах использование желтой акации, хорошо знакомого нам сегодня декоративного кустарника, в качестве живой изгороди.

9. «В настоящее время к Грунау причисляется 477 душ мужского пола и 523 души женского пола …».

По официальным результатам обследования, проведенного статистическими органами министерства внутренних дел [173, с. 30], в 1886 г. в Грунау всего было 848 жителей, 58 дворов, 3 лавки, постоялый двор, в 2-х «ренсковых погребах» продавалось «на вынос» спиртное, в селении ежегодно проводилось 3 ярмарки. Существенным недостатком описания колонии Грунау в рукописи Э.Х. Ставраки является практически полное отсутствие (кроме общих фраз) сведений о планировке Грунау и ближайших немецких колоний, о направлении улиц, расположении церкви, школ, торговых лавок. Подробно описывая повседневную жизнь колонии, он не приводит в весьма пространном тексте рукописи ни одной конкретной фамилии ее жителей, ни немцев-колонистов, ни русских, ни греков или евреев. В этом комментарии сделана попытка, хотя-бы частично восполнить эти пробелы из других источников.

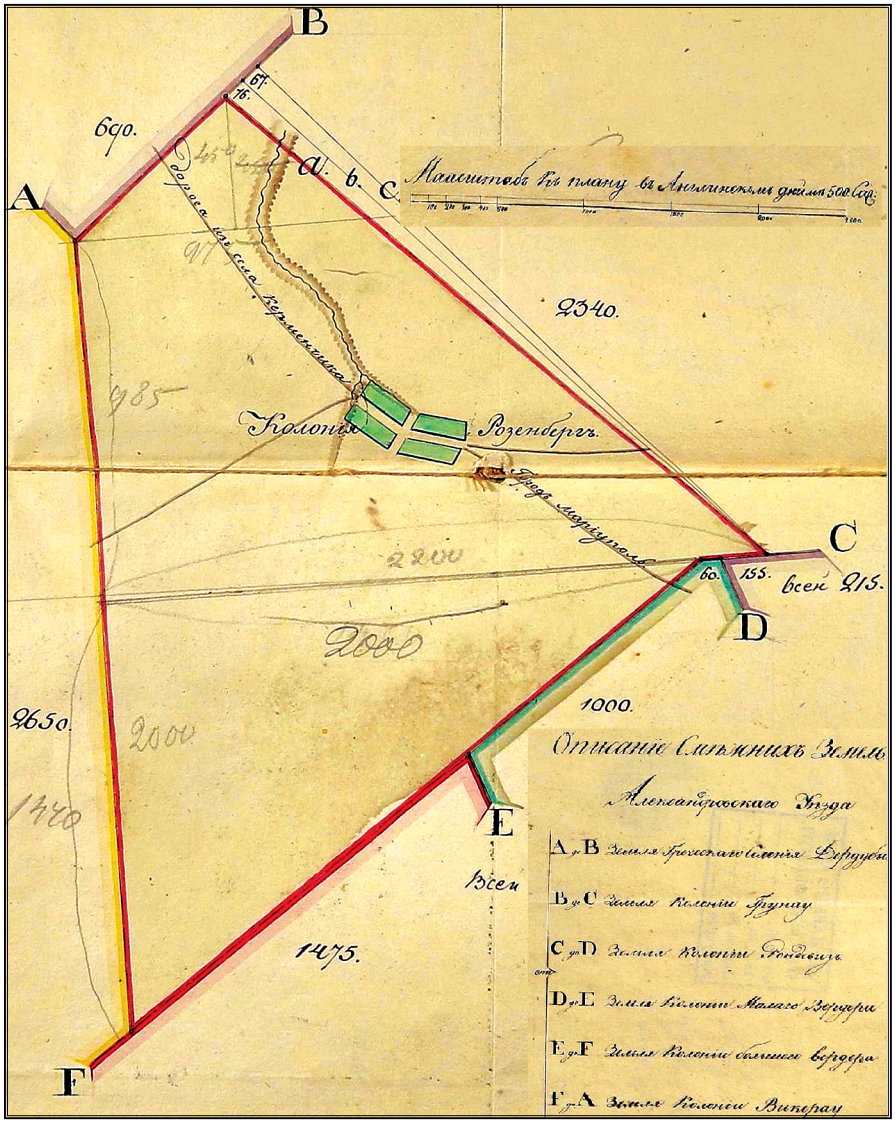


Рис. 5. План колонии Розенберг и ее земельного надела (фрагмент), составленный в 1836 г. землемером коллежским секретарем М. Белокрысовым [219, л. 5].

В Одесском архиве хранится план колонии Розенберг и относящегося к ней земельного надела (см. рис. 5), составленный в 1836 г. землемером коллежским секретарем Матвеем Белокрысовым по частной просьбе розенбергских колонистов. Они всегда сомневались в справедливости межевания их дачи (участка) с землей колонии Грунау (в чужих руках кусок хлеба всегда кажется больше!) и в августе 1836 г. попросили, ссылаясь на план М. Белокрысова, увеличить их надел на 70 десятин за счет земли колонии Грунау. Попечительный комитет отказал в просьбе, посчитав ее «неосновательной», так как «поверка» земли, проведенная М. Белокрысовым, носила «частный» характер, а план не был утвержден его подписью [219, л. 1–14]. Таким образом, розенбергские колонисты не получили тогда дополнительные 70 десятин за счет земли своих соседей, но в архивах отложился очень интересный и ранний план колонии Розенберг и ее земельного надела.

Самое общее представление о планировке колоний Грунау, Кронсдорф, Розенберг, Кляйн Вердер и Рундевизе (ориентация улиц, расположение лесных насаждений, кладбищ, огородов, направление основных дорог) в середине XIX в. может дать русская военная карта-трехверстовка (из карт Ф.Ф. Шуберта, 1858–1882 гг.), фрагмент которой представлен на рис. 6. Прежде

всего обращают на себя внимание общественные рощи (леса), посаженные к востоку от каждой колонии для защиты от преобладающих в этих местах восточных ветров, холодных во второй половине зимы, жарких и сухих весной и летом. Часть этих древесных насаждений, заложенных 180 лет назад, сохранилась до нашего времени (см. комментарий 31). Обозначены кладбища колоний, некоторые из них теперь заброшены, заросли кустарником и деревьями, но часть этих кладбищ используется и сейчас (см. комментарий 22). Заложенные немецкими колонистами в 1832 г. улицы колоний Рундевизе и Кляйн Вердер и сегодня остаются главными улицами сел Луганского и Первомайского. Улица колонии Розенберг, распланированная еще в 1823 г., сейчас носит название улицы 40-летия Октября в с. Зоряное и пос. Розовка. Главная улица колонии № 5 Кронсдорф стала в пос. Розовка улицей Гоголя, главная улица колонии № 6 Грунау — улицей Пушкина, а перпендикулярная улица, переходившая на околице Грунау в дорогу к колонии Розенберг, называется сегодня улицей Калинина. Современная улица Центральная (Ленина) проходила тогда по западной околице Грунау, за ней, к западу, было только кладбище колонии, а дальше — участок целинной степи, выделенный под общественное пастбище (выгон, толоку), и дорога на Розенберг (см. рис. 6). Обращают на себя внимание участки дорог с твердым покрытием, обсаженные деревьями, между колониями Грунау и Розенберг, Розенберг и Виккерау (см. рис. 6), в то время шоссе в Екатеринославской губернии были редкостью.

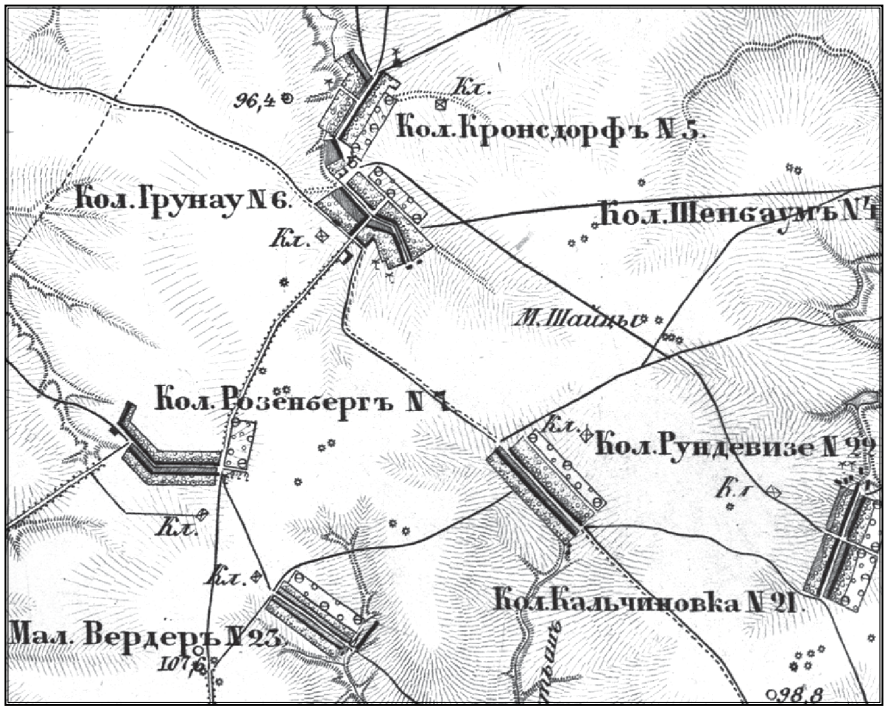


Рис. 6. Колонии Грунау, Розенберг, Кронсдорф, Малый Вердер, Рундевизе и Кальчиновка. Фрагмент карты-трехверстовки (из карт Ф.Ф. Шуберта, ряд XXVIII, лист 15 [178], состояние местности в 1858–1882 гг.). Обозначения: Кл. — кладбища; — лесные насаждения колоний; – ветряные мельницы; — холмы-могилы (высота приведена в саженях).

Отсутствие подробного плана колонии Грунау XIX в. придает особую ценность литографии с видом Грунау (рис. 7), хранящейся в Одессе в Государственном архиве Одесской области и впервые опубликованной в буклете архива в 2012 г. [220, с. 33]. Литография была выпущена частной типографией Л. Ницше в Одессе, в архиве ее датировали приблизительно 1880 г. Цифровые обозначения объектов на литографии внесены автором для удобства ее описания, на оригинале литографии они отсутствуют.

К сожалению, в современных публикациях этой интересной литографии не обошлось без ошибок и недоразумений. В книге Э.Г. Плесской (2008 г.) лютеранская колония Грунау, центр одноименного лютеранского прихода, названа меннонитской колонией [100, с. 9]. В прекрасно оформленном, красочном буклете архива Одесской области, опубликованном в 2012 г., колония Грунау ошибочно отнесена не к Екатеринославской, а к Таврической губернии [220, с. 33].

На литографии изображен въезд в колонию Грунау с юго-запада, по дороге, идущей из колонии Розенберг. В центре рисунка — пересечение двух улиц Грунау, соответствующее современному перекрестку ул. Центральной (Ленина) (поз. 2) и ул. Калинина (поз. 3). По ул. Центральной, севернее указанного перекрестка, уже построен мост (поз. 4) через глубокий овраг (балку) с ручьем, есть в этом месте мост и в настоящее время. Уцелели до настоящего времени и надежно идентифицируются два здания, изображенные на литографии: здание Центрального училища (рис. 7, поз. 1), где работал Э.Х. Ставраки (современный адрес — ул. Калинина, 10), и угловое здание (рис. 7, поз. 5) на пересечении теперешних улиц Центральной и Калинина (современный адрес — ул. Калинина, 9). На литографии нет привычного нам характерного здания православной церкви Св. Александра Невского, ее строительство завершилось только в 1896 г. Пирамидальные тополя (Populus pyramidalis), изображенные на литографии, до нашего времени не дожили, их век в культурных насаждениях не превышает 50–70 лет, а вот гораздо более долговечные деревья груши обыкновенной (Pyrus communis) , которыми был обсажен угловой дом по улице Калинина, 9 (поз. 5), растут до сих пор.

Подробный план колонии Грунау (рис. 8), относящийся к XX в., впервые был опубликован в 1957 г. в Штуттгарте (ФРГ) в сборнике «Heimatbuch der Deutschen aus Rußland», издаваемом для немцев из России, в статье А. Принца [191, с. 33–38]. План выполнен без масштаба, а погрешность его ориентации по сторонам света достигает 45º (на плане улица Калинина идет с юга на север, а в реальности — с юго-запада на северо-восток). В тексте статьи план не датирован, никаких ссылок на источники, из которых этот план колонии был заимствован, А. Принц не приводит.

По нашему мнению, план Грунау мог быть предоставлен А. Принцу Карлом Штумппом (K.K. Stumpp), тогдашним (в 1957 г.) главным редактором и издателем сборника «Heimatbuch der Deutschen aus Rußland». К.К. Штумпп (12.05.1896–20.01.1982), из колонистов Херсонской губернии, учился в Одессе и Дерпте (сейчас — Тарту, Эстония), после революции эмигрировал в Германию, работал в Штуттгарте, свободно владел русским языком. Вторую мировую войну он начал переводчиком в вермахте, с 11.06.1941 г. по 3.08.1943 г. был в составе «зондеркоманды д-ра Штумппа» (Sonderkommando Dr. Stumpp), представлявшей на юге Украины интересы имперского министерства оккупированных восточных территорий А.Э. Розенберга. Задачей этой зондеркоманды (Sk), базировавшейся в Днепропетровске, был сбор генеалогической информации о немцах в оккупированной части Украины, использовавшейся при составлении реестра этнических немцев Украины, а также подробных сведений обо всех немецких селениях (включая их планы). При отступлении вермахта в 1943 г. К.К. Штумпп участвовал в эвакуации фольксдойче Украины в Пруссию и Силезию, с осени 1943 г. опекал переселенных в Германию этнических немцев, после окончания войны — учитель гимназии в Тюбингене. Таким образом, план Грунау, скорее всего, был предоставлен К.К. Штумппом из тех материалов, которые собрала его зондеркоманда во время оккупации. Датировка плана особых трудностей не вызывает, он отражает реалии селения Люксембург (бывшая колония Грунау) в 1935–1941 гг. Именно к этому же периоду относится термин «сейчас», употребленный А. Принцем в подрисуночной надписи к плану Грунау в его статье [191, с. 35].

На плане в статье А. Принца изображены, но почему-то не обозначены цифрами, кладбище Грунау и общественный сад, пришлось присвоить им цифровые обозначения: кладбище — 22 (см. комментарий 22), общественный сад — 23 (см. рис. 8). Основные улицы колонии на

плане в статье также не названы и не обозначены цифрами, для удобства описания пришлось указать современные названия этих улиц (на 2018 г.) и присвоить им цифровые обозначения (см. рис. 8): 24 — ул. Пушкина; 25 — ул. Центральная (Ленина), она же дорога на вокзал ст. Розовка; 26 — ул. Гоголя, начало колонии Кронсдорф (№ 5); 27 — ул. Калинина; 28 — ул. Освободителей; 29 — ул. 8-го марта.

Рис. 7. Вид колонии Грунау Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Около 1880 г., литография [220, с. 33]: 1 — центральное училище; 2 — современная улица Центральная (Ленина); 3– современная улица Калинина; 4 — мост через балку; 5 — угловой дом на пересечении современных улиц Центральной (Ленина) и Калинина.

Некоторые здания, обозначенные на плане, стоят и в настоящее время. Среди них православный храм Св. Александра Невского (рис. 8, поз. 18); здание Центрального училища (рис. 8, поз. 17, современный адрес — ул. Калинина, 10); угловое здание (рис. 8, поз. 16) на пересечении сегодняшних улиц Центральной и Калинина (ул. Калинина, 9). Клуб (рис. 8, поз. 19) — это современный Дом культуры (ул. Центральная, 72), его здание было построено в 1935 г., сожжено при отступлении вермахта в начале сентября 1943 г. и полностью восстановлено только в 1955 г. [221, с. 201–204]. Сохранились на современной улице Олега Кошевого отдельные здания молочарни (рис. 8, поз. 5; до конца XX в. там был молокозавод, сейчас он уже не работает) и ветеринарной станции (рис. 8, поз. 6; там и сейчас расположены ветлечебница и ветеринарная аптека). Стоят и сейчас на территории современной районной больницы здания (рис. 8, поз. 7, 8), относившиеся к больничному городку в 1935–1941 гг. Изображенное на плане здание почты (рис. 8, поз. 9) использовалось по своему прямому назначению до 80-х гг.XX в., позднее там находились стоматология «Дента» и магазин.

Здание лютеранской церкви (рис. 8, поз. 1) обозначено, как разрушенное, его разобрали в 1935 г., а фундамент и материалы использовали для строительства на том же месте средней школы № 2 (см. комментарий 22). Фигурирующая на плане сожженная мельница (рис. 8, поз. 10) сгорела еще во время гражданской войны, вторая мельница (рис. 8, поз. 20), стоявшая в 1935–1941 гг., была сожжена немцами при отступлении в начале сентября 1943 г. и не восстанавливалась.

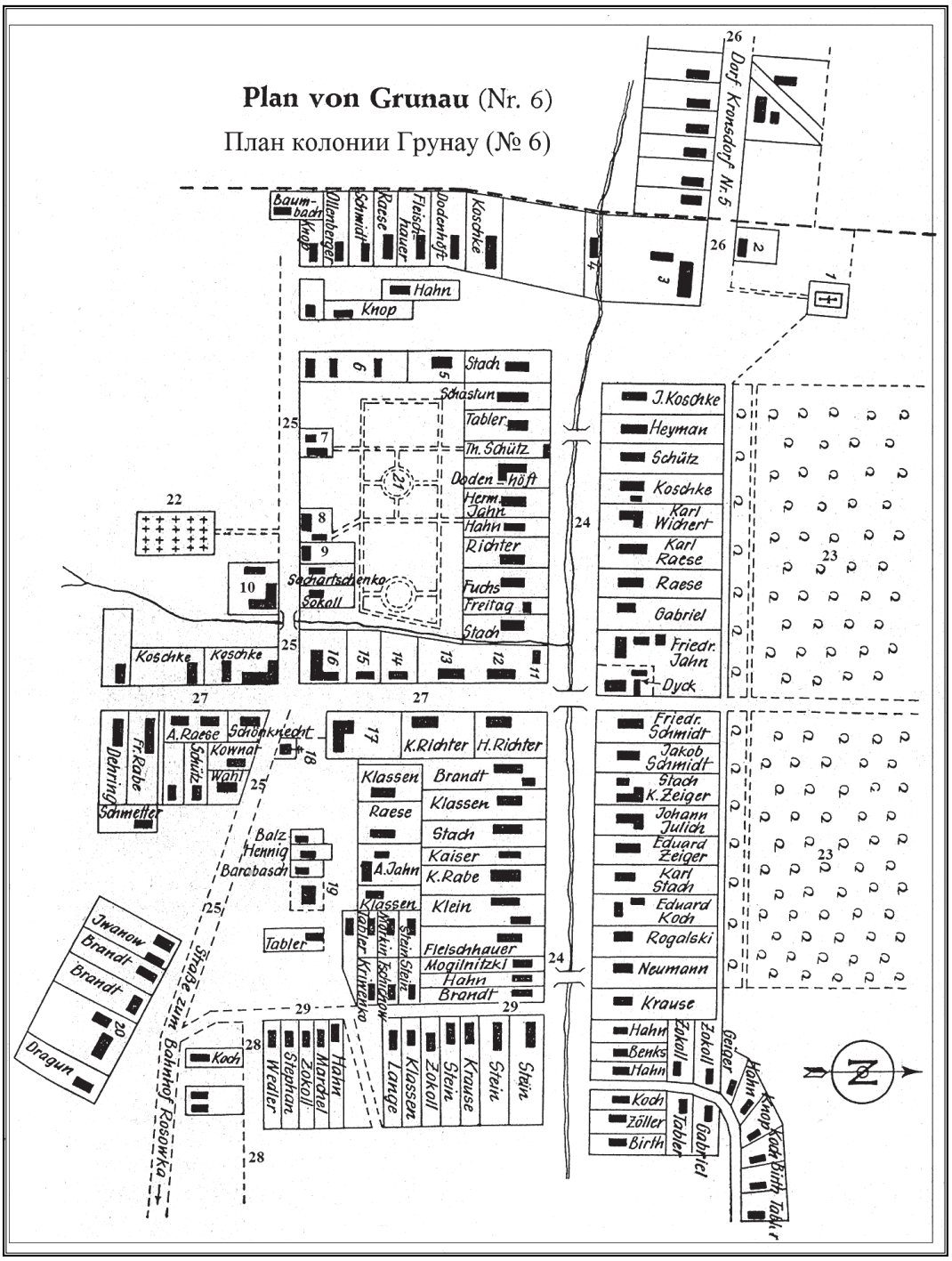


Рис. 8. План колонии Грунау из сборника «Heimatbuch» за 1957 г. [191, с. 35].
На плане цифрами обозначены:
1 — евангелистско-лютеранская церковь (разрушена); 2 — дом кистера; 3 — пасторат; 4 — дом церковных служек; 5 — районная молочарня; 6 — ветеринарная станция; 7 — интернат (сейчас, т.е., в 1935–1941 гг. — больница); 8 — волость (сейчас — администрация больницы); 9 — почта; 10 — мельница (сожжена); 11 — сельская администрация; 12 — общественный склад (сейчас — районная администрация); 13 — народная школа (Volksschule); 14 — дом врачей; 15 — аптека; 16 — магазин потребкооперации; 17 — центральная школа (Zentralschule); 18 — русская православная церковь; 19 — здание клуба; 20 — мельница; 21 — фруктовый сад.

Из подрисуночной надписи к плану следует, что в здании (рис. 8, поз. 8), где в 1935–1941 гг. располагалась администрация больницы, ранее находилось волостное правление Александроневской волости.

Особую ценность плану придают фамилии владельцев, указанные для каждого частного домовладения. Всего на плане приведено 91 частное домовладение, причем фамилии 10 владельцев явно не немецкие: Шастун, Захарченко, Барабаш, Иванов, Драгун, Чижов, Кривенко, Моркин, Ковнат, Могильницкий, то есть уже в 1935–1941 гг. более 10% домовладений в Люксембурге не принадлежали немцам.

Первые 7 фамилий русские или украинские; Ивановы, жившие в Александроневском, упоминаются в источниках и до 1917 г. В июле 1911 г. на немецком кладбище с. Александроневского был похоронен православный мещанин г. Уфы Н.И. Иванов, умерший в возрасте 30 лет от сердечной болезни [222, л. 255]. В перечне домов и усадеб селения Александроневское в 1914 г., составленном А. Штахом [78, с. 44–45], есть Иванов (русский), содержавший в селении постоялый двор. Земский ветеринарный врач надворный советник К.Ф. Захарченко многие годы жил и работал в Грунау [130, с. 268; 223, с. 370], в июне 1906 г. умерла его первая жена и была похоронена на Александроневском общественном кладбище [224, л. 108]. Фамилия Кривенко также встречается в метрических книгах до 1917 г.: в феврале 1908 г. мариупольский мещанин К.Н. Кривенко похоронил на Александроневском кладбище своего малолетнего ребенка [225, л. 244], на такой шаг семья могла пойти, если только она жила и собиралась жить дальше в с. Александроневском.

Оставшиеся три фамилии домовладельцев — еврейские. Торговец Моркин (еврей), упомянут в перечне владельцев домов и усадеб селения Александроневское в 1914 г., составленном А. Штахом [78, с. 44–45]. Записи метрических книг мариупольской синагоги за 1894–1912 гг. подтверждают проживание в Казенносельске и Александроневском евреев Моркиных, происходивших из екатеринославских мещан [226, л. 36; 227, л. 6, 37; 228, л. 27; 229, л. 8; 230, л. 45, 68; 231, л. 29]. Фамилия Ковнат (Kownat) нередко встречалась в еврейских колониях Приютной, Новозлатополе и Красноселке [232, с. 16–17, 102, 152, 156], расположенных недалеко от Грунау. Метрические книги мариупольской синагоги за 1885–1916 гг. упоминают мариупольских мещан, евреев по фамилии Ковнат, живших в Грунау и в пристанционном поселке Розовка [233, л. 18; 234, л. 39; 235, л. 2; 236, л. 33; 237, л. 46; 238, л. 28; 239, л. 9]. Судя по записям метрических книг мариупольской синагоги, евреи Могильницкие, происходившие из мещан Ковенской губернии, уже в 1904–1916 гг. жили в Казенносельске (В.Б. Могильницкий) и Александроневском (П.Б. Могильницкий) [228, л. 42; 229, л. 21; 238, л. 8; 239, л. 3; 240, л. 22; 231, л. 26; 241, л. 16]. В перечень владельцев домов и усадеб селения Александроневское в 1914 г., составленном А. Штахом [78, с. 44–45], Могильницкие не попали, так как не владели тогда недвижимостью в этом селении. В целом план Грунау из статьи А. Принца [191, с. 35] содержит много уникальной информации, дополняющей рукопись Э.Х. Ставраки, и может быть очень полезен для изучения истории поселка Розовка.

Чтобы соотнести размеры и планировку Грунау и ближайших немецких колоний во второй половине XIX в. (оконтурены красным цветом) с современными реалиями поселка Розовка, планы этих колоний были нанесены на современную (состояние местности на 1988–1989 гг.) карту-километровку поселка Розовка и его окрестностей (рис. 9).

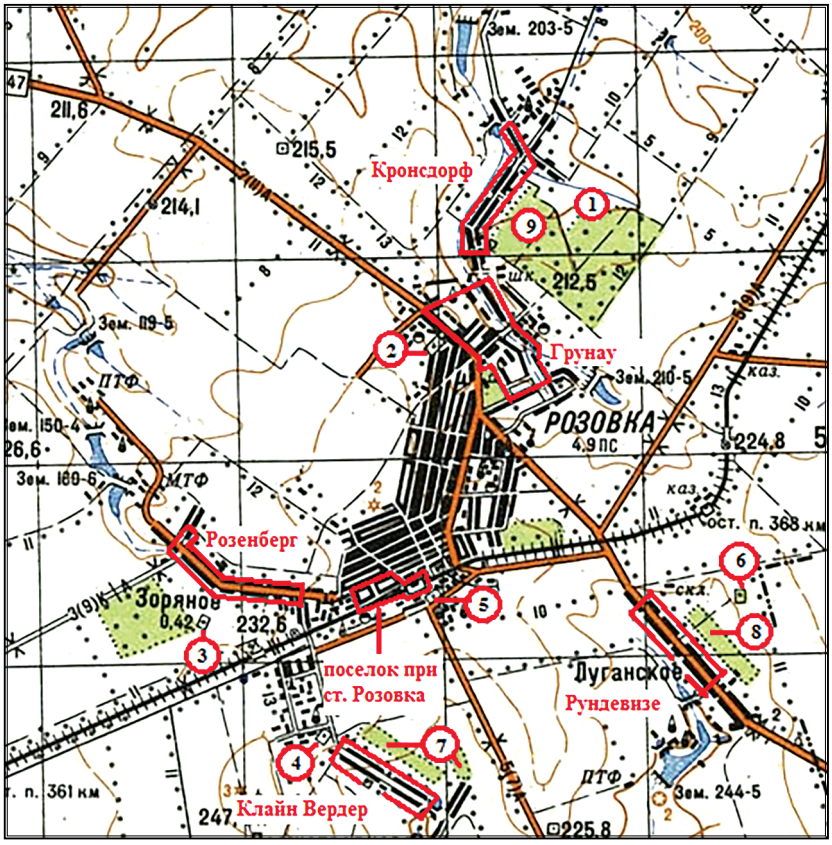


Рис. 9. Расположение немецких колоний Грунау, Розенберг, Кронсдорф, Малый (Кляйн) Вердер (Первомайское), Рундевизе (Луганское) и поселка начала XX в. при станции Розовка (оконтурены красным цветом) на современной карте (карта-километровка Генерального штаба, фрагмент листа L–37–015 «Волноваха», состояние местности на 1988–1989 гг.).
Обозначены: 1–4, 6 — лютеранские кладбища колоний;
5 — православное кладбище пристанционного поселка;
7–9 — оставшиеся лесные насаждения колоний.

Как уже говорилось выше (см. комментарий 4), колонии Кронсдорф № 5, Грунау № 6 и Розенберг № 7 были основаны весной 1823 г., а Рундевизе № 21 и Кляйн Вердер № 23 — в 1832 г. В августе 1904 г., когда была сдана в эксплуатацию вторая очередь 2-й Екатерининской железной дороги, в полуверсте к востоку от бывшей колонии Розенберг (переименованной в 1894 г. в с. Розовка) появилась станция Розовка, были построены железнодорожный вокзал, склады (пакгаузы), жилой дом для железнодорожников и водонапорная башня. Вокруг станции в 1900–1904 гг. началось формирование пристанционного поселка Розовка (см. рис. 9), который уже не имел никакого отношения к бывшей колонии Розенберг, это был новый населенный пункт, расположенный в двух верстах от Александроневского и в полуверсте от села Розовка (бывшей колонии № 7). Немцев в пристанционном поселке, в отличие от бывших колоний, было очень мало, преобладали русские и малороссы, селились здесь также евреи и греки. Осенью 1904 г. появилось, южнее вокзала и полотна железной дороги, кладбище пристанционного поселка (рис. 9, поз 5) (см. также комментарий 22).

Таким образом, рост современного поселка Розовка шел из четырех первоначально обособленных центров (выделены на рис. 9 красным цветом), три из которых были немецкими колониями, а четвертый — поселком при станции Розовка 2-й Екатерининской железной дороги.

10. «Главное богатство грунаусцев хлеб и коровье [сливочное] масло, которые продают местным купцам, или отвозят в Мариуполь, а иногда в Бердянск (отстоящий от Грунау на 80 верст), если в последнем городе цены стоят выше, чем в Мариуполе».

В немецких колониях Мариупольского округа, основанных в 1823 г., на первых порах более прибыльным было скотоводство (разведение овец и крупного рогатого скота), и оно требовало меньших затрат труда, чем земледелие с распашкой степной целины. Судя по рапорту комиссара Ф. К. Киршнера, весь доход Мариупольского округа от земледелия в 1829 г. составил 4385 руб., причем 90% этой суммы было получено за продажу овса, пшеницы же продали всего на 9 руб., а ржи — на 33 руб. В том же году скотоводство дало колонистам округа 17485 руб. дохода, а овцеводство — еще 7864 руб. [192, л. 199–200].

Пшеница, разумеется, пользовалась спросом в странах Южной Европы, но ее экспорт через старый порт Мариуполя, находившийся в устье Кальмиуса, из-за небольшой пропускной способности порта был довольно ограниченным. Порт этот, существовавший практически с самого основания Мариуполя, из-за отмели в устье Кальмиуса не позволял принимать суда с осадкой более 2 метров, такие суда становились на якорь в 5 километрах от берега. Грузы (включая пшеницу в мешках) доставлялись от пристани на суда «дубками» — мелкосидящими парусными суденышками или весельными лодками [242]. В 1827 г., по инициативе генерал-губернатора Новороссийского края графа М. С. Воронцова, западнее устья Берды была заложена пристань, положившая начало г. Бердянску [207, с. 130].

1 июля 1830 г. «… с приличною церемониею …», как отмечается в одном из документов того времени, состоялось официальное открытие Бердянского порта. Бердянская гавань считалась лучшей на Азовском море, превосходя другие по длине, ширине и глубине, строительство порта обусловило быстрый рост населения в прилегающем селении [243]. Появление столь удобного Бердянского порта, способного принимать крупные торговые суда с большой осадкой, способствовало быстрому росту экспорта пшеницы из немецких колоний Северного Приазовья. По свидетельству историографа немецких колоний Якоба Штаха (родился в Грунау в 1865 г.): «… цены на пшеницу немедленно поднялись с 3 руб. до 10 и 15 руб. ассигнациями за четверть <… >, колебанию в выборе между хлебопашеством и скотоводством был положен конец. С этих пор пшеница стала главным предметом производства колонистов …» [105, с. 148]. Бердянск стал городом в 1841 г., он лидировал в зерновом экспорте из Северного Приазовья, в 1866 г. через Бердянск было вывезено за границу 6,7 млн. пудов сельскохозяйственных продуктов, в т. ч. 6,4 млн. пудов пшеницы [243].

Для колонистов из Грунау Мариуполь, расположенный всего в 50 верстах, и тогда играл важную роль в экспорте пшеницы: до Бердянска в соседней Таврической губернии было более 80 верст. Развивался старый Мариупольский порт в устье Кальмиуса, в начале 70-х гг. XIX в. там были проведены с помощью земснарядов дноуглубительные работы у причалов и в устье реки [242]. Всего через полтора года после завершения Э. Х. Ставраки рукописи о Грунау (декабрь 1884 г.) в марте 1886 г. в Мариуполе, близ балки Зинцевой, был заложен новый торговый порт в 5,5 километрах к западу от устья Кальмиуса [244]. Новый порт открыли 23 августа 1889 г. (началась отгрузка угля) [245, с. 21], его возможности, в сочетании с пришедшей в город железной дорогой (1 ноября 1882 г.) [181], скоро вывели Мариуполь в лидеры зернового экспорта в Северном Приазовье.

11. Клюня (молотильный сарай).

У немцев-колонистов это слово явно было заимствованным. Они могли позаимствовать его как в Восточной Пруссии, где жило много поляков из соседнего Царства Польского (по-польски: kłunia, kłónia — амбар из сосновых бревен, место для ночлега), так и после переселения немцев в Россию (в белорусском и украинском языках слово «клуня» означает ригу, молотильный сарай) [246].

12. «… может въехать громадная арба с нагруженным хлебом …». В. Даль: «Арба, у народов турецкого и татарского племени: повозка, телега различной постройки; у русских татар, это русская же крестьянская телега; в Новороссийском и Таврическом крае, большая, громоздкая телега с верхом, о четырех колесах; на Кавказе и в Астрахани так же двуколая. В арбу впрягаются где лошади, где волы, буйволы, верблюды …» [247]. Из этой статьи знаменитого словаря В. Даля следует, что немецкие колонисты в Грунау вкладывали в слово «арба» именно тот смысл, который был характерен для Новороссии и Таврии. До настоящего времени в Розовке и окружающей местности большую, громоздкую четырехколесную телегу (а также и крупногабаритный тракторный прицеп) часто называют гарбой (арбой).

13. Шлеры.

Это деревянные туфли, разновидность сабо, их носили круглый год и одевали вместе с чулками или даже поверх другой обуви (см. рис. 10, б). Шлеры мог изготовить любой мужчина, но чаще их делали специальные мастера или профессиональные плотники. Для подошвы шлер брали заготовки хорошо просушенного дерева и вырезали пластинку толщиной 3 сантиметра, по форме ноги, с небольшим каблуком. Подтреугольный носок выкраивали из одного куска кожи. Преимущество отдавали телячьей коже. Носок иногда переходил в небольшие бортики, которые доходили до середины подошвы. На место соединения носка с подошвой накладывали полоску кожи и прибивали гвоздями с небольшими шляпками. В немецких колониях в Омской области шлеры продолжали носить вплоть до 1950-х годов, да и сейчас их иногда можно встретить в немецких домах, хотя изготавливать их перестали. Из-за этой обуви окружающее немцев население дало им прозвище — «шлеры» [248].

14. Шмальц.

Это смалец (в немецком языке das Schmalz — топленное сало, см. также производное от него польское слово smalec) или лярд (лат. lardum) — жир, вытопленный из сала. Часто, хотя и не обязательно, для этого используется нутряной жир, как самый малопригодный для других целей [249].

15. Припс.

Среди напитков в немецких колониях особое место занимал кофе, ставший одной из особенностей национальной кухни. На потреблении кофе сильно сказывалось социальное положение, зажиточные люди употребляли натуральный кофе. Менее состоятельные немцы, а их было большинство, готовили его из жареных зерен ячменя (Gerstenkaffe), пшеницы (Weizenkaffe), овса (Haferkaffe), ржи, иногда добавляли молотые сушенные горох (Erpsenkaffe), фасоль (Pounekaffe), морковь. Такой напиток получил название «припс» (Prips, Preps). Другим заменителем кофе был молотый цикорий (Cikoriikaffe). Для изготовления кофе использовали промытые корни цикория, нарезанные кубиками, высушенные на воздухе и поджаренные до коричневого цвета на сковороде или в духовке. Затем их мололи в кофейной мельнице (Kaffemuehle) и пили с молоком или сливками. По рассказам старожилов Омской области, «припс» изготавливали до конца 1960-х — начала 1970-х гг. В некоторых немецких селах и сегодня можно встретить кофе из злаковых и цикория [250].

16. «… 11 ноября каждого года, в честь Мартына …».

День Святого Мартина — католический праздник, посвященный памяти епископа Мартина Турского. Отмечается ежегодно 11 ноября во многих странах, преимущественно католических. Праздник этот имеет языческие корни, у кельтов существовал праздник Самайн (время окончания сбора урожая и начала зимы), который во время христианизации Европы трансформировался в День Святого Мартина [251]. В современной Германии его отмечают не только католики, но и протестанты.

Протестанты празднуют на день раньше и чествуют другого Мартина, родившегося 10 ноября отца немецкой Реформации Мартина Лютера (Martin Luther). Его крестили 11 ноября, в День Св. Мартина, что, естественно, повлияло на выбор имени будущего теолога и основоположника протестантского вероучения. Вне зависимости от конфессий, День Мартина

(Martinstag) 11 ноября издавна весело встречали по всей Германии, так как на него традиционно приходилось окончание сельскохозяйственного года — день оплаты батраков, выплаты налогов, смены хозяев, заключения арендных договоров на землю, гуляний перед началом тогдашнего предрождественского поста [252].

а)

б)

Рис. 10. Предметы быта немецких колонистов:
а) женский головной убор (чепец); б) обувь на деревянной подошве («шлеры»)
Фото любезно предоставлены А. Мейер (ФРГ).

17. «В Грунау проживает один немец-богач, из немцев-лютеран, который имеет лавку, но торговлю ведет его жена самым первобытным способом, сам же хозяин со своими сыновьями весь предался земледелию и овцеводству …».

Наиболее вероятно, что речь идет об Иоганне Яне (Jahn), который во второй половине XIX в. вел торговлю мануфактурными товарами в Грунау, доставляя их из Харькова [105, с. 98]. В 1867 г., когда в Грунау впервые была открыта русская школа, И. И. Ян стал ее попечителем

и пожертвовал для школы всю необходимую мебель. Когда лютеранский приход Грунау согласился разместить русскую школу в хорошем каменном доме, занимаемом ранее кистером, И. И. Ян изъявил готовность добавить из собственных средств сумму, которой не хватало на перестройку дома с учетом имеющихся остатков «училищных» денег и пожертвований других лиц [109, с. 140].

В своей рукописи Э. Х. Ставраки упоминает, что торговлю в немецких колониях обычно вели евреи, греки или русские, но никаких конкретных фамилий он, как обычно, не сообщает. До революции и начала гражданской войны дело именно так и обстояло, единственными достойными занятиями немцы-колонисты считали для себя земледелие и скотоводство.

В перечне домов и усадеб селения Александроневское в 1914 г., составленном А. Штахом [78, с. 44–45], указаны не только фамилии домовладельцев, но также их этническая принадлежность и род занятий. Из 4 указанных в перечне евреев-домовладельцев (Моркин, Бункузе и двое Миропольских) трое имели прямое отношение к торговле: Моркин (см. комментарий 9) — торговец, один из Миропольских — купец, Бункузе (Бункин) — книготорговец; лишь второй Миропольский назван забойщиком скота (мясником), что делает очень вероятной и его торговлю мясом. Отметим, что перечень домов и усадеб селения Александроневское составлен А. Штахом по памяти [78, с. 44], поэтому и неудивительно, что фамилия книготорговца была им искажена. Метрические книги мариупольской синагоги за все время их ведения (1866–1921 гг.) никаких евреев Бункузе в Грунау (Александроневском) не зафиксировали, а вот жившие там мариупольские мещане евреи Бункины в метрических записях за 1894–1904 гг. фигурировали неоднократно [226, л. 30; 253, л. 25; 254, л. 35; 228, л. 41]. Евреи Миропольские из екатеринославских мещан, проживавшие в Грунау, многократно упоминаются в записях метрических книг мариупольской синагоги за 1884–1901 гг. [255, л. 65; 256, л. 49; 226, л. 5, 67; 257, л. 43; 258, л. 57; 254, л. 4].

В руках немцев в Грунау были сосредоточены лишь строго контролируемая государством казенная торговля горячим хлебным вином (водкой) (Давид Брандт), да продажа пива (Эдуард Шенкнехт).

Из торговцев-греков с той или иной степенью уверенности можно говорить о купце 2-й гильдии Харитоне Васильевиче Оксюзове, представителе купеческой семьи Оксюзовых из Мариуполя, жившем в Грунау. На Александроневском кладбище обнаружены надгробия Даниила и Савелия Оксюзовых (см. комментарий 22, рис. 15, б и в). Купец Х. В. Оксюзов был избран в 1897 г. на три года церковным старостой освященного 30 августа 1896 г. храма Св. А. Невского в с. Александроневское [259, с. 361]. Его сын, умерший в декабре 1891 г., был похоронен на приходском кладбище в с. Темрюк [260, л. 546], к приходу расположенной там Ильинской церкви относились православные, жившие в бывших немецких колониях Мариупольского округа. Дочь Х. В. Оксюзова Елизавету похоронили в августе 1905 г. на Александроневском общем кладбище, другая его дочь Марина венчалась в апреле 1907 г. в той же Ильинской церкви, к приходу которой была приписана церковь Св. А. Невского в с. Александроневское [225, л. 98; 261, л. 97].

Из русских купцов можно упомянуть Михаила Николаевича Скрынникова из майкопской купеческой семьи, бывшего поручителем при венчании Э. Х. Ставраки 9 января 1883 г. в Ильинской церкви с. Темрюк [74, л. 60], в Темрюке в сентябре 1904 г. была похоронена его жена, Н. С. Скрынникова [262, л. 130].

18. «Замечательною личностью в Грунау < … > является пастор».

Э. Х. Ставраки совершенно справедливо подчеркивает особую роль пастора прихода Грунау в жизни всех 12 лютеранских колоний, входящих в этот приход.

В лютеранстве провозглашается священство всех верующих и отсутствие резкой грани, отделяющей мирян от священников-пасторов, которые должны прежде всего проповедовать

и толковать священное писание. Пасторы в лютеранских церквах избираются и остаются в сане пожизненно, их рукоположение (ординация) рассматривается в лютеранстве не как таинство, а как обычай, имеющий корни ещё в древней церкви [263]. В соответствии с «Уставом Евангелическо-лютеранской Церкви в России» [264, с. 956–1022], утвержденным 28 декабря 1832 г. императором Николаем I, кандидат в пасторы должен получить высшее богословское образование в одном из российских университетов (чаще всего, на теологическом факультете университета в г. Дерпт, сейчас это — г. Тарту в Эстонии). Кандидат должен был выдержать в консистории (коллективном окружном органе управления лютеранской церковью, приход в Грунау относился к С. Петербургскому консисториальному округу) два испытания (экзамена): на право проповедовать (pro venia concionandi) и на право быть назначенным пастором прихода (pro ministerio). При условии успешного прохождения этих испытаний, возрасте не менее 25 лет, твердости в вере и высокой нравственности кандидата, он мог быть назначен пастором прихода, но только при согласии с его кандидатурой большинства прихожан. Для этого, по Положению от 31 декабря 1821 г. «О порядке назначения священников к вакантным приходам в Саратовских колониях» [265, с. 982–983] («Устав …» 1832 г. распространил его действие и на лютеранские колонии юга России), консистория составляла пригласительную грамоту (vocation) для пастора и направляла ее в орган гражданской власти над колонистами (для южных колоний — в Попечительный комитет), который и объявлял кандидатуру мирскому сходу прихожан. Если большинство прихода соглашалось с грамотой (кандидатурой пастора, условиями его материального обеспечения общиной), то Попечительный комитет возвращал грамоту в консисторию для исполнения.

Такая система отбора кандидатов и их назначения в большинстве случаев приводила на пасторское служение в лютеранские приходы людей умных, хорошо образованных, энергичных, нравственных и неплохих ораторов (для проповедника это важно).

Лютеранский приход в Грунау был основан в 1826 г. [190, с. 67]. В соответствии с Высочайше утвержденным Положением Комитета министров от 31 июля 1834 г. «О разделении колонистских немецких приходов Южного края России на два пробстские округа», приход Грунау относился ко II пробстскому округу [266, с. 802], пробстом II округа в 1841 г. был Феофил Фелль [43, с. 192].

Вот полный список всех пасторов, служивших в приходе Грунау с 1826 по 1930 год [146, с. 120]:

1826–1831 гг. — Готтлиб Фридрих Фелль;
1831–1871 гг. — Христиан Эдуард Хольтфретер;
1872–1879 гг. — Эрнст Николаи Штраус;
1880–1884 гг. — Самуил Келлер;
1884–1885 гг. — Петер Фредерик Ашан (исполнял обязанности пастора);
1886–1901 гг. — Теодор Фюрхтеготт Клюдт;
1902–1919 гг. — Иоганнес Георгиевич Холох (убит махновцами в конце января 1919 г. [191, с. 38; 267, с. 71–72]);
1919–1930 гг. — Иоганн Фелль.

Таким образом, когда Э. Х. Ставраки на исходе 1884 г. писал свою рукопись, обязанности пастора в Грунау исполнял П. Ф. Ашан (28.05.1856–1922) [146, с. 250]. Известные разногласия и конфликты Э. Х. Ставраки с пастором имели место позднее, когда в приход Грунау прибыл для служения в конце августа 1886 г. молодой пастор Т. Ф. Клюдт (28.06.1861–26.10.1931) [146, с. 381; 141, с. 53].

Рис. 11. Свидетельство о конфирмации Каролины Фарбер, родившейся в Кальчиновке 22 декабря 1875 г. и крещенной 1 февраля 1876 г., выдано 10 мая 1890 г. в Грунау пастором Т. Ф. Клюдтом [268, с. 59]

Э. Х. Ставраки совсем не преувеличивает, характеризуя материальное положение пастора как достаток, даже изобилие. Из материалов по истории и статистике церкви и школы в лютеранских общинах России следует, что пастору прихода Грунау был предоставлен земельный участок в 120 десятин, его годовое жалованье составляло в 1862 г. 342 руб. 85 коп., традиционные даяния общины (акциденции) — 500 руб. в год. Кроме того, приход обеспечивал его топливом и комфортабельным жилищем (каменным домом рядом с церковью) [269, с. 199]. Для сравнения, учитель в школе колонии Грунау, где было 103 ученика, получал тогда в год 65 руб. жалования, по 3,4 четверти пшеницы, ячменя и ржи, земельный надел его составлял 9 десятин [269, с. 195].

В соответствии с § 226 «Устава Евангелическо-лютеранской Церкви в России» [264, с. 985], пастор, пока он состоял в этом сане, пользовался всеми правами личного дворянства, он был освобожден от всяких личных податей и повинностей. Его дети, кроме рожденных после оставления им духовного звания, также пользовались правами детей личных дворян.

19. «Грунаусцы получают немецкие газеты [два названия газет в рукописи неразборчивы] …».

Первые два названия получаемых колонистами изданий написаны автором рукописи по-немецки, довольно небрежно и неразборчиво.

Первое название, по нашему мнению, читается как «Unterhaltungsblatt». Полное официальное название этого издания — «Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland» («Занимательный листок для немецких поселенцев в южной России»), в литературе его называют как газетой, так и журналом [105, с. 161]. «Unterhaltungsblatt» (см. рис. 12, а) начал

издаваться в 1846 г. (первый номер — за апрель 1846 г.) в Одессе, как орган Попечительного комитета иностранных поселенцев юга России, по инициативе председателя комитета, статского советника Е.Ф. фон Гана (18.10.1807–6.12.1874, Евгений Федорович фон Ган (Eugen Kaspar von Hahn), статский советник с 6.11.1839, действительный статский советник с 12.04.1846, сенатор с 3.04.1860) [105, с. 161; 270]. Издание выходило ежемесячно, оно являлось, по существу, правительственным органом (финансировалось Министерством государственных имуществ). Редактором и издателем «Unterhaltungsblatt» с 1 апреля 1846 г. по март 1847 г. был И. Йенш (Johann Jänsch) [78, с. 58], а затем, на протяжении многих лет, им был переводчик Попечительного комитета И. Г. Зондереггер (2.07.1810–3.12.1870, Johann Heinrich Sonderegger, общественный деятель и журналист) [190, с. 33; 271]. Издание публиковало материалы по истории образования и развития немецких колоний на юге России, популяризировало успехи колонистов в сельском хозяйстве и ремесле. В «Unterhaltungsblatt» часто печатались материалы о Грунау и соседних колониях (Розенберг, Кронсдорф). Вот далеко неполный перечень опубликованных в издании материалов о жизни колонистов Мариупольского округа:

1. сообщение о состоянии меннонитских колоний округа (1846, № 7, с. 53–54);
2. описание общинного сада в Грунау (1847, № 8, с. 65–66);
3. общее описание Мариупольского округа (1850, № 3, с. 19–21);
4. краткий исторический очерк об основании колоний округа (1853, № 1, с. 1–5);
5. обзор сельского хозяйства в Мариупольском округе (1853, № 7, с. 51–55).

На страницах «Unterhaltungsblatt» неоднократно публиковались официальные сообщения о награждении и поощрении колонистов Мариупольского округа, о выражении им «монаршего благоволения» (1853, № 7; 1854, № 4; 1862, № 2; 1863, № 8). Поэтому неудивительно, что издание пользовалось популярностью как во всем округе, так и в колонии Грунау. Судя по поименному списку подписчиков «Unterhaltungsblatt» на 1854 г., приведенному в работе Я. Штаха [78, с. 70–72], всего Мариупольский округ получал более 300 экземпляров этого издания, 7 экземпляров выписали пастор и аппарат управления округа (обер-шульц, безитцеры, садовник, письмоводитель и писарь). Колонисты в Грунау получали 17 экз., в колонии Кронсдорф — 14, в колонии Розенберг — 11 экземпляров «Unterhaltungsblatt».

Данные о причинах и времени закрытия издания, приведенные в литературе, носят достаточно противоречивый характер. Среди причин закрытия упоминают недостаточное количество подписчиков, несоответствие содержания «Unterhaltungsblatt» их ожиданиям [105, с. 69, 161–162], а также конкуренцию со стороны появившейся «Odessaer Zeitung» («Одесской газеты»), быстро завоевавшей популярность у немецких колонистов юга России. В качестве года закрытия «Unterhaltungsblatt» чаще всего указывают 1861 или 1863 гг. [105, с. 69; 271, 274], но в известной книге А. Клауса имеется ссылка на два номера (№№ 2 и 4) «Unterhaltungsblatt» за 1865 г. [107, с. 415], а Г. Вальтер относит закрытие этого издания к 1871 г. [275]. В любом случае, существование «Unterhaltungsblatt» в 1884 г., когда Э. Х. Ставраки упоминал об этом издании, как популярном у колонистов Грунау, представляется крайне маловероятным. Скорее всего, он не очень хорошо ориентировался в круге прессы на немецком языке, которую читали местные жители, и упомянул «Unterhaltungsblatt», как очень популярное в прежние годы издание, название которого еще было у всех «на слуху».

Название второго издания, написанное Э. Х. Ставраки по-немецки крайне неразборчиво, следует читать, по нашему мнению, как «Volksboten». Полное официальное название этого издания «Christlichen Volksboten für die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Südrußland» («Христианский народный вестник для евангельско-лютеранских общин в южной России»). Этот ежемесячный журнал выходил на немецком языке в Одессе, печатался в той же типографии, что и «Odessaer

Zeitung» («Одесская газета»). Разрешение на его выход было получено 17 мая 1869 г., выходил журнал в 1869–1914 гг., издавал его в конце XIX в. Г. Беккер [274; 276, с. 42; 277].

Unterhaltungsblatt
für
deutsche Ansiedler im südlichen Rußland.

Siebenter Jahrgang. Januar 1852.

Inhalt: Auszeichnung. — Menschenfreundliche Handlung. — Gartenbau. — Akkerbau. — Weinbau. — Ländliche Heilkunde. — Baumzucht. — Nachricht für die Leser. — Odessaer Preise landwirtschaftlicher Erzeugnisse.

№ 1.

а)

Rigasche Zeitung.

№ 198. Neunundneunzigster Jahrgang. 1876.

Freitag, den 27. August (8. September).

б)

Odessaer Zeitung

Erscheint täglich, außer nach Sonn- und Feiertagen.

Nr. 90. Donnerstag, 24. April (6. Mai) 1880. 18. Jahrgang.

в)

Рис. 12. Газеты, выписываемые колонистами Грунау в 40–80-х гг. XIX в.:
а) «Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Rußland» (№ 1, январь 1852 г.) [272];
б) «Rigasche Zeitung» (№ 198, 27.08.1876) [273]; в) «Odessaer Zeitung» (№ 90, 24.04.1880).
Этот номер «Одесской газеты» за 1880 г. любезно предоставил Д. Исаак (Канада).

20. «… «Rigasche Zeitung» [«Рижская газета»] …».

Название этой газеты вписано автором на немецком языке в пробел, предварительно оставленный им в тексте рукописи, крупными каллиграфическими буквами. «Rigasche Zeitung» — ежедневная газета на немецком языке (см. рис. 12, б), издавалась в Риге в 1778–1889 гг., а затем, после длительного перерыва, в 1907–1915 гг. Первый номер газеты вышел 2 января 1778 г.

Министр внутренних дел Российской империи, граф Д. А. Толстой, на основании статьи 155 Устава о цензуре, 8 февраля 1889 г. принял решение о наказании газеты: запрете публикации в ней частных объявлений сроком на 8 месяцев, из-за чего уже в апреле 1889 г. газета закрылась. Издание «Rigasche Zeitung» было восстановлено 2 января 1907 г., но в годы Первой мировой войны газета снова была закрыта (последний номер от 25 августа 1915 г.) [278; 279, 280, с. 51, 193, 284].

21. «… «Odessaer Zeitung» [«Одесская газета»]».

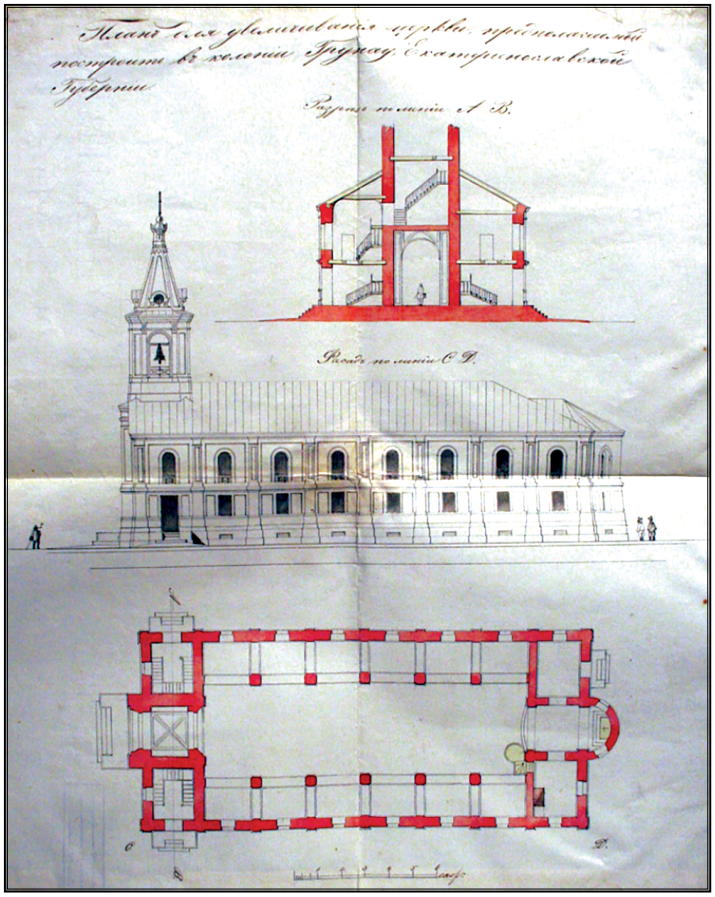
Название этой газеты вписано автором на немецком языке в пробел, предварительно оставленный им в тексте рукописи, крупными, каллиграфическими буквами. «Odessaer Zeitung», ежедневная (кроме послепраздничных дней и понедельника) газета, издававшаяся в Одессе на немецком языке (см. рис. 12, в). Газета была основана журналистом и редактором Л. Ницше (Nietzsche), первый номер вышел 1 января 1863 г., она была закрыта во время Первой мировой войны 26 октября 1914 г. и восстановлена 6 октября 1917 г., газета выходила до 1919 г. Многие годы редактором «Odessaer Zeitung» был К. А. Вильгельм (Wilhelm) (1849–1929), учитель, журналист, член партии октябристов. Газета постоянно публиковала в разделе «Koloniales» материалы о жизни немецких колоний юга России, о строительстве культовых сооружений, школ и училищ, о деятельности пасторатов, о хозяйственных достижениях и проблемах, о погоде и видах на урожай, чем и объясняется ее высокая популярность у колонистов Екатеринославской губернии, в том числе и в Грунау [105, с. 161–162; 279; 281; 282, с. 112].

22. «В Грунау одна церковь …».

В первые годы после основания в Грунау не было ни церкви, ни жилья для пастора. Когда в январе 1826 г. в Грунау прибыл первый постоянный пастор Г. Ф. Фелль (см. комментарий 18), первоначально ему выделили комнату в сельском правлении, две недели спустя он сменил это временное пристанище на комнату у колониста селения Кронсдорф Якоба Кайзера, где и проходили церковные службы. К осени 1826 г. рядом с местом, выделенным между Грунау и Кронсдорфом для пастората (см. план Грунау, рис. 8), было построено из необожженного кирпича здание, в котором находились молитвенный дом и жилье пастора. Общая длина строения составляла 80 футов, ширина — 28 футов (из общей длины 55 футов приходилось на молитвенный дом и 25 футов — на жилье пастора; 1 фут равнялся 30,5 см). Пол в доме был глинобитным, кафедры для проповедника не было, алтарь изготовили из досок, по обе стороны алтаря стояли для прихожан лавки без спинок [78, с. 11–12].

21 сентября 1826 г. Г. Ф. Фелль был официально рукоположен пастором прихода Грунау, в новом молитвенном доме началась церковная служба. Тогда же было определено место будущего строительства каменной приходской церкви между Грунау и Кронсдорфом; сегодня на этом месте стоит здание школы № 2 пос. Розовка (см. план Грунау, рис. 8, поз. 1). В 1830 г. молитвенный дом в Грунау был расширен: общая длина строения увеличилась до 100 футов (30,5 м), пол был выложен необожженным кирпичем; в 1833 г. появилась кафедра для проповедника [78, с. 12–14]. В начале 1835 г. к жилищу пастора пристроили еще одну комнату, осенью 1836 г. возле молитвенного дома был заложен небольшой, тщательно распланированный цветник [78, с. 19–23].

К июню 1838 г. здание молитвенного дома совсем обветшало, приход решил строить новое здание с восточной стороны от дороги между Грунау и Кронсдорфом и вступил в длительную переписку с Попечительным комитетом в Одессе по проекту и смете затрат. Прошел год, молитвенного дом уже грозил рухнуть, а утвержденного проекта и сметы все еще не было. В этой ситуации приход, вместе с управлением Мариупольского колонистского округа, решили в начале июля 1839 г. все-таки начать строительство. Меньше чем через три недели из Одессы, наконец, прислали смету и проект, отвечающий всем архитектурным требованиям, но гораздо



а)

б)

Рис. 13. Евангелистско-лютеранская приходская церковь в Грунау, освященная в 1865 г.: а) чертежи здания (план, южный фасад, разрез через колокольню) [220, с. 33; 283]; б) внешний вид церкви в Александроневском (Грунау), начало XX в. [191, с. 38; 284, с. 528].

более дорогой, чем это предлагал приход. Проект рассматривал и корректировал архитектор Одесского комитета губернский секретарь Л. И. Стефангаген. Ко всей этой технической документации было приложено предписание комитета: строить не там, где решил приход (и где уже шло полным ходом строительство!), а на месте, которое было выбрано общиной под школу. Ко времени получения предписания уже возвели стены молитвенного дома и установили стропила под кровлю, изменить что-либо было уже невозможно. Новый молитвенный дом в Грунау был полностью готов к концу мая 1840 г., а 26 мая в нем уже прошла конфирмация юношей и девушек из колоний Мариупольского округа [78, с. 28–32; 43, с. 236].

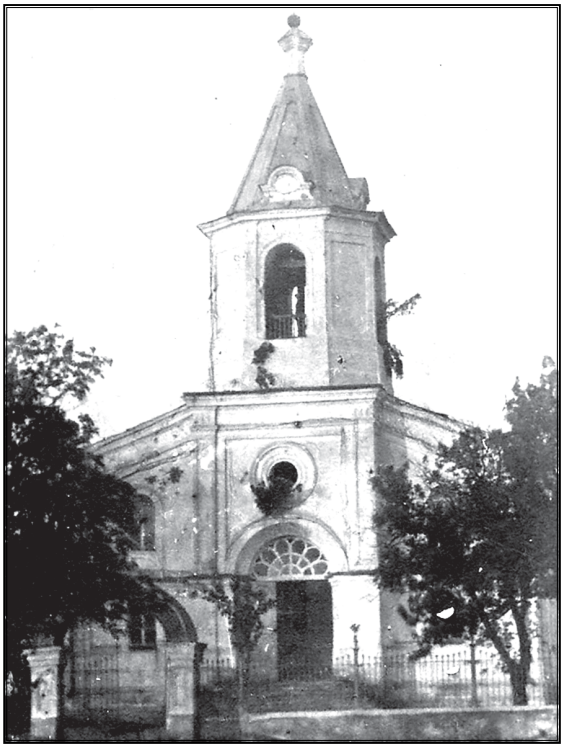
В новом молитвенном доме не было жилых комнат для пастора, поэтому к ноябрю 1840 г. община построила для него новый жилой дом на том самом месте, где стоял старый молитвенный дом, т. е. напротив (через дорогу) от нового приходского молитвенного дома. Весной 1842 г. у дома пастора были посажены фруктовые деревья, а осенью вокруг дома посадили тополя. Летом 1842 г. после праздника Св. Троицы во дворе у пастора построили кухню (пекарню) [78, с. 32, 36].

Здание молитвенного дома в Грунау, построенное в 1839–1840 гг. из необожженного кирпича, простояло более 20 лет. К концу 50-х гг. XIX в. колонии Мариупольского округа экономически окрепли, в округе работали в 1859 г. не менее 8 кирпичных заводов, из них 4 — в ближайших окрестностях Грунау [285, с. 34, 35]. Колонисты массово использовали местный красный обожженный кирпич прекрасного качества для строительства жилых домов и хозяйственных построек. Приход Грунау, наконец, смог приступить к строительству капитальной «каменной» (из обожженного кирпича) приходской церкви, речь о которой шла еще осенью 1826 г. при рукоположении первого пастора Г. Ф. Фелля [78, с. 11, 12].

На строительство церкви государство выделило 17000 руб. ассигнациями [190, с. 67; 191, с. 38], был подготовлен проект. Архитектурный чертеж здания (план, вид южного фасада, разрез по колокольне) представлен на рис. 13, а), он и сегодня хранится в фондах государственного архива Одесской области среди документов Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России [283]. К сожалению, в прекрасно оформленном буклете архива Одесской области, опубликованном в 2012 г., лютеранская церковь в Грунау почему-то названа католическим кастелом, а сама колония ошибочно отнесена не к Екатеринославской, а к Таврической губернии [220, с. 33]. Строительство шло в 1862–1865 гг., лютеранская приходская церковь Св. Марии в Грунау была освящена 15 августа 1865 г. Она производила сильное впечатление на современников (см. рис. 13, б): высокая колокольня, окна с витражами из цветного стекла, скамьи на 1200 мест для прихожан, дорогостоящий орган на хорах. Со временем возле церкви появилось каменное здание пастората, был разведен плодовый сад на 3 десятинах. Весь комплекс окружала чугунная, художественного литья, ограда, а с запада, напротив входа в церковь, находились ворота с аркой и двумя калитками по бокам [286, с. 2]. Расположение церкви на холме, восточнее дороги между Грунау и Кронсдорфом, было выбрано очень удачно, ее колокольня была видна издали.

Церковь Св. Марии простояла 70 лет (1865–1935 гг.). В 1924 г. по инициативе «Союза воинствующих безбожников» в пос. Люксембург (до 22 сентября 1923 г. — пос. Александроневское [244], до 1894 г. — Грунау) были закрыты православная церковь Св. Александра Невского и еврейская синагога [221, с. 154]. В мае 1930 г. президиум Мариупольского окрисполкома (Люксембургский немецкий национальный район входил тогда в состав Мариупольского округа) вынес решение о закрытии церквей и синагог (впоследствии эти здания планировалось использовать для культурно-просветительных целей) и о снятии колоколов [244]. Лютеранская церковь Св. Марии была закрыта, последний пастор прихода Иоганн Фелль (30.10.1891–24.01.1976) в октябре 1930 г. был арестован и приговорен к заключению в лагере. В феврале 1933 г. он эмигрировал в Германию, служил в приходах Тюрингии и Вюртемберга,

затем жил в Нюрнберге [146, с. 315]. Закрытая церковь простояла еще пять лет, именно к этому периоду относится ее фото из архива семьи Мейер (рис. 14, а). В 1935 г. церковь Св. Марии в Грунау была разобрана до основания, а стройматериалы использованы для возведения на ее фундаменте здания школы [191, с. 38], которое используется и в настоящее время (школа № 2 пос. Розовка, см. рис. 14, б).



а)

б)

Рис. 14. Внешний вид в 1930–1935 гг. закрытой евангелистско-лютеранской приходской церкви в пос. Люксембург (Александроневское) (а), фото из семейного архива любезно предоставлено А. Мейер (ФРГ). Средняя школа № 2 пос. Розовка, построенная на месте этой церкви в 1935 г. (б), фото автора (2013 г.).

В ведении лютеранской церкви находились и все кладбища колоний, входивших в приход Грунау. «Устав Евангелическо-лютеранской Церкви в России» от 28 декабря 1832 г. (§ § 55–65, 204, 209, 487) и прилагаемый к нему «Наказ духовенству и начальствам лютеранской церкви в России (§ § 107, 120) [264, с. 956–1022] подробно регламентировали все, относящееся к обряду погребения и кладбищам, указывали на связанные с этим обязанности лютеранского духовенства.

В поселке Розовка и его ближайших окрестностях в той или иной степени сохранились кладбища колоний Кронсдорф, Грунау, Розенберг, Кляйн Вердер и Рундевизе (см. рис. 6; рис. 8, поз. 22; рис. 9, поз. 1–4,6).

Кладбища колоний Кронсдорф № 5 (позднее — Казенносельск) (рис. 9, поз. 1), Розенберг № 7(позднее — Розовка, Зоряное) (рис. 9, поз. 3), Кляйн (Малый) Вердер № 23 (позднее — Екатеринополь, Первомайское) (рис. 9, поз. 4) в настоящее время не используются, лютеранские надгробия разрушены, территории их заросли кустарником и деревьями. При осмотре этих кладбищ в начале 2000-х годов 4-конечные лютеранские кресты обнаружены не были, на периферийных участках встречались православные погребения 40–60-х гг. XX в. Кладбище колонии Рундевизе (Луганское) (рис. 9, поз. 6) продолжает использоваться: в его восточной части, заросшей кустарником и деревьями, встречаются разрушенные немецкие надгробия; западная часть с погребениями по православному обряду используется жителями Луганского и в настоящее время, самые ранние погребения относятся там к 40-м годам XX в.

Кладбище колонии Грунау (см. рис. 6; рис. 8, поз. 22; рис. 9, поз. 2) также используется в настоящее время, старожилы пос. Розовка называют его «еврейским». В восточной его части находятся современные погребения, они не имеют каких-либо существенных этнических признаков, встречаются там и современные могилы потомков немецких колонистов (А.Л. Гептинг, 12.03.1915–21.11.1997). Западная часть кладбища заброшена и заросла кустарником и деревьями, там встречаются целые старые надгробия и их фрагменты. Поврежденный фрагмент лютеранского надгробия (см. рис. 15, а) был обнаружен там В.И. Марюхой в начале 2000-х годов. На полированной поверхности плиты из мраморной крошки размерами 0,6 х 0,6 х 0,2 метра помещена известная цитата из Ветхого Завета: «Ich weiß, daß mein Erlöser lebt …» («Я знаю, что мой Искупитель жив …») (Книга Иова, глава 19:25).

Кладбище традиционно называют «еврейским», но никаких еврейских надгробий или их фрагментов мы не обнаружили. Это тем более удивительно, что греки, русские и, особенно, евреи играли главную роль в розничной торговле и мелком предпринимательстве в немецких колониях. Об этом пишет сам Э.Х. Ставраки [2, л. 4], в перечне владельцев домов и усадеб в Грунау (1914 г.), приведенном в известной работе Я. Штаха об этой колонии [78, с. 44–45], фигурируют 63 немца, 1 русский (Иванов, державший постоялый двор) и 4 еврея (коммерсант, торговец, забойщик скота и книготорговец). По мнению В.И. Марюхи, еврейские надгробия могли исчезнуть с кладбища в период немецкой оккупации (октябрь 1941 г. — сентябрь 1943 г.).

При осмотре западной, старой части кладбища Грунау в сентябре 2013 г. В.И. Марюхой, совместно с автором, были найдены два православных греческих надгробия Д. и С. Оксюзовых (рис. 15, б, в), недатированные; по внешнему виду их можно отнести ко второй половине XIX — началу XX вв.

Использование в России одного кладбища различными конфессиями не являлось уникальным для XVIII–XX вв.; некрополь при этом обязательно делился на соответствующие части (православную, лютеранскую, мусульманскую, еврейскую), каждая освящалась по установленному в этой религии обряду и контролировалась духовенством соответствующей конфессии. Такие поликонфессиональные кладбища известны в Санкт-Петербурге, Гатчине, Воронеже.

Православных, более или менее постоянно живших в немецких колониях Мариупольского округа, было немного, приписаны они были к приходу церкви Св. Пророка Ильи (Ильинской)

а)

б) *в)*

Рис. 15. Фрагмент разрушенного немецкого лютеранского надгробия (а) и православные греческие надгробия Даниила и Савелия Оксюзовых (б, в) на кладбище колонии Грунау. Фото автора, сентябрь 2013 г.

соседнего русского селения Темрюк (Старченково). В основном, это были работники из малороссийских и великорусских губерний, а также выходцы из близко расположенных русских селений, которых немцы нанимали на год (см. комментарий 16). Эти наемные работники часто жили с семьями и детьми в колониях (в отличие от работников, нанимаемых на короткие сроки для уборки урожая, одиноких и постоянно в колониях не проживавших). Православными (русскими, греками) были немногочисленные специалисты (врачи, ветеринары, агрономы, служащие почты, учители), которых нанимало земство или немецкие общины для работы в селениях Мариупольского округа (среди них — Э.Х. Ставраки). В каждом из немецких селений жило по нескольку человек русских или греков, занимавшихся торговлей и мелким предприниматель-

ством (см. комментарий 17). Крайне редко у немецких колонистов были православные русские жены, но такие случаи известны в Виккерау, Грос Вердере, Кронсдорфе [260, л. 11, 147; 287, л. 82]. Несмотря на все труды Екатеринославской епархии «на миссионерской ниве», очень мало немцев (и лютеран, и католиков) переходило в православие, каждый такой случай освещался в «Екатеринославских епархиальных ведомостях». За все время издания этой газеты с 1872 по 1917 гг. нам не удалось насчитать и 30-и таких сообщений.

Крестил, венчал и отпевал православных, живших в немецких колониях, причт прихода Ильинской церкви в с. Темрюк; записи об их рождении, вступлении в брак и смерти заносились в ее метрические книги, которые хранятся в настоящее время в Государственном архиве ДНР (ГА ДНР, ранее — ГАДО, Государственный архив Донецкой области), фонд 206.

Православная церковь в Александроневском появилась достаточно поздно, только в 1896 г. Ее было решено построить в память о спасении императора Александра III и его семьи при крушении царского поезда 17 октября 1888 г. близ ст. Борки (Харьковская губерния). Св. Синод православной церкви выделил на строительство только 2000 руб. (сумму, явно недостаточную), остальное добавили местные православные жители (которых, как известно, было очень мало) и некие «частные лица» [288, с. 494]. Обращение к работе Я. Штаха по истории немецких колоний юга России позволяет ответить на вопрос, кем были эти щедрые «частные жертвователи»: большую сумму денег на строительство храма собрали немцы-колонисты из Грунау [105, с. 126].

Новая каменная церковь Св. А. Невского (рис. 16) была освящена в Грунау 30 августа 1896 г. в день Св. Александра Невского. В связи с малочисленностью православной паствы в Александроневском, как и рекомендовало в таких случаях Положение «О составе приходов и церковных причтов» от 16 апреля 1869 г. [170, с. 321, 323], эта церковь не образовала новый отдельный приход, а стала приписной к многолюдному приходу (в 1908 г. — почти 5,5 тыс. прихожан, православных и раскольников) храма Св. Пророка Ильи в с. Темрюк, относившемуся к 1-му округу благочиния Мариупольского уезда.

Вот штат причта этого большого прихода по епархиальным справочникам 1908 г. [288, с. 494–497] и 1913 г. [289, с. 218]:

— первый священник (в 1908 г. — В.Ф. Пруссинский, в 1913 г. — И.Л. Скротский);
— второй священник (в 1908 и в 1913 гг. — В.И. Лисенковский);
— диакон (в 1908 г. — П.А. Черный, в 1913 г. — вакансия);
— первый псаломщик (в 1908 г. — Ф.П. Скибин, в 1913 г. — Т.А. Грос);
— второй псаломщик (в 1908 г. — Ф.С. Михайличенко, в 1913 г. — И.М. Слета).

Кроме того, сверх штата в составе притча были:

— в 1908 г. — вдова священника О. Бензина, вдова диакона В. Свечаревская, дочь умершего священника А. Срединская, просфорня (пекла просфоры — ритуальные хлебцы для таинства причастия) — вдова псаломщика М. Михайличенко;

— в 1913 г. — вдова диакона В. Свечаревская и просфорня — вдова священника О. Лисенковская.

В некоторых краеведческих работах [221, с. 152–155] весь этот большой причт ошибочно отнесен не ко всему приходу храма Св. Пророка Ильи в с. Темрюк, а исключительно к его приписной церкви Св. А. Невского в с. Александроневском, что совершенно неправдоподобно. Из этой неверной предпосылки был сделан столь же ошибочный вывод: если В.Ф. Пруссинский был первым священником церкви Св. А. Невского в с. Александроневском и законоучителем 2-классного училища министерства народного просвещения (МНП), значит в этом селе существовало тогда подобное учебное заведение.

Рис. 16. Православная церковь Св. А. Невского в пос. Розовка.
Фото автора (лето 2010 г.)

Надо ли говорить, что образцовое 2-х классное училище МНП с 1875 г. работало в Темрюке [290, с. 14], но нет решительно никаких свидетельств существования подобного училища ни в немецких селениях Александроневском, Казенносельске и Розовке (Розенберг), ни в поселке при железнодорожной станции Розовка, появившемся в 1904 г.

Так как в приписной церкви Св. А. Невского не могло быть ни отдельного причта, ни своих метрических книг, то и после 1896 г. православных в селениях, бывших немецких колониях Мариупольского округа, крестил, венчал и отпевал все тот же причт прихода храма Св. Пророка Ильи в Темрюке, а соответствующие записи, как и ранее, вносились в метрические книги этого прихода (часто, задним числом, с опозданием до 2 месяцев). Православных продолжали хоронить на лютеранских кладбищах немецких селений Александроневское, Луганское (Рундевизе), Кузнецовка (Виккерау) [291, л. 118, 132; 292, л. 97, 101–102, 117, 209; 262, л. 246, 255, 273, 283; 261, л. 97; 225, л. 137, 244; 222, л. 121, 250; 293, л. 236–237; 294, л. 62].

Число православных прихожан приписной церкви Св. А. Невского стало заметно расти после возникновения в 1904 г. поселка при станции Розовка, где селились русские и малороссы (немцы-лютеране, греки и евреи там были в меньшинстве). Осенью того же года южнее вокзала и полотна железной дороги появилось новое, чисто православное кладбище пристанционного поселка Розовка (рис. 9, поз 5). Первое погребение состоялось там 19 сентября 1904 г.: священник Ильинской церкви с. Темрюк В.Ф. Пруссинский с псаломщиком Ф.С. Михайличенко похоронил на Розовском общественном кладбище малолетнего сына крестьянина с. Стретенка

(Октябрьское) Мариупольского уезда М.А. Ружко. Соответствующая запись была внесена в метрическую книгу Ильинской церкви задним числом, лишь во второй половине октября [262, л. 132]. Здесь хоронили не только жителей пристанционного поселка, но и православных из соседних селений; в первые годы существования кладбища становой пристав 4-го стана Мариупольского уезда давал разрешения на погребение на этом кладбище самоубийц, что говорило о его невысоком статусе [262, л. 134; 222, л. 255; 295, л. 121].

23. «В Грунау < … > два училища: одно сельское, а другое — центральное …».

Сельским училищем Э.Х. Ставраки называет начальную сельскую школу в Грунау, которая была неотъемлемой частью образа жизни каждой лютеранской колонии. А. Клаус в своей известной работе о немецких колониях в России отмечает: «Особенно у меннонитов и протестантов потребность школьного обучения <…> привилась к населению в такой степени, что всякое отдельное поселение его, все-равно, большое или малое, < … > считается прочным, самобытным не прежде, как в центре его появится школьный дом с учителем (он же обыкновенно и кистер, а нередко, и сельский писарь). За неимением церкви, школьный дом служит для общих молитв и обучения детей …» [107, с. 377].

Основной задачей такой начальной школы считалась подготовка детей к восприятию религии, обучение в ней рассматривалось как некое дополнительное церковное таинство между крещением и конфирмацией, вводящей выпускника школы полноправным членом в приход и лютеранскую общину [107, с. 407]. У лютеран конфирмация — это церковный акт о сознательном исповедании веры, которым молодые люди (конфирманты) в возрасте 13–15 лет, после торжественного обряда, принимаются в лоно церкви и объявляются совершеннолетними, каждому из них выдается свидетельство о конфирмации, подписанное пастором (см. рис. 11).

В соответствии с § 34 «Устава Евангелическо-лютеранской Церкви в России» от 28 декабря 1832 г., конфирмуемые юноши и девушки «… должны, по крайней мере, уметь читать и твердо знать главные догматы и постановления своей Церкви» [264, с. 960], поэтому школьные занятия и воскресное обучение катехизису были обязательны для всех детей в колонии.

Весной 1867 г. известный педагог и член земского училищного совета Александровского уезда барон Н.А. Корф, впервые знакомясь со школами Мариупольского округа, констатировал [111, с. 168], что занятия в начальной школе Грунау (как и во всем колонистскому округе) проводились по «Правилам для школьного и катехизического учения в колониях Саратовских иностранных поселенцев» от 5 марта 1840 г. [296, с. 108–111; 297, с. 99–100]. Действие этих «Правил …» было распространено на колонии юга России 7 декабря 1841 г. циркулярным письмом председателя Попечительного комитета Е. фон Гана, при этом из полного текста правил были исключены 4 параграфа, относящиеся к обязанностям духовенства [298, с. 105–107; 183, с. VIII]. Уже § 1 «Правил …» указывал на обязательность обучения детей: «Каждый отец семейства обязан своих детей, питомцев, учеников или слуг обоего пола, которым минул седьмой год от роду, посылать ежедневно, с начала октября до конца марта месяца, в школу, и в каждое воскресенье слушать преподавание катехизиса». Шульмейстер (учитель) был обязан вести строгий учет посещения (§ 2), а шульц (староста селения) — взымать с главы семьи за каждый пропущенный без уважительных причин день штраф в размере 3 копеек серебром (§ 5) [298, с. 105–106].

Жизнь, однако, вносила свои корректировки в эти правила: шульцы избегали штрафовать небогатых колонистов за неявку детей в школу; из-за работы по хозяйству очень мало учеников приступало в октябре к занятиям, фактически класс заполнялся лишь в ноябре. Многие дети бедных и безземельных колонистов в дождливую и ненастную погоду не ходили в школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви. Еще в марте большинство учащихся оставляло школу, чтобы помогать родителям по хозяйству [81, л. 13].

Как же проводилось обучение в первые годы после основания в 1823 г. колоний Мариупольского округа? Ответить на этот вопрос позволяет «Хроника евангелистско-лютеранской

церкви и общины Грунау», которую вели, в соответствии с п. 218 «Устава Евангелическо-лютеранской Церкви в России» от 28 декабря 1832 г. [264, с. 981], пасторы прихода, она опубликована в известной работе Я. Штаха о Грунау [78, с. 5–39]. Информация о событиях ранее середины 1831 г. попала в «Хронику …» благодаря рассказам колонистов-старожилов, записанным пастором Х.Э. Хольтфретером в 1835 г.

С мая 1823 г., когда на место будущей колонии Грунау прибыли первые поселенцы, до сентября 1826 г. в колонии не было ни школьного здания, ни молитвенного дома [78, с. 7, 11–12]. В этот период обучение детей катехизису, письму, чтению и счету проводилось в комнатах, которые община снимала у хозяев, уже построивших свои дома. Осенью 1826 г. здание молитвенного дома в Грунау было завершено [78, с. 12], с этого времени, скорее всего, обучение детей проводилось, в соответствии с общепринятой в колониях практикой, в молитвенном доме. В 1829 г. в Мариупольском колонистском округе уже было 11 начальных сельских школ, в которых училось 526 учеников (282 мальчика и 244 девочки); на конец 1830 г. таких школ в округе стало 12 [192, л. 197–198; 193, л. 22 об.].

Отдельное здание школы в Грунау «Хроникой …» впервые упомянуто в 1837 г. [78, с. 25], речь шла о расширении школьного здания, т.е. в это время оно уже существовало. Где находилось это здание, установить пока не удалось.

В Крымском архиве, в деле № 152 «О постройке сельского училищного дома в колонии Грунау», хранится обширная переписка 1857–1862 гг. [299, л. 1–40], здесь уже идет речь о строительстве нового кирпичного здания начального сельского училища, которое сохранилось в пос. Розовка до настоящего времени (ул. Калинина, д. 21).

В конце XIX — начале XX вв. начальные сельские школы в бывших колониях их жители стали называть народными школами (Volksschule), в 20–30-е гг. XX вв. это неофициальное название перешло на 1-й концентр (1-я ступень, младшие классы с 1-го по 4-й) школы-семилетки, существовавшей в то время в пос. Люксембург [300, с. 34–35]. В соответствии с планом Грунау, отражавшим реалии 20–30-х гг. XX вв., народная школа находилась тогда в здании (см. рис. 8, поз. 13), которое используется в настоящее время, как жилой дом (ул. Калинина, д. 21). По воспоминаниям старожилов народная школа находилась в этом здании до 1935 г., когда построили новую школу на фундаменте разобранной лютеранской церкви (сейчас — школа № 2), куда и были перенесены занятия. Здание по ул. Калинина, 21 перестроили под жилой дом, в начале сентября 1943 г. он был сожжен отступающей немецкой армией (остались только стены), дом отремонтировали в октябре 1952 г. и снова использовали под жилье [221, с. 111, 156].

Здания для начальных школ строились на средства общин и в ближайших к Грунау колониях округа. В сентябре 1839 г. было завершено строительство школы в Кальчиновке, новая школа в колонии Рундевизе была построена в 1840 г. После весенних полевых работ 1841 г. новые школьные здания появились в колониях Шенбаум (с. Листвянка) и Розенберг, в том же году здание школы было построено в колонии Беловеж [78, с. 30, 32, 36].

Начальные сельские школы в Мариупольском округе порой переживали тяжелые времена. Эпизоотия, падеж скота и неурожай в 1833 г. привели к голоду и такой нужде у колонистов, что общины не могли даже заплатить жалование учителям [78, с. 15].

Всего в приходе Грунау к 1832 г. было 13 начальных сельских школ, в которых училось 519 детей (273 мальчика и 246 девочек) [78, с. 22]. К началу 60-х гг. XIX в. только в Грунау и двух ближайших колониях в начальных сельских школах обучалось: в Грунау — 103 ученика; в колонии Кронсдорф — 99 учеников; в колонии Розенберг — 104 ученика [269, с. 195–196].

В середине XIX в. и колонисты юга России, и имперские властные органы ясно видели кардинальные недостатки начальной сельской школы в колониях: низкий уровень получаемого выпускниками образования и незнание ими русского языка (см. комментарии 8, 27, 29). По целому ряду причин (см. комментарий 27) лучшей мерой для решения накопившихся проблем

и власть, и колонисты считали открытие в колонистских округах юга России центральных училищ [107, с. 421–434; 83, с. 65–70]. В училища принимались выпускники начальных сельских школ в возрасте 14–15 лет, курс обучения был рассчитан на 4 года; желающие стать учителями начальных школ занимались еще два года в специальном педагогическом классе, все предметы (кроме религии) преподавались на русском языке [83, с. 79]. Центральные училища называли (и в документах, и неофициально) также центральными школами (Zentralschule).

Открытие центрального училища в Грунау было предусмотрено решениями съезда полномочных представителей всех колонистских общин юга России, состоявшегося летом 1868 г. в Одессе [107, с. 431], но фактически его открыли только 26 января 1873 г., первоначально училище было 3-х классным [135, с. 423; 221, с. 120; 301, с. 421; 88, с. 388].

Следует отметить, что в литературе приводится и более ранняя дата открытия этого училища (1865) [190, с. 64; 191, с. 38; 302], вероятно, авторы путают центральное училище (с русским языком преподавания) и начальную русскую школу для детей колонистов в Грунау, открытую в 1867 г. при содействии Н.А. Корфа, но просуществовавшую всего около двух лет [109, с. 138–140; 110, с. 224].

На 1880 г. все центральные училища (кроме частных) формально были подведомственны министерству государственных имуществ, хотя занимавшееся ими отделение колоний департамента общих дел этого министерства было закрыто еще 17 января 1877 г., в том же году был упразднен Попечительный комитет в Одессе, сильно сокращенный в 1872 г. [117, с. 10–12, 16, 42], вскоре после обретения колонистами статуса обычных поселян-собственников. Фактически же центральные училища оказалось в начале 80-х гг. в полной власти духовенства на местах (в Грунау — во власти лютеранского пастора местного прихода).

Сведения о первых десятилетиях существования центрального училища в Грунау довольно ограничены. В 1887 г. в нем было всего 22 ученика и 2 учителя. Учителем для преподавания на русском языке был Э.Х. Ставраки, предметы на немецком языке преподавал И. Фей [77, с. 53]. В 1889 г. в училище появился, благодаря стараниям заведующего Э.Х. Ставраки и поддержке губернского директора народных училищ, учитель гимнастики [81, л. 5 об., 16 об.]. Понимая важность педагогической подготовки для учащихся центрального училища, будущих учителей сельских школ, дирекция народных училищ Екатеринославской губернии в 1889 г. предприняла попытку открыть в центральном училище дополнительный педагогический класс. Попытка завершилась тогда неудачей из-за скрытого противодействия пастора Ф.И. Клюдта, настроившего шульцев немецких селений не выделять денег на это благое начинание [81, л. 9, 12–12 об.].

Большая часть сведений о центральном училище в Грунау относится к началу XX вв.: в 1905 г. в училище было 4 учителя и 60 учеников [298, с. 105]. Училище преобразовали в 4-х классное 15 октября 1909 г. [88, с. 388].

Краткие сведения о центральном училище в с. Александроневское Мариупольского уезда сохранила «Памятная книжка Одесского учебного округа на 1913–1914 учебный год» [135, с. 423–424]: училище было 4-х классным с 98 учащимися. Возглавлял его учитель-заведующий (вакансия), вакантной была и одна из должностей учителя. Двумя другими учителями были Энгельберт Готлибович Литвинов (в должности с 15 августа 1913 г., годовое жалование — 1050 руб.) и Василий Иосафович Феофилов (в должности с 1 июля 1913 г., жалование — 960 руб.). Законоучителем в училище служил с 25 февраля 1902 г. Иоганес Георгиевич Голох (Холох) с жалованием 360 руб., пастор местного лютеранского прихода (в 1919 г. он погибнет от рук махновцев) [191, с. 38]).

Более подробная информация о центральном училище в с. Александроневское содержится в «Справочнике на 1916 г. об учебных заведениях Одесского Учебного округа и служащих в них» [88, с. 388]. На 1916 г. в училище было 5 учителей и 76 учащихся, располагалось оно в отдельном собственном здании (см. рис. 17, а, б). Плата за обучение была дифференци-

рованной: безземельные родители из Александроневской и Романовской волостей платили по 20 руб. за ученика, родители, владевшие земельными наделами,— 35 руб.; с иногородних брали по 50 руб. Принимались дети как лютеран, так и католиков. Всего на содержание центрального училища уходило 6680 руб. в год: 3060 руб. собирали сельские общества, 400 руб. предоставляло уездное земство, плата за обучение давала еще 2200 руб., а проценты с училищного капитала — 1020 руб.

Руководил училищем с 1 октября 1913 г. учитель-заведующий Яков Яковлевич Байтингер, закончивший учительский институт; он вел уроки физики, географии и естествознания (жалование — 1300 руб.). Законоучителем евангелистско-лютеранского исповедания, как и ранее, был местный пастор И.Г. Голох (жалование — 320 руб.). Русский язык, историю и гимнастику преподавал Николай Иванович Соколов (закончил учительскую семинарию, в училище — с 1 сентября 1914 г., жалование — 960 руб.). Уроки математики, черчения и пения вел Энгельберт Готлибович Литтиг (Литвинов) с жалованием 1050 руб. Немецкий язык и Закон Божий римско-католического исповедания преподавал с 1 ноября 1913 г. Антон Томасович Сингер (жалование — 1220 руб.). В центральном училище было также две учительницы, которым платили по 600 руб.: Вера Петровна Карнаухова (работала с 1 сентября 1914 г.) и Клара Робертовна Байтингер (с 15 октября 1915 г.).

У центрального училища в Грунау был интернат (общежитие), где жили его ученики из других лютеранских и католических селений, находился интернат на территории современного больничного городка пос. Розовка (см. рис. 8, поз. 7).

Заведующего и всех учителей (кроме местного пастора И.Г. Голоха) обеспечивали квартирами [88, с. 388], размещенными в длинной низкой пристройке к зданию училища (см. рис. 16, а); цела эта пристройка и сейчас.

Интересна история здания, в котором находилось центральное училище. Оно было построено еще в 1847 г. на средства колоний Мариупольского округа для тогдашнего смотрителя колоний барона К.И. фон Штемпеля. В 1881 г. министерство государственных имуществ передало здание министерству народного просвещения для размещения центрального училища Грунау. Текущий ремонт его проводился за счет сельских общин Грунауской и Людвигстальской волостей, но к весне 1890 г. потребовался уже капитальный ремонт: замена кровли, полов, разборка части стены; нужен был новый забор вокруг училищного сада. Директор народных училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинский 30 апреля 1890 г. направил попечителю Одесского учебного округа Х.П. Сольскому письмо с просьбой разрешить использование части неприкосновенного училищного капитала на этот ремонт. Разрешение было получено и капитальный ремонт состоялся летом 1890 г. [191, с. 38; 151, л. б/н]. Здание это сохранилось в пос. Розовка до настоящего времени (ул. Калинина, 10) (см. рис. 17, а, б), сейчас в нем находится музыкальная школа (сообщение Н.С. Лоскот). Здание центрального училища изображено на литографии с видом колонии Грунау (рис. 7, поз. 1), напечатанной около 1880 г. типографией Л. Ницше в Одессе [220, с. 33]. Обозначено центральное училище и на плане Грунау (см. рис. 8, поз. 17), опубликованном в работе А. Принца [191, с. 35].

В 20–30-е годы XX в. немцы-жители пос. Люксембург неофициально называли местную школу-семилетку, существовавшую в поселке, по крайней мере, с 1924 г. [303, с. 64], центральной школой (Zentralschule). Также они именовали и 2-й концентр (2-я ступень, старшие классы с 5-го по 7-й) этой школы, которая и по своей программе, и по контингенту учащихся имела очень мало общего с открытым в 1873 г. центральным училищем. По воспоминаниям старожилов, 2-й концентр школы-семилетки до 1935 г. находился в задании по ул. Калинина, 19, затем школу перенесли в новое здание, построенное на месте лютеранской церкви (сейчас там школа № 2). После 1935 г. здание по ул. Калинина, 19 использовалось, как жилой дом, а затем, в течение многих лет, там находилась в пос. Розовка аптека. Именно с этими фактами связано

бытующее среди краеведов мнение [221, с. 120], что центральное училище Грунау находилось в здании по ул. Калинина, 19.

а)

б)

Рис. 17. Здание в пос. Розовка (ул. Калинина, 10),
где находилось с 1881 г. центральное училище Грунау,
в котором работал учитель Э.Х. Ставраки:
а) фото начала XX в. из книги Я. Штаха [78, рис. 7];
б) фото автора 2 мая 2018 г.

Э.Х. Ставраки проработал в центральном училище Грунау не менее 17 лет (по крайней мере, с 1882 по 1899 гг.) сначала в качестве учителя, затем — в качестве руководителя (учителя-заведующего).

24. Людвигстальская волость.

Как уже указывалось выше (см. комментарий 1), селения (бывшие немецкие колонии), объединенные в Людвигстальскую волость, были включены в состав Мариупольского уезда в соответствии с мнением Государственного совета «Об изменении границ Мариупольского и Александровского уездов Екатеринославской губернии» [304, с. 1237], утвержденным 26 декабря 1872 г. императором Александром II. Большинство этих немецких селений, расположенных в северо-западной части колонистского округа и наиболее удаленных от Грунау, входили с 1 мая 1864 г. в лютеранский Людвигстальский приход, но в состав волости вошли и католические колонии: Эйхвальд, Гетланд (Готтланд) и др. В Людвигстальскую волость входили в 1886 г. следующие немецкие селения [173, с. 30–31]:

Людвигсталь (до 1925 г. — с. Романовка, затем — с. Карла Либкнехта);
Гетланд (Готтланд, сейчас — с. Марьяновка);
Дармштадт (сейчас — с. Новгород);
Елизабетдорф (позднее — с. Елизаветполе, с. Елизаветовка, сейчас — не существует);
Кампенау (позднее — с. Каменское, сейчас входит в состав с. Марьяновка);
Кайзердорф (позднее — с. Царское, сейчас — с. Пробуждение);
Мариенфельд (позднее — с. Марьинполе, сейчас — с. Маринополь);
Мирау (сейчас — с. Мирское);
Нейгоф (сейчас — с. Новодворовка);
Тигенорт (сейчас — с. Антоновка);
Тиргарт (позднее — с. Адамовка, сейчас — не существует);
Эйхвальд (позднее — с. Святотроицкое, сейчас — с. Урицкое).

В 90-е годы XIX в. при массовом переименовании немецких колоний селение Людвигсталь получило русское название Романовка, поэтому Людвигстальская волость стала Романовской.

25. «… иметь льготу по воинской повинности».

В соответствии с «Уставом о воинской повинности» [113], действовавшим в Российской империи с 1 января 1874 г., все мужское население, без различия сословий (за некоторыми исключениями), подлежало воинской повинности, служить должны были и немецкие колонисты, лютеране и католики, жившие в Мариупольском колонистском округе. Общий срок военной службы составлял в сухопутных войсках 15 лет, на флоте — 10 лет, из которых действительная военная служба равнялась 6 годам на суше и 7 — на флоте. Остальное время приходилось на службу в запасе (9 лет в сухопутных войсках и 3 — на флоте). Призывникам, окончившим учебные заведения, предоставлялись льготы, заключавшиеся в сокращении срока действительной службы (и продлении службы в запасе, чтобы в сумме получились все те же 15 лет). Все учебные заведения в России были разбиты на 4 разряда в отношении несения воинской повинности [305, с. 258–263]. Сельская начальная лютеранская школа в Грунау (Э.Х. Ставраки называет ее сельским училищем), которую заканчивали все колонисты-лютеране, относилась к самому низкому 4 разряду в отношении этих льгот, ее выпускники служили в сухопутных войсках на действительной службе 4 года и 11 лет — в запасе [305, с. 262–263]. Центральное училище в Грунау относилось к более высокому 3 разряду [83, с. 79], поэтому закончившие его служили лишь 3 года на действительной службе и 12 лет находились в запасе [305, с. 265]. В 1886 г. сроки службы, как на общих основаниях, так и для льготников по образованию, были пересмотрены в сторону увеличения.

26. Кистер, кюстер (der Küster).

Кистер (от латинского custos — сторож) у протестантов — смотритель церковных зданий, у которого хранятся ключи от них и священные сосуды. Местами должность кистера соединяется с должностью школьного учителя. В России, согласно уставу евангелическо-лютеранской церкви, кистеры, хотя и именуются церковными служителями, но служат по найму и к духовенству не причисляются. Избирается кистер проповедником вместе с церковным попечительством [306, с. 168]. У лютеран должность кистера появилась в XVI в.; в России, в немецких колониях, кистер часто был также органистом и писарем. Э.Х. Ставраки называет кистера диаконом, что не совсем точно. Многообразные обязанности, возлагаемые в колониях на лютеранского кистера, в русской православной церкви были распределены между диаконом, пономарем и экономом.

27. «Русский язык проходится в немецких сельских школах как какой-нибудь древний язык, [древне]греческий или [древне]еврейский …».

Колонисты Мариупольского округа, прибывшие из Пруссии и различных германских княжеств, совершенно не знали русского языка. Исключение составляли жители колоний Беловеж,

Кальчиновка, Рундевизе, Гросвердер и Кляйнвердер. Они прибыли в 1831–1832 гг. из немецких колоний Черниговской губернии [183, с. 186–188; 307, с. 16–19] уже изрядно обрусевшими, освоившими малороссийский диалект русского языка, так как их предки переселились в Россию еще в 1766 г. [107, приложение II, с. 20]. Жители остальных колоний Мариупольского округа до конца 60-х годов XIX века знакомились с русским языком лишь в процессе общения с нанимаемыми работниками из соседних греческих и русских сел (из Дерт-Обы, позднее — с. Новый Керменчик, сейчас — Новомлиновка; из Темрюка, сейчас — с. Старченково), так как в немецких сельских школах (а других школ в округе не было) обучение шло исключительно на немецком языке.

Пионерами преподавания русского языка в школах иностранных колоний юга России были меннониты. Еще в 1828 г. известный меннонит И. Корнис (1789–1848) в своем «Публичном призыве ко всем друзьям школы» говорил о «… необходимости обучения русскому языку наших детей». Первыми учителями, преподававшими русский язык в Молочанском меннонитском округе, были Т. Фот (работал в 1822–1829 гг., приглашен И. Корнисом из Пруссии, где работал учителем в городском училище), Г. Гаазе (работал в 1829–1847 гг.) и М. Ридигер (1847–1848 гг.) [309, с. 63].

Понимая ненормальность сложившейся ситуации, Попечительный комитет принимал посильные меры для ее исправления, 18 июня 1868 г. он предписал учителям немецких сельских школ ежедневно посвящать 1–2 часа обучению детей русской грамоте, но предписание не было исполнено: в колониях не нашлось учителей, владеющих русским языком [111, с. 176].

Главная проблема состояла в том, что немецкая сельская школа имела выраженный религиозный, конфессиональный характер. Эта школа первоначально возникла из воскресных катехизисных поучений лютеранского пастора или его помощника (кистера), основной задачей школы считалась подготовка детей к восприятию религии, обучение в ней рассматривалось как некое дополнительное церковное таинство между крещением и конфирмацией, вводящей ее выпускника полноправным членом в лютеранскую общину [107, с. 407]. Учители немецких сельских школ в колониях часто исполняли по совместительству, за дополнительное вознаграждение, обязанности кистера и органиста. В 1855 г. по распоряжению евангелическо-лютеранской консистории все учители таких школ были объявлены кистерами и попали в прямое и непосредственное подчинение к лютеранским пасторам, все прочие их занятия (включая преподавание) стали побочными. Это еще более усугубило конфессиональный характер школы в колониях, лютеранские пасторы категорически не допускали в немецкие сельские школы православных учителей (русских, греков), для которых русский язык был родным, и которые только и могли вести его преподавание на достойном уровне.

Кардинальным решением проблемы стало открытие в немецких колониях центральных училищ, куда принимались, после окончания сельских школ, дети колонистов-лютеран, католиков и меннонитов, обучение в училищах проводилось по всем предметам (кроме религии) на русском языке. Выпускники этих училищ, хорошо владея русским языком и оставаясь по своему вероисповеданию лютеранами, католиками и меннонитами, уже могли идти в колонистские сельские школы учителями русской словесности.

В Грунау Центральное училище открылось в 1873 г. [301, с. 421], общий курс обучения был рассчитан на 4 года, еще 2 года желающие стать учителями должны были заниматься в специальном педагогическом классе при училище [83, с. 79]. Первые выпускники училища могли прийти учителями в сельские школы Мариупольского округа лишь в начале 80-х гг. XIX в. До этого (а часто, и позднее) русский язык в сельских начальных школах преподавался немецкими учителями-кистерами, которые и сами владели этим языком очень плохо, обучение сводилось к механическому чтению (без понимания прочитанного), самым примитивным навыкам письма по прописям, разговорной речи практически не учили. Это неоднократно отмечал

Н.А. Корф, член Александровского уездного училищного совета, в своих отчетах и докладах совету по результатам обследования немецких сельских начальных школ в Мариупольском округе [109, 111].

Через 20 лет после обследования Н.А. Корфа, на рубеже 80–90-х гг. XIX в., ситуация с преподаванием русского языка в сельских школах немецких селений бывшего Мариупольского округа практически не изменилась к лучшему. Наглядно показали это ревизионные поездки в 1888–1889 гг. директора народных училищ губернии А.И. Малевинского и инспектора Г.М. Нечипоренко по школам бывших колонистов в Александроневской и Бергтальской волостях [81, л. 1–1 об; 4–4 об.; 11 об.].

Таким образом, Э.Х. Ставраки совсем «не прегрешил против истины» в своей рукописи 1884 г., сравнив обучение русскому языку в немецких сельских школах с преподаванием «мертвых» древних языков, которые не являлись родными ни для учителя, ни для учеников.

28. «… а на хорах помещен очень хороший и большой орган, стоящий до трех тысяч рублей».

Орган в Грунау появился в 1870 г. в новом здании лютеранской церкви, освященном 15 августа 1865 г., он имел 12 регистров и был изготовлен известной фирмой «E. F. Walker & Co» в Германии, в г. Людвигсбурге (земля Баден-Вюртемберг) [286, с. 2; 308, с. 141–142]. В 80–90-е гг. XIX в. органистом церкви прихода Грунау был Вольдемар Клюдт, дядя тамошнего пастора Ф.И. Клюдта, являвшийся одновременно кистером, учителем в местной сельской начальной школе и писарем в сельской управе Грунау [141, с. 57].

Имелся орган и в католической церкви колонии Эйхвальд (позднее — с. Святотроицкое, затем — Урицкое) Мариупольского округа, построенной в 1871 г., а также в церкви молочанской колонии Гейдельберг. Первый орган был привезен в Гейдельберг из Германии (Шварцвальда), но позднее в колонии Карлсруэ (Херсонской губернии) появился местный мастер-умелец из немецких колонистов, который научился делать эти инструменты (интересно, что сам он играть на органе не умел). Этот мастер, в частности, изготовил орган для церкви в Эйхвальде [105, с. 259–260].

Печальная судьба постигла орган в Грунау: в 1935 г. после сноса лютеранской церкви и строительства на ее фундаменте школы (современная школа № 2) школьники делали из органных труб скворечники [286, с. 2].

29. «…немецкие общества заключают с учителями контракты …».

Учитель (шульмейстер) в лютеранской общине традиционно являлся помощником пастора (как и кистер), но к духовенству не причислялся и служил по найму, получая плату в соответствии с условиями контракта. В немецких колониях очень часто учитель, за дополнительную плату, исполнял также обязанности кистера, а иногда и органиста или писаря [107, с. 377]. «Устав Евангелическо-лютеранской Церкви в России» от 28 декабря 1832 г. [264, с. 956–1022] и «Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в Империи» (1857 г.) [297, с. 1–100] ставили учителя в полную зависимость от духовенства (консистории, пастора, церковных старост). В 1855 г. С. Петербургская консистория издала распоряжение, по которому все учители начальных сельских школ в колониях стали считаться кистерами, которые, кроме основных обязанностей, должны были также и «… обучать детей чтению, катехизису и письму» [107, с. 377].

Деньги для платы «шульмейстерам» взымались с колонистов (Ст. 230 «Свода учреждений и уставов о колониях иностранцев …»), за уклонение от этой денежной повинности было предусмотрено наказание (Ст. 455) [297, с. 40, 77]. Кроме денежных выплат, учителю, в соответствии с условиями договора (контракта), могли предоставляться для личной обработки или сдачи в аренду земельные участки, жилье, отопление, могло также выдаваться в качестве натуральной оплаты зерно. Вот что получали учители начальных сельских школ в Грунау и двух ближайших колониях в начале 60-х гг. XIX в. [269, с. 195–196]:

— школа в Грунау: учитель получал 65 руб. в год деньгами, земельный участок в 9 десятин, по 3 четверти и 3 четверика зерна пшеницы, ржи и ячменя;

— школа в колонии Кронсдорф: 50 руб. в год, земельный участок в 3 десятины и 3 десятины луга, по 3 четверти и 4 четверика пшеницы, ржи и ячменя, жилье, отопление и добровольные даяния членов общины (акциденции);

— школа в колонии Розенберг: 26 руб. 24 коп. в год, земельный участок в 6 десятин, по 3,25 четверика пшеницы, ржи и ячменя, жилье, отопление и даяния членов общины.

На должности учителей в сельских начальных школах колоний часто попадали люди, не имевшие никакого педагогического образования и опыта преподавания. Весной 1868 г. известный педагог и член земского училищного совета Александровского уезда барон Н.А. Корф в школе католической колонии Готтланд (сейчас — с. Марьяновка) встретил нового учителя, нанятого общиной за 120 руб. в год, который всего год назад приехал из Пруссии, где был пивоваром [109, с. 152].

Договоры между учителями и обществами о размере содержания, сроке службы и исполнении обязанностей были официально запрещены «Циркулярным предложением» министерства народного просвещения от 3 августа 1892 г. [160, с. 14–15].

30. Иванов день (24 июня).

До принятия христианства у многих народов 21 июня праздновался день летнего солнцестояния. У христиан этот языческий праздник трансформировался в Иванов день — 24 июня католическая церковь отмечает рождество Иоанна Крестителя. День летнего солнцестояния приходится на 21 июня, когда к нему приурочили день рождения Иоанна Крестителя, празднование было перенесено на ночь с 23 на 24 июня. 23 июня — канун Иванова дня, празднование начиналось с заходом солнца и продолжалось всю ночь и весь следующий день. Традиции и обряды праздника были связаны с огнем, водой и целебными растениями. В эту ночь разжигали костры и водили вокруг них хороводы, а иногда и прыгали через огонь. Огню приписывали очищающие свойства [310]. В лютеранской религии, в отличие от католицизма, рождество Иоанна Крестителя не празднуется, поэтому у немецких колонистов-лютеран, жителей Грунау, традиции зажигания огня в ночь с 23 на 24 июня считались непонятными и нелепыми суевериями.

31. «В Грунау находится еще так называемый «плантаж» …».

Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев (1800–1818 гг.) и Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России (с 1818 г.) уделяли в первой половине XIX в. большое внимание посадке в немецких колониях фруктовых и декоративных деревьев. Еще при главном судье опекунской конторы С.Х. Контениусе было введено правило, что каждое колонистское хозяйство должно засадить лесом половину десятины земли. Распространение фруктовых садов и лесных насаждений в колониях продолжилось при первых председателях Попечительного Комитета генерале И.Н. Инзове (1818–1845 гг.) и статском советнике Е.Ф. фон Гане (1845–1849 гг.), последний был особенно последователен и непреклонен в своем постоянном требовании к колонистам: «Здесь должны расти деревья!» [78, с. 59; 190, с. 45].

Попечительный комитет считал вопрос лесонасаждения в приазовской степи насколько важным, что не останавливался для его решения перед обращением в самые высокие инстанции. 16 октября 1825 г. ближайший сподвижник И.Н. Инзова, действительный статский советник С.Х. Контениус, обратился к императору Александру I с любопытным письмом. Его передал лично в руки императору член комитета коллежский советник А.М. Фадеев, находившийся в Молочанских колониях осенью 1825 г. при посещении их Александром I. Вот содержание этого письма (оригинал написан на французском языке):

«Государь! Прошу милостивого снисхождения позволить мне осмелиться изложить Вашему Императорскому Величеству мысль, постоянно лежащую у меня на сердце с самого начала колонизации. Величайший недостаток этой хорошей страны, есть недостаток леса. Я убежден,

что эта самонужнейшая потребность может быть воспроизведена в нашем крае. Возникающая плантация и насаждения по берегу реки Молочной служат доказательством моего утверждения. Правда, что начало предприятия может встретить затруднения, не потому, чтобы качество почвы противилось тому, но потому, что случайная сухость нашей атмосферы может иногда представлять препятствия, которые, однако, несомненно побеждаются настойчивостью. Я написал по этому поводу проект и относящуюся к нему инструкцию; прошлые бедственные годы, с одной стороны, — и отвращение земледельца крестьянина ко всякому труду, требующему времени и терпения, с другой, — замедлили их выполнение. Государь! Августейшее присутствие Вашего Императорского Величества в колониях, могло бы послужить к созданию для первого начала восьмисот десятин леса, если бы Вам было благоугодно объявить старшинам колонистских поселений, что для существенного блага их самих и их потомства Вы желаете, чтобы каждый отец семейства насадил и возделывал последовательно хоть половину десятины леса скоро растущих видов деревьев, в том числе акацию, везде удающуюся: и можно с достоверностью предполагать, что чрез десять лет, когда убедятся в успехе предприятия, найдутся благонамеренные хозяева, которые пожелают оставить своим детям и целую десятину леса, составляющего одну из первых потребностей для человеческого существования. Одно слово, одно милостивое увещание, произнесенное по этому поводу Вашим Императорским Величеством, заставило бы исчезнуть сопротивление колонистов к полезному делу и заставило бы их сделать все, что человечески возможно, для исполнения верховной воли Августейшего Императора, обожаемого ими» [209, с. 52].

Общественный сад («плантаж») в Грунау был заложен на 11 десятинах в 1827 г., однако в последующие годы им никто не занимался и сад был фактически заброшен [311, с. 65]. В 1829 г. на «общественной плантации» в Грунау росло 460 лесных деревьев (фруктовых — не было). В тот же год во всех 19 колониях Мариупольского округа у частных владельцев уже «произрастало»: 37048 фруктовых деревьев, 1654 тутовых и 11046 лесных деревьев [192, л. 200]. Тогдашний «плантаж» — это самая старая часть «общественной плантации», расположена она была традиционно — к востоку от Грунау, чтобы прикрыть селение от ветров (см. рис. 6; рис. 8, поз. 23).

Гораздо позднее, в конце XIX в., в Грунау был заложен еще один общественный сад, который колонисты также называли «плантажем». Там были не только фруктовые, но и лесные деревья, а располагался этот сад на месте современного больничного городка в пос. Розовка (см. рис. 8, поз. 21).

Подробный рапорт комиссара (смотрителя) Мариупольского округа Ф.К. Киршнера за 1830 г. позволяет выяснить, какие фруктовые и лесные деревья росли тогда в Грунау, и каким плодовым деревьям колонисты отдавали предпочтение. Из плодовых деревьев больше всего было вишен (1140 шт.), далее шли сливы (176 шт.), яблони (122 шт.), абрикосы (53 шт.), груши (39 шт.). Кроме того, в Грунау «произрастали» тогда 3 ореховых дерева, 4 персика и даже 73 куста винограда. Лесные деревья были представлены белой акацией (1284 шт.), вербой (61 шт.), кленом (58 шт.), тополем (58 шт.), дубом (17 шт.), осиной (11 шт.). Для кормления шелковичных червей хозяева посадили в Грунау и 12 тутовых деревьев (так называли тогда шелковицу) [193, л. 43].

Лишь в 1835 г. на захиревший первоначальный «плантаж» обратил внимание тогдашний член Попечительного Комитета коллежский советник А.М. Фадеев, он поручил колонисту из Грунау Х. Классену надзор за этим садом, а его помощником стал И. Рожинский из колонии Эйхвальд.

Дело улучшения общественного сада в Грунау сначала шло непросто, большинство колонистов не видело в этой затее особого смысла. Со временем распорядительность и энергия Х. Классена, старательность садовника И. Рожинского и всесторонняя поддержка, оказываемая им А.М. Фадеевым и инспектором колоний К.И. Штемпелем (см. комментарий 32), сделали свое дело. К 1847 г. в саду Грунау было 1427 взрослых фруктовых деревьев, еще 32 тыс. саженцев

росли в семенных рассадниках и питомниках. Кроме плодовых, в саду было очень много лесных (декоративных) деревьев: 1768 взрослых и свыше 200 тыс. саженцев, в том числе более 5 тыс. саженцев декоративных кустарников для живых изгородей. Тутовое дерево (шелковицу) тогда не относили к фруктовым деревьям, его выращивали для кормления червей (гусениц) тутового шелкопряда, коконы которого служили сырьем для производства шелка. Поэтому среди лесных деревьев в саду числились и 18 тыс. саженцев шелковицы. Общественный сад давал колонии возможность заработать, за два года (1845–1846 гг.) было продано колонистам Мариупольского округа и всем желающим свыше 11 тыс. саженцев фруктовых деревьев. Более 11 тыс. саженцев шелковицы из сада были просто подарены колонистам, изъявившим желание заниматься шелководством [78, с. 41]. Х. Классен и И. Рожинский приняли активное участие в лесных насаждениях других колоний Мариупольского округа, с 1844 г. во всех 23 колониях было посажено свыше 80 тыс. лесных деревьев, более 40 тыс. деревьев шелковицы, много шелковицы было посажено и в живых изгородях (более 90 тыс. деревьев). В ближайших к Грунау колониях было посажено только лесных деревьев (кроме шелковицы) [78, с. 42]:

Киршвальд (сейчас — с. Вишневатое) — 6984 шт.;
Шенбаум (сейчас — с. Листвянка) — 3419 шт.;
Тигенгоф (сейчас — с. Азов) — 1786 шт.;
Кронсдорф, колония № 5 (вошла в состав п. Розовка) — 4636 шт.;
Виккерау (сейчас — с. Кузнецовка) — 5628 шт.;
Рейхенберг (сейчас — с. Богатовка) — 6546 шт.;
Эйхвальд (сейчас — с. Урицкое) — 2099 шт.;
Розенберг, колония № 7 (вошла в состав п. Розовка и с. Зоряное) — 5183 шт.;
Рундевизе (сейчас — с. Луганское) — 2397 шт.;
Кляйнвердер (сейчас — с. Первомайское) — 1879 шт.

Эти масштабные лесонасаждения были обеспечены саженцами из общественного сада Грунау.

В октябре 1847 г. И. Корнис ходатайствовал о награждении колонистов Мариупольского округа, добившихся наибольших успехов в насаждении плодовых и лесных деревьев. В январском номере популярной у колонистов газеты «Unterhaltungsblat» за 1848 г. было опубликовано сообщение о поощрении Императорским южно-русским сельскохозяйственным обществом колонистов Мариупольского округа денежными премиями [105, с. 168]. Х. Классен получил 150 рублей серебром (ранее он уже был награжден за успехи в лесоразведении малой серебряной медалью), П. Шульц (Грунау) — 50 руб., И. Рожинский (Эйхвальд) — 50 руб., И. Шмидт и И. Кипке (оба из колонии Розенберг) получили по 50 руб.

Отмеченный в рукописи Э.Х. Ставраки упадок общественного сада в Грунау в 80-х годах XIX в. носил, судя по всему, временный характер и скоро был преодолен. Вот что пишет Я. Штах (23.09.1865–23.11.1944), уроженец Грунау, о лесных насаждениях в Мариупольском округе и состоянии общественного сада в 1916 г.: «Все насаждения в Мариупольском колонистском округе, о которых идет здесь речь, процветают и в настоящее время. Кроме того, насаженный на 11 десятинах общественный сад или «плантация», как его называют, служит украшением колонии. Среди густой зелени этого обширного общественного сада находится в настоящее время Александроневское (бывшее Грунауское) волостное правление, почтовая контора, общежитие учеников Центрального училища и выстроенная земством ветеринарная лечебная станция» [105, с. 168]. Общественный сад Грунау до настоящего времени не сохранился, находился он к востоку от современной улицы Пушкина в пос. Розовка (где сейчас — улица Юбилейная), старые деревья на территории современного больничного городка также являются остатками былого общественного сада.

Посаженные почти 180 лет назад в Мариупольском колонистском округе общественные рощи (леса) располагались, чаще всего, к востоку от каждой из колоний (см. рис. 6; рис. 8, поз 23), для прикрытия хозяйств колонистов от преобладающих в этой местности восточных ветров. У некоторых современных сел Розовского района (бывших колоний) лесные насаждения колонистов в той или иной мере уцелели до настоящего времени (у Кузнецовки, Луганского, Первомайского, см. рис. 9, поз. 7–9), хотя и сильно пострадали от бесконтрольной вырубки во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. В пос. Розовка частично уцелел только лес колонии Кронсдорф (№ 5), он расположен к востоку от современной улицы Гоголя (см. рис. 9, поз. 9).

32. «Ах, нет барона Штемпеля …».

Имеется ввиду отставной штаб-ротмистр барон Карл Иванович фон Штемпель — инспектор (смотритель) в Мариупольском колонистском округе, Мариупольском меннонитском округе и в Бердянских колониях, служивший позднее попечителем еврейских колоний в Екатеринославской губернии [190, с. 52–53]. К.И. Штемпель запомнился колонистам своим строгим управлением и стремлением к порядку, но его предшественник на посту смотрителя титулярный советник Ф.К. Киршнер был в этом отношении не менее примечателен.

Франц Карлович Киршнер (1780–1850), католик, начал свою службу в Новороссийской конторе опекунства иностранных поселенцев в 1808 г., в 1813–1815 гг. он служил там копиистом. В 1815–1820 гг. Ф.К. Киршнер был смотрителем немецких колоний в ряде округов, затем бухгалтером в Попечительном комитете (1820–1822 гг.). Он сыграл важную роль в заселении колоний Мариупольского округа и их развитии, будучи в 1822–1833 гг. комиссаром Попечительного комитета для принятия и отвода колонистских земель. С ноября 1833 г. по 1842 г. Ф.К. Киршнер был смотрителем немецких колоний 3-го округа, включавшего мариупольские и бердянские колонии, а последние годы жизни (1842–1850 гг.) он служил смотрителем колоний Шведского округа. Его сын Иосиф Карлович Киршнер был в 1834–1847 гг. письмоводителем и канцеляристом при смотрителе 3-го округа. Прослужив 20 лет в Мариупольских колониях, Ф.К. Киршнер не снискал уважения и благодарной памяти колонистов. Его деятельность, построенная исключительно на строгих наказаниях и штрафах, вызывала постоянное недовольство колонистов, а его сына обвиняли в служебных злоупотреблениях [78, с. 8; 190, с. 53; 312, с. 31; 191, с. 37; 313, с. 76, 201; 314, с. 342; 315, с. 45–46, 284–285].

В Одесском архиве (ГАОО, фонд 6, опись 1) среди документов Попечительного комитета отложился ряд дел о наказаниях, которым подвергал колонистов Ф.К. Киршнер за разного рода проступки, не подпадавшие под действие тогдашнего уголовного законодательства (недостойное поведение в церкви, мелкие кражи, пьянство, бродяжничество, курение трубок на улице в «пожароопасный» летний сезон, нанесение побоев и т.д.) [76, с. 102–103; 316, с. 145–146, 151, 201]. Виновным назначались, в виде наказания, принудительные общественные работы, штрафы, кратковременное заключение под стражу в Екатеринославе, важным элементом воспитания нерадивых и недисциплинированных колонистов у Ф.К. Киршнера была порка розгами. Вскоре после своего назначения смотрителем Мариупольского округа осенью 1834 г. он обратился в Попечительный комитет с рапортом, в котором просил разрешения на телесные наказания колонистов за бродяжничество (отлучку из селений без разрешительных документов). Комитет не возражал против такой воспитательной меры, но предложил, в качестве альтернативы, использовать также и общественные работы [317, л. 1–2].

Уже в то время в немецких сельских колонистских общинах прочно укоренились начала самоуправления и демократии: просто выпороть колониста смотритель никак не мог, сначала следовало оформить приговор общины, утвердить его в Попечительном комитете, и только тогда можно было проводить экзекуцию. В сентябре 1838 г. получили по 20 ударов розгами Ф. Оберман и М. Клейн из колонии Мирау, в 1839 г. 25 ударов были даны Л. Оленбургеру (колония Розенгарт) за нанесение им побоев шульцу селения К. Бехтольду [316, с. 151, 201].

С большой долей уверенности можно утверждать, что относительный порядок, законопослушность и внешнее «благолепие», которые отмечались позднее в немецких колониях, основаны были не только на благочестивых воскресных проповедях пасторов, но и на памяти колонистов о розгах строгого смотрителя Ф.К. Киршнера.

В 1842 г. новым смотрителем Мариупольского и Бердянского (3-го) колонистского округа был назначен отставной штаб-ротмистр барон Карл Иванович фон Штемпель (настоящее имя при крещении — Христоф Карл Фридрих Гедеон). С 1846 г. в его ведении оказался и Мариупольский меннонитский округ, К.И. Штемпель занимался не только вопросами хозяйственного развития колоний, он должен был также следить за поведением, нравами и бытом колонистов. В 1848 г. Попечительный комитет назначил его попечителем по делам еврейских колоний в Екатеринославской губернии, а смотрителем всех немецких колоний 3-го округа (мариупольских и бердянских) стал на непродолжительное время коллежский секретарь Евгений Дмитриевич Розенберг. С 1849 г. и до отъезда за границу в 1857 г. К.И. Штемпель совмещал две важные должности: попечителя еврейских колоний Екатеринославской губернии и смотрителя всех немецких колоний 3-го округа [315, с. 328; 318, с. 284–285].

В отношении немецких и еврейских колонистов К.И. Штемпель был строг, совместно с тогдашним пастором Хольтфретером боролся с ночными танцами и пьянством в немецких колониях, жестоко пресекал лень и бесхозяйственность у евреев-земледельцев [183, с. 174]. В 40-е годы XIX в. он оказывал действенную помощь и поддержку известному колонисту Х. Классену в его усилиях по расширению и совершенствованию «плантажа» (общественного сада) в Грунау, содействовал посадке деревьев во всех колониях округа [78, с. 41; 105, с. 166]. В 1843 г. по совету К.И. Штемпеля южнее колонии Элизабетдорф (колония № 18, позднее Елизаветовка, Елизаветполь, сейчас — не существует) был заложен кирпичный завод, который выпускал отличный красный кирпич для строительства домов [183, с. 185].

В конце июля 1855 г. в Грунау два дня находился А. Петцольд, известный ученый-агроном, профессор Дерптского (Тартусского) университета, его целью было ознакомление с хозяйствами соседних еврейских колоний. К.И. Штемпель в то время оставался попечителем еврейских колоний, но был в отъезде, сопровождал А. Петцольда в его поездке по еврейским и греческим селениям один из подчиненных К.И. Штемпеля [319, с. 359].

Во время Крымской войны в 1855 г. «попечителю еврейских поселений» штаб-ротмистру барону К.И. Штемпелю было объявлено «монаршее благоволение» Александра II за предоставление подвод колонистами Екатеринославской губернии действовавшим в Крыму войскам [320, с. 165].

В феврале 1857 г. К.И. Штемпель обратился в Попечительный комитет с ходатайством о предоставлении ему отпуска на 4 месяца для поездки заграницу [299]. В Россию он не вернулся, как пишет Э.Х. Ставраки: «Напроказив в чем-то, сей господин скрылся в Швейцарию» [2, л. 7]. К маю 1869 г. К.И. Штемпеля не было в живых, в деловой переписке его жену уже именовали вдовой [299].

В 1859–1861 гг. попечителем еврейских колоний в Екатеринославской губернии был коллежский асессор Юстин Карлович Битнер, а смотрителем всех Мариупольских и Бердянских немецких колоний — коллежский секретарь Франц Федорович Штейн [47, с. 381–382; 321, с. 345–347; 322, с. 308–310]. Известно, что весной 1867 г. инспектором (смотрителем) как немецких, так и еврейских поселений в Мариупольском округе служил коллежский регистратор Н.Н. Демочани [111, с. 152, 168–169, 187; 323], позднее (в 1874–1880 гг.) — городской голова Александровска (сейчас — г. Запорожье). К весне 1868 г. инспектором немецких Мариупольских и Бердянских колоний стал коллежский асессор Иосиф Гаврилович Чернявский, он служил в этой должности до 1870 г. Н.Н. Демочани также оставался инспектором в еврейских поселениях до 1870 г., в 1871 г. его сменил надворный советник Петр Павлович Гладун, а в 1872 г. еврейскими колониями Екатеринославской губернии управлял помощник попечителя коллежский регистратор Федор Антонович Уласевич [61, с. 144, 159; 22, с. 89; 26, с. 86; 50, с. 92].

Вот тот круг лиц, которые в 1822–1872 гг. руководили от имени Попечительного комитета немецкими и еврейскими колониями Мариупольского округа, но жителям Грунау, бывшим немецким колонистам, более всего запомнился К.И. Штемпель строгостью управления и стремлением к порядку.

Жил К.И. Штемпель в колонии Грунау, в доме, построенном для него в 1847 г. за счет средств сельских обществ подведомственных ему колоний. После упразднения Попечительного комитета в 1877 г. здание оставалось в ведении министерства государственных имуществ, оно было передано в 1881 г. под размещение центрального училища в Грунау [190, с. 64; 191; с. 38; 151, л. б/н]. Дом этот в пос. Розовка сохранился до настоящего времени (ул. Калинина, 10, в нем располагался в 50–80 гг. XX в. кинотеатр им. А.М. Горького (рис. 17, а, б), сейчас там расположена музыкальная школа (сообщение Н.С. Лоскот).

Остается неясным, о каких именно «проказах», вынудивших попечителя еврейских колоний К.И. Штемпеля бежать в Швейцарию, упоминает в своей рукописи Э.Х. Ставраки. На определенные размышления наводят два дела среди документов Попечительного комитета, хранящихся в Крымском архиве (ГАРК, фонд 6, опись 127) [299]:

1. Дело № 41. О выданных бывшему смотрителю Штемпелю бывшим обер-шульцем Мариупольского колонистского округа Югусом из сиротской кассы 500 руб. ассигнациями. 17.01.1867–27.11 1869.

2. Дело № 105. По отношению Екатеринославского губернского правления об ревизовании Департаментом военных отчётов книг смотрителя колоний 3-го округа барона Штемпеля о приходе и расходе денег на содержание больных и раненых чинов в 1855 и 1856 годах. 23.05.1868–30.11.1871.

Крымская война ведь известна в истории России не только героической обороной Севастополя, но и расцветом чиновничьего казнокрадства и злоупотреблений. Похоже, что барон К.И. Штемпель в какой-то момент не устоял перед соблазном «запустить руку в казенный карман» и в общественные фонды колоний.

Любопытную характеристику деятельности К.И. Штемпеля дал граф И.В. Канкрин, один из крупнейших землевладельцев в Екатеринославской губернии, предводитель дворянства в Мариупольском и Александровском уездах: «Барон Штемпель был человек выдающейся энергии, распорядительный, строгий и высоко бескорыстный начальник. Живя вблизи новых поселений в колонии Грунау (Мариупольского уезда), он постоянно и всегда врасплох объезжал еврейские колонии, обходил дворы, хаты, осматривал хозяйства и работы, делал внушения, чаще всего прибегая к палке» [232, с. 252]. Вряд ли граф В.И. Канкрин, принадлежавший к узкому кругу влиятельной и весьма информированной губернской элиты, ничего не знал о «проказах» К.И. Штемпеля, скорее всего, здесь сработали сословная дворянская солидарность и нежелание «выносить сор из избы».

33. Арндт.

Арндт Эрнст Мориц (Arndt, Ernst Moritz) (1769–1860 гг.), немецкий поэт, публицист, историк. В борьбе с Наполеоном воодушевлял немецкий народ своими патриотическими стихотворениями, полными энтузиазма и самоотверженной любви к родине. Его стихи, положенные на музыку, пела в те времена вся Германия [324, 325].

34. Кернер.

Кернер Карл Теодор (Körner, Karl Theodor), (1791–1813 гг.) — немецкий поэт-патриот, участник войны за освобождение Германии от владычества Наполеона. К его патриотическим, горячим, искренним песням подобрал музыку основоположник немецкой романтической оперы композитор Вебер (C.M. von Weber) (1786–1826 гг.) и они быстро распространялись между патриотической молодежью. Песни были изданы в 1814 г. отцом Кернера уже после гибели поэта под названием «Leier und Schwert», выдержали за несколько лет десятки изданий [326].

Источники и литература

1. Лях, К.С. Синдром Робинзона Крузо: парадоксы интеграции немецкоязычных колонистов в мультиэтничную среду южной Украины (XIX — начало XX в.) / К.С. Лях // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета.— 2006. — Вып. 20. — С. 94–101.

2. Ставраки, Э.Х. Грунау (описание с. Грунау, Мариупольский уезд)/ Э.Х. Ставраки. 31 декабря 1884 г. Институт рукописей. Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского, ф. V, д. 708.

3. Уоллес, Д.М. Россия / Д.М. Уоллес. Т. 2. — СПб.: О.И. Бакст, 1881.— 467 с.

4. Метрическая книга Керченского Свято-Троицкого собора за 1853 г. — Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК), ф. 289, оп. 1, д. 9.

5. Эраст (мужское имя). [Электронный ресурс]. URL: http://www.imenator.ru/mujskie/imena/eerast (Дата обращения: 18.02.2017).

6. Из истории Керчь-Еникальских греков. Центр греческих исследований им. В.Х. Кондараки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/wub95/posts/957485320976275 (Дата обращения: 21.10.2020).

7. Таврическое дворянское депутатское собрание. О внесении в родословную книгу дворян Таврической губернии рода Ставраки. — ГАРК, ф. 49, оп. 1, д. 6400.

8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.— 870 с.

9. Зенкевич, Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками / Х.Х. Зенкевич. — Керчь: Скоропечатная типолитография Х.Н. Лаго и К°, 1894.— 162 с.

10. Общие собрания департаментов Сената. 1837 г. Об установлении прав греков и татар, проживающих в России на причисление к дворянству. Список греков и татар-магометан Таврической губернии, представивших в дворянское депутатское собрание документы на право причисления к дворянству. — РГИА, ф. 1330, оп. 5, д. 2149. [Электронный ресурс]. URL: https://rgia.su/object/4263647 (Дата обращения: 21.10.2020).

11. Метрическая книга Успенского собора г. Еникале за 1816 г. — ГАРК, ф. 309, оп. 1, д. 1.

12. Мосхури, И. В. Греки в истории Севастополя: Монография. Ч. 1 / И.В. Мосхури. — Севастополь: Стрижак-Пресс, 2005.— 595 с.

13. Михаил Ставраки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.myheritage.com/names/михаил_ставраки?lang=RU (Дата обращения: 21.10.2020).

14. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1815 г. ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 1.

15. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1826 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 1.

16. Метрическая книга Предтеченской церкви г. Керчи за 1866 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 7.

17. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1814 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 1.

18. Метрическая книга Предтеченской церкви г. Керчи за 1832 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 6.

19. Таврическое дворянское депутатское собрание. Родословная дворянская книга Таврической губернии за 1836 г. Ч. 2. Родословная и доказательства о дворянстве поручика Николая Ивановича Ставраки. — ГАРК, ф. 49, оп. 1, д. 6619.

20. Метрическая книга Керченского Святотроицкого собора за 1855 г. — ГАРК, ф. 289, оп. 1, д. 10.

21. Метрическая книга Иоанно-Предтеченской церкви г. Керчи за 1865 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 5.

22. Новороссийский календарь на 1873 г., издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора под редакциею В. Михневича. — Одесса: Типография П. Францова, 1872.— 280+168+26 с.

23. Метрическая книга греческой Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1875 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 8.

24. Арбатская, Ю. Садовники Крыма. Именной список лиц, служивших в садоводстве на территории полуострова за два века его истории / Ю. Арбатская, К. Вихляев. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kajuta.net/node/3280 (Дата обращения: 21.10.2020).

25. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1836 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 2.

26. Новороссийский календарь на 1871 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора: с картою железных дорог Российской Империи. — Одесса: Городская типография, 1870.— 360 с.

27. Метрическая книга Иоанно-Предтеченской церкви г. Керчи за 1873 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 6.

28. Кваснюк, И.Г. Первопроходцы профессионального нотариата Кубани. [Электронный ресурс]. URL: http://notariat.redhampr.ru/notariat/Novosti/2948/ (Дата обращения: 12.09.2019).

29. Баханов, К.А. Бердянск в дневниках титулярного советника В.К. Крыжановского: Крыжановский В.К. Дневники / К.А. Баханов, И.И. Лыман. — Запорожье: Просвита, 2002.— 194 с.

30. Ставраки, М.И. Русские на Босфоре в 1833 году. Воспоминания участника похода / М.И. Ставраки // Русская Старина. 1884. — Т. XLIII (№ 8). — С. 363–368.

31. Ставраки Михаил Иванович. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sites.google.com/site/necropolural/goroda-rossii/sevastopol/bratskoe-kladbise-zasitnikov-sevastopola-1854–1855/alfavitnyj-spisok-zahoronenij/stavraki-mihail-ivanovic (Дата обращения: 21.10.2020).

32. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1843. Ч. 1.— 1843.— 383 с.

33. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1848 год: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1848. Ч. 1.— 1848.— 322 с.

34. Кавалеры ордена Святого Георгия IV класса. [Электронный ресурс]. URL: https://dikc.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/471662#.D0.A1.D1.82 (Дата обращения: 21.10.2020).

35. Корветы специальной постройки. [Электронный ресурс]. URL: https://voennaya.academic.ru/2965/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%8B (Дата обращения: 21.10.2020).

36. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1850 год: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1850. Ч. 1.— 1850.— 240 с.

37. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1853: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1853. Ч. 1.— 1853.— 322 с.

38. Мосхури И.В. М.М. Ставраки: был ли он палачем П.П. Шмидта? [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/wub95/posts/%D0%BC%D0%BC-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B8-%D0%B1%D1%8B%D0%BB-%D0%BB%D0%B8-%D0%BE%D0%BD-%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%87%D0%BE%D0%BC-%D0%BF%D0%BF-%D1%88%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D1%82%D0%B0%D0%B2–1923-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%BE-%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%B5/1098861063505366/ (Дата обращения: 21.10.2020).

39. Робулец Ю.Н. Ставраки М.М. Назначенная роль. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ochakiv.info/articles/5705444290985984 (Дата обращения: 21.10.2020).

40. Дело о смерти бахчисарайского полицмейстера Мессера и об определении на его место поручика Ставраки. 1833. Департамент полиции исполнительной МВД. [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/item/1061681 (Дата обращения: 21.10.2020).

41. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1836 г.: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1836. Ч. 2: [Местные правления].— 1836.— 448 с.

42. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1843. Ч. 2.: [Местные правления].— 1843.— 282 с.

43. Новороссийский календарь на 1842 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1841.— 335 с.

44. Араджиони, М.А. Греческие дворянские роды юга Украины: опыт изучения (по документам Госархива в Автономной республике Крым) / М.А. Араджиони // Востоковедение.— 2016.— № 73–74. — С. 3–62.

45. Метрическая книга Керченского Свято-Троицкого молитвенного дома за 1830 г. — ГАРК, ф. 289, оп. 1, д. 1.

46. Новороссийский календарь на 1855 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1854.— 434 с.

47. Новороссийский календарь на 1860 високосный год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1859.— 488 с.

48. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1830 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 1.

49. Лыман, И.И. Немецкие консулы в Северном Приазовье / И.И. Лыман, В.М. Константинова. — Днепр: Лира, 2018.— 500 с.

50. Новороссийский календарь на 1872 високосный год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. — Одесса: Городская типография, 1871.— 460 с.

51. Рудая, Ю. Греческая община Бердянска в эпоху реформ второй половины XIX в. / Ю. Рудая // Греческое предпринимательство и торговля в Северном Причерноморье в XVIII–XIX вв. Сборник научных статей. — Киев: Институт истории Украины, 2012.— 276 с. (на украинском языке).

52. Списки жертв. Сведения Одесского академического центра (Украина). [Электронный ресурс]. URL: http://lists.memo.ru/d31/f156.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

53. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1826: [В 2-х ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1826. Ч. 2: [содержащая в себе роспись чиновным особам, в губерниях обретающимся].— 1826.— 502 с.

54. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832 г.: [В 2-х ч.]: [Местные правления]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1832. Ч. 2–1831 с.

55. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1831 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 2.

56. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1833 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 2.

57. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1834 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 2.

58. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1843 год: [В 2-х ч.]. Ч. 2.: [Местные правления]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1843.— 282 с.

59. Метрическая книга греческой Введенской церкви Рождества Богородицы г. Феодосии за 1836 г. — ГАРК, ф. 278, оп. 1, д. 3.

60. Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1846.— 373 с.

61. Новороссийский календарь на 1851 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1850.— 415 с.

62. Новороссийский календарь на 1852 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1851.— 367 с.

63. Новороссийский календарь на 1853 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1852.— 420 с.

64. Метрическая книга Керченской греческой Свято-Предтеченской церкви за 1853 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 4.

65. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1848 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 3.

66. Метрическая книга Свято-Предтеченской церкви г. Керчи за 1851 г. — ГАРК, ф. 288, оп. 1, д. 4.

67. Метрическая книга Иоанно-Предтеченской церкви г. Керчи за 1861 г. ГАРК. ф. 288, оп. 1, д. 5.

68. Метрическая книга Керченского Свято-Троицкого молитвенного дома за 1835 г. — ГАРК, ф. 289, оп. 1, д. 2.

69. Метрическая книга Керченской Свято-Троицкой церкви за 1836 г. — ГАРК, ф. 289, оп. 1, д. 2.

70. Метрическая книга Керченской Свято-Троицкой церкви за 1849 г. — ГАРК, ф. 289, оп. 1, д. 5.

71. Таврическое дворянское депутатское собрание. Родословная дворянская книга Таврической губернии за 1853 г. Вторая часть. — ГАРК, ф. 49, оп. 1, д. 6672.

72. Исповедная роспись Керченского Свято-Троицкого собора от 7 сентября 1861 г. — ГАРК, ф. 289, оп. 1, д. 14.

73. Федотов, П.М. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863–1913) / П.М. Федотов. — Керчь: Типография Х.Н. Лаго, 1914.— 118 с.

74. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1883–1884 гг. Государственный архив Донецкой области (далее — ГАДО). ф. 206, оп. 1, д. 2.

75. Verzeichnis der Geborenen und Getrauten in der Gemeide des evangelisch-lutherischen Kirchspiels Grunau für das Jahr 1864. — Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 828, оп. 14, д. 134.

76. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876 / Под ред. О.В. Коноваловой. — Одесса: Астропринт, 2001. — Т. 4: Аннотированная опись дел, 1834–1835.— 307 с.

77. Neuer Haus- und Landwirtschaftskalender für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. 1888. — Odessa: Nitzsche, 1887.— 136 s.

78. Stach, J. Grunau und die Mariupoler Kolonien. Materialien zur Geschichte der deutschen Siedlungen im Schwarzmeergebiet / J. Stach. — Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1942.— 81 s.

79. О пожертвованиях, сделанных в пользу войск колонистами и государственными крестьянами // Журнал Министерства государственных имуществ. — Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. –1854. — Часть LIII. — С. 73–80.

80. О всемилостивейших наградах некоторым государственным крестьянам Таврической губернии и иностранным поселенцам Южного края России, за оказанное ими усердие в выполнении разных надобностей военного времени // Журнал Министерства государственных имуществ. — Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. –1856. — Часть LX. — С. 41–46.

81. Переписка по жалобе пастора Грунауского евангелическо-лютеранского прихода Федора Клюдта на действия директора и инспектора народных училищ Екатеринославской губернии Малевинского и Нечипоренко. 4 декабря 1889 г.— 18 февраля 1890 г. Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. 42, оп. 35, д. 900.

82. Присоединены к Православию // Екатеринославские епархиальные ведомости.— 1897.— № 22 (от 1 августа 1897 г.). — С. 331–333.

83. Каменский, П.В. Вопрос или недоразумение? (к вопросу об иностранных поселениях на юге России) / П.В. Каменский. — М.: Т-во Скоропеч. А.А. Левинсон, 1895.— 136 с.

84. Весь Мариуполь и его уезд: Адрес-календарь. — Мариуполь: С.А. Копкин, 1910.— 166 с.

85. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Марие-Магдалинская церковь г. Мариуполя Екатеринославской духовной консистории Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1911 г. — ГАДО, ф. 212, оп. 1, д. 22.

86. Метрическая книга Рождество-Богородицкой церкви (Мариуполь) за 1915 г. ГА ДНР (бывш. архив ГАДО), ф. 214, оп. 1, д. 14.

87. Екатеринославский адрес-календарь. 1916 год / Изд. губ. тип.— [Б. м., Б. г.].— 505 с.

88. Справочник на 1916 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них. — Одесса: Типография «Печатное Слово», 1916.— 449 с.

89. Мое Седово. Старый фотоальбом поселка имени Седова. Школа. [Электронный ресурс]. URL: http://my-sedovo.narod.ru/pic/School35_1.jpg (Дата обращения: 21.10.2020).

90. Рашевская Г.И, Иваненко Г.А. Гнутово — вишневое село (к 150-летию с. Гнутово 1856–2006 гг.). — Мариуполь: Азовье, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://uchebilka.ru/istoriya/16185/index.html?page=4 (Дата обращения: 21.10.2020).

91. Лях В.П. Поселок Седово в годы войны. [Электронный ресурс]. URL: http://my-sedovo.narod.ru/VOJNA3.html (Дата обращения: 21.10.2020).

92. История школы — история каждого из нас! [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@schoolofsedov-istoriya-shkoly-istoriya-kazhdogo-iz-nas (Дата обращения: 21.10.2020).

93. Районный методический кабинет отдела образования администрации Новоазовского района. История районного методического кабинета. [Электронный ресурс]. URL: http://novoazrmk.ucoz.ru/index/istorija_rajonnogo_metodicheskogo_kabineta/0–114 (Дата обращения: 21.10.2020).

94. Убитые и раненые в боях. Сведения главного штаба. От особого отделения главного штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях. Русское слово, 23.09.1915, № 217. [Электронный ресурс]. URL: http://forum.vgd.ru/post/1361/46931/p1744348.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

95. Список офицеров Дроздовского стрелкового полка (1924–1925 гг.). [Электронный ресурс]. URL: http://rodovoyegnezdo.narod.ru/War/drozdovtsy.html (Дата обращения: 21.10.2020).

96. Калоеров, С.А. В послереформенной царской России (1861–1918) /С.А. Калоеров. — Харьков: Изд-во НТМТ, 2016.— 717 с. (Документы по истории греков Приазовья: В 4 т. Т 3.

97. Мазур, П.И. Земские школы в греческих селах Приазовья / П.И. Мазур. — Мариуполь: Мариупольское о-во греков, 2000.— 42 с.

98. Каменский Петр Валерьевич. [Электронный ресурс]. URL: http://infodon.org.ua/pedia/817. (Дата обращения: 21.10.2020).

99. Плесская, Э.Г. Столкновения националистических и либеральных взглядов в процессе реформирования немецкой национальной школы (1881–1914) / Э.Г. Плесская // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24–27 августа 2012 г. — М.: МСНК-Пресс, 2013.— 720 с.

100. Плесская, Э.Г. Немцы Причерноморья / Э.Г. Плесская. — Одесса: Астропринт, 2008.— 136 с.

101. Плесская, Э.Г. Проблемы адаптации немцев в инонациональном окружении на примере реформирования немецких школ Одесского учебного округа (1803–1914 гг.) / Э.Г. Плесская // Российские немцы в инонациональном окружении проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14–19 сентября 2004 года / [науч. ред. А. А. Герман]. — М.: МСНК-пресс, 2005.— 356 с.

102. Бобылева, С.И. «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX века /С.И. Бобылева // Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы X международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — М.: МСНК-пресс, 2004.— 544 с.)

103. Семакин, С.И. Управление колонистским движением в России (вторая половина XVIII–XIX веков). Историография проблемы / С.И. Семакин // Государственное управление. Электронный вестник.— 2017. — Вып. 60 (февраль). — С. 178–196.

104. Велицын, А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России / А.А. Велицын. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1893.— 286 с.

105. Штах, Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов / Я. Штах. — М.: [Тип. А.И. Мамонтова], 1916.— 266 с.

106. Писаревский, Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам) / Г.Г. Писаревский. — М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909.— 342 с.

107. Клаус, А.А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А.А. Клаус. — СПб.: Тип. В.В. Нусвальта, 1869.— 455 с.

108. Афанасьев-Чужбинский, А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 1: Очерки Днепра / А.С. Афанасьев-Чужбинский. — СПб.: Типография Морского министерства, 1861.— 465 с.

109. Корф, Н.А. Отчет о начальных народных училищах III-го участка Александровского уезда за 1867/1868 учебный год (доклад Александровскому уездному училищному совету) // Н.А. Корф. — Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1869. — Часть CXLI. — С. 101–160.

110. Корф, Н.А. Извлечение из отчета барона Н.А. Корфа о школах III-го участка Александровского уезда Екатеринославской губернии за 1869/1870 учебный год /Н.А. Корф. — Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1870. — Часть CLII. — С. 210–252.

111. Корф, Н.А. Об училищах Александровского уезда и Мариупольского округа. (Доклад Александровскому уездному училищному совету члена его, барона Н. А. Корфа) / Н.А. Корф // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1867. — Часть CXXXV. — С. 150–187.

112. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLVI. Отделение первое. 1871. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1874.— 935 с.

113. Устав о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1(13) января 1874 г. [Электронный ресурс]. URL: http://doc.histrf.ru/19/ustav-o-voinskoy-povinnosti-vysochayshe-utverzhdennyy-1–13-yanvarya-1874-g/ (Дата обращения: 21.10.2020).

114. Ковалевский, Е.М. Что дало Австрии по народному образованию 50-летнее царствование императора Франца-Иосифа / Е.М. Ковалевский // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1899 (апрель). — Часть CCCXXII. — С. 69–104.

115. Вильев, А.В. Государственный язык в инородческой школе / А.В. Вильев // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1904 (ноябрь). — Часть CCCLVI. — С. 45–60.

116. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. I. 1881. — СПб.: Государственная типография, 1885.— 379 с.

117. Обзор управления государственными имуществами за последние 25 лет, с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 года, представленный государю императору управляющим Министерством государственных имуществ. — С. Петербург, 1880.— 388 с.

118. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. 1837–1887: Ч. I. Учреждение и преобразования министерства. — СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888.— 103 + LXIV с.

119. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. X. 1890. Отделение первое. — СПб.: Государственная типография, 1893.— 843 с.

120. О подчинении училищ, состоящих при римско-католических церквах в Империи, ведомству министерства народного просвещения. Высочайшее повеление 10 декабря 1892 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1893 (апрель). — Ч. CCLXXXVI. — С. 4.

121. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XVII. 1897. — СПб.: Государственная типография, 1900.— 730 с.

122. Дебольский, Н.Н. О наилучшем способе объединения духовного и учебного ведомств в деле попечения о начальном народном образовании / Н.Н. Дебольский // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1901 (июнь). — Ч. CCCXXXV. — С. 41–70.

123. Положение о еврейских начальных училищах // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1873 (апрель). — Ч. CLXVI. — С. 3–16.

124. Положение о начальных народных училищах // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1874 (июль). — Ч. CLXXIV. — С. 223–236

125. Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1901 (июль). — Ч. CCCXXXVI. — С. 1–82.

126. Сольский, Хрисанф Петрович. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/12068 (Дата обращения: 21.10.2020).

127. Родословие. Малевинские. [Электронный ресурс]. URL: http://parishes.mrezha.ru/genealogy.php?gn=4&id=43#3280 (Дата обращения: 21.10.2020).

128. Приказы управляющего министерством народного просвещения // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1875 (декабрь). — Ч. CLXXXII. — С. 43–48.

129. Правительственные распоряжения // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1897 (сентябрь). — Ч. CCCXIII. — С. 12.

130. Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии на 1895 г. –Екатеринослав: Типолитография губернского правления, 1894.— 274 с.

131. Высочайшие приказы по ведомству министерства народного просвещения // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1896 (июнь). — Ч. CCCV — С. 57–96.

132. Высочайшие награды // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1882 (февраль). — Ч. CCXIX. — С. 33–45.

133. Волков С. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://iknigi.net/avtor-sergey-volkov/133517-vysshee-chinovnichestvo-rossiyskoy-imperii-kratkiy-slovar-sergey-volkov/read/page-37.html (Дата обращения: 21.10.2020).

134. Высочайшие приказы по ведомству министерства народного просвещения // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1897 (ноябрь). — Ч. CCCXIV. — С. 5–7.

135. Памятная книжка Одесского учебного округа на 1913–1914 учебный год: Ч. 1 и 2. — Одесса: Издание управления учебного округа, 1914.— 499 с.

136. Высочайшие приказы по ведомству министерства народного просвещения // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1896 (июнь). — Ч. CCCV. — С. 57–96.

137. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1893–1894 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 7.

138. Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии на 1900 год. — Екатеринослав: Типолитография губернского правления, 1899.— 353 с.

139. Фабрики и заводы: Справочная книга Екатеринославской губернии / Издание Н.И. Гаврилова. — Екатеринослав: Тип. Братства Св. Владимира, 1902.— 310 с.

140. Александра Григорьевна Гельмерсен. [Электронный ресурс]. URL: https://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0-%D0%93%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B5%D0%BD/6000000084637184314 (Дата обращения: 22.10.2020).

141. Kludt, J. 43 Jahre Pfarrfrau in Rußland / J. Kludt (Baumann). — Korntal: [Kopie des Manuskripts in einer privaten Versammlung], 1932.— 217 s.

142. Бацак, Н.И. Культурно-образовательное развитие греческой общины Северного Приазовья (XVIII–XIX вв.) /Н.И. Бацак. — Киев: Институт истории Украины, 1998.— 58 с. (на украинском языке).

143. Государственный архив Донецкой области: реестр описей. Т. 1: Фонды периода до 1917 года /Авт. состав.: Т. Церковникова, И. Шишолик. — Донецк, 2011.— 172 с.

144. Спасский, Н.А. О народном образовании в немецких поселениях Поволжья /Н.А. Спасский // Русский вестник.— 1897.— № 8 (август). — С. 43–64.

145. Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра народного просвещения (графа Д.А. Толстого) // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1875 (август). — Ч. CLXXX. — С. 135–210.

146. Amburger, E.N. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands von Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Ein biografisches Lexikon / E.N. Amburger. — Erlangen, Lüneburg: Martin-Luther-Verlag, 1998.— 480 s.

147. Kludt, J.E. Johannes Kludt, der Gebietsschreiber der Mennoniten das Geb. Gnadenfeld (Taurien) von 1870–1907 / J.E. Kludt // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland.— 1957. — S. 182–185.

148. Будилович, А.С. Историческая заметка о бюджетных отношениях Императорского Юрьевского университета в разные периоды его существования /А.С. Будилович // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1895 (сентябрь). — Ч. CCCI. — С. 1–31.

149. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / Сост. В.Ф. Дизендорф. — М.: МДФ: Материк, 2006.— 784 с.

150. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. VII. 1832. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1833.— 1044 с.

151. Письмо директора училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинского попечителю Одесского учебного округа от 30.04.1890. — ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 919.

152. Донесение Бессарабского губернского управления государственных имуществ от 11 декабря 1881 г. — ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 711.

153. Письмо директора училищ Екатеринославской губернии А.И. Малевинского попечителю Одесского учебного округа от 25.10.1890. — ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 919.

154. Письмо попечителя Одесского учебного округа Х.П. Сольского губернатору Екатеринославской губернии от 31.10.1890. Ответ губернатора 20.12.1890. — ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 919.

155. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLVI. Отделение первое. 1872. — СПб.: Типография II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1874.— 1047 с.

156. Циркулярное предложение гг. попечителям учебных округов. 8 января 1891 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1891 (февраль). — Ч. CCLXXIII. — С. 46–47.

157. Спасский (Русский), Н.А. О народном образовании в немецких поселениях Поволжья /Н.А. Спасский // Русский вестник.— 1897.— № 9 (сентябрь). — С. 129–146.

158. Циркуляр по Одесскому учебному округу.— 1892.— № 8 (август). — С. 402–404.

159. Шейнин, П. Очерк современного состояния народных школ в Пруссии /П. Шейнин// Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1890 (ноябрь). — Ч. CCLXXII. — С. 1–24.

160. Циркулярное предложение гг. попечителям учебных округов. 3 августа 1892 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения.— 1892 (сентябрь). — Ч. CCLXXXIII. — С. 14–15.

161. Толмачев, Е.П. Александр III и его время / Е.П. Толмачев. — М.: Терра-Книжный клуб, 2007.— 716 с.

162. Гельмерсен. [Электронный ресурс]. URL: https://wiki2.org/ru/%D0%93%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B5%D0%BD (Дата обращения: 22.10.2020).

163. Kludt, J. Das Kirchspiel Rynowka (Don-Gebiet) / J. Kludt (geb. Baumann) // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland.— 1959. — S. 82.

164. Föll, J. Bilder aus der Geschichte einer Kirche unter dem Kreuz / J. Föll// Heimatbuch der Deutschen aus Rußland.— 1958. — S. 95–122.

165. Алфавитный список населенных мест Области Войска Донского. — Новочеркасск: Обл. Войска Донского типография, 1915.— 658 с.

166. Ревин, И.А. Из истории поселений Тарасовского района / И.А. Ревин // Донской временник. Год 2012-й.— 2011. — Вып. 20. — С. 105–106.

167. Neuer Haus- und Landwirtschaftskalender für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. 1906. — Odessa: Nitzsche, 1905.— 208 s.

168. Формат книги. Исторические названия книжных форматов. [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.bid/%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F/In_folio (Дата обращения: 21.10.2020).

169. Малая родина. Справочник. Термины и определения. [Электронный ресурс]. URL: http://dubrovy.ru/to/spravochnik/ (Дата обращения: 21.10.2020).

170. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение первое. 1869. — СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1873.— 962 с.

171. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLVII. Отделение второе. 1872. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии. 1875.— 1276 с.

172. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLVII. Отделение третье: Приложения. 1872. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии. 1875.— 645 с.

173. Волости и важнейшие селения Европейской России: По данным обследования, произведенного стат. учреждениями М-ва вн. дел. Вып. 8. Губернии Новороссийской группы [Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская] / Сост. Г.Г. Ершов. — СПб.: Центр. статист. комитет, 1886.— 157 с.

174. Екатеринослав: современное название города. [Электронный ресурс]. URL: http://fb.ru/article/166370/ekaterinoslav-sovremennoe-nazvanie-goroda (Дата обращения: 21.10.2020).

175. История переименования города. [Электронный ресурс]. URL: https://dp.vgorode.ua/news/sobytyia/286939-ystoryia-pereymenovanyia-horoda-ot-ekaterynoslava-do-dnepra (Дата обращения: 21.10.2020).

176. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 14. Новороссия и Крым / Сост. Б.Г. Карпов, П.А. Федулов, В.И. Каратыгин и др. — СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1910.— 983 с.

177. Белецкий П. Железные дороги Донбасса: 1858–1918. [Электронный ресурс]. URL: http://forum.istorichka.ru/perma/2012/01/11/national/1326278200 (Дата обращения: 21.10.2020).

178. Карты трехверстовки (карты Ф.Ф. Шуберта, ряд XXVIII, лист 15). [Электронный ресурс]. URL: http://freemap.com.ua/maps/trexverstovki/28–15.jpg (Дата обращения: 21.10.2020).

179. Марюха, В.И. Есть такое село на Запорожье / В.И. Марюха // Роз-информ.— 2005.— № 48(540) от 03.12.2005. — С. 3.

180. Калоеров, С.А. В Мариупольском греческом округе дореформенной России (1784–1861) / С.А. Калоеров. — Харьков: НТМТ, 2016.— 326 с. (Документы по истории греков Приазовья: В 4 т. Т. 2)

181. Обзор Екатеринославской губернии за 1882 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Екатеринославского губернатора.— [Б. м., Б. и., Б. г.].— 35 с.

182. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. VI. 1831. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1832.— 790 с.

183. Woltner, M. Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer/ M. Woltner — Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1941.— 230 s.

184. Петров, Р. Русские рабочие у немцев-колонистов / Р. Петров // Екатеринославские епархиальные ведомости.— 1894.— № 8 (от 15 апреля 1894 г.). — С. 203–209.

185. Карта Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Составил землемер М. Гринер в 1916 г. Издание (первое) Мариупольского уездного земства. 1916. [Электронный ресурс]. URL: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/mariupol_uezd_1916_b.jpg (Дата обращения: 21.10.2020).

186. Калоеров, С.А. Советское и постсоветское время (1918–2011) /С.А. Калоеров. — Харьков: ФЛП Мезина В.В., 2017.— 872 с. (Документы по истории греков Приазовья: В 4 т. Т. 4)

187. Марюха, В.И. Справочник административно-территориального деления Розовского района Запорожской области на 1 января 2001 года / В.И. Марюха. — Розовка: Современник, 2001.— 33 с.

188. Stumpp, K. Die deutschen Siedlungen im Gebiet Saporogie / K. Stumpp // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland.— 1957. — S. 5–12)

189. Stumpp, K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862/ K. Stumpp. — Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1993. –1021 c.

190. Malinowsky. J.A. Die Planerkolonien am Asowischen Meere / J.A. Malinowsky. — Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1928.— 99 s.

191. Prinz, A. Die Planer Kolonien / A. Prinz // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland.— 1957. — S. 33–38.

192. Рапорты смотрителей Крымских, Молочанских и других колоний и ведомости о количестве колонистов, наличии скота и сельскохозяйственного инвентаря, посевах и урожае зерновых культур и по другим вопросам. 10.01.1830–27.01.1830. Государственный архив Днепропетровской области (далее — ГАДнО), ф 134, оп. 1, д. 893.

193. Ведомости статистического учета колонистов и наличия хозяйственного обзаведения за 1830 год. 19.01.1831–14.10.1831. — ГАДнО, ф. 134, оп. 1, д. 912.

194. Unruh, B.H. Züge aus der Kulturgeschichte der russlandmennonitischen Kolonisten / B.H. Unruh // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland.— 1957. — S. 47–54)

195. Гроново-Эльблонске. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1293287 (Дата обращения: 21.10.2020).

196. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел.— 1837. — Ч. 26 (№ 12). — С. 427–453.

197. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.— 1018 с.

198. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. I. Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства государственных имуществ. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. –1854. — Ч. LII. — С. 35–78.

199. Варадинов, Н. История министерства внутренних дел (продолжение) / Н. Варадинов // Журнал министерства внутренних дел. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел. Период третий.— 1859. — Ч. 38 (октябрь). — С. 197–268).

200. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXVIII. 1804–1805. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.— 1328 с.

201. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXXI. 1810–1811. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.— 944 с.

202. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. XXXVI. 1819. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.— 734 с.

203. Калоеров, С.А. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652–1783) / С.А. Калоеров. — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2008.— 640 с. (Документы по истории греков Приазовья: В 4 т. Т. 1).

204. Еврейская энциклопедия / Под общей редакцией Л. Кацнельсона, Д.Г. Гинцбурга. Т. 8. В 16 томах. — СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1911.— 968 с.

205. Наказ министерству государственных имуществ / Журнал Министерства государственных имуществ. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. –1855. — Ч. LV. — С. 101–113.

206. Варадинов, Н. Краткое обозрение деятельности министерства внутренних дел в первых двух периодах истории его (окончание)/ Н. Варадинов. Журнал министерства внутренних дел. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел. Период третий.— 1860. — Ч. 41 (март). — С. 1–64.

207. Турбин, С.Д. Днепр и Поднепровье / С.Д. Турбин. — С. Петербург: Типография общества «Общественная польза», 1877.— 155 с.

208. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XVII. Отделение первое. 1842. — СПб.: Тип. II Отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1843.— 915 с.

209. Фадеев, А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева/ А.М. Фадеев. 1790–1867 гг. — Одесса: Типография Акционерного Южно-Русского Общества Печатного Дела, 1897.— 113 с.

210. Рапорты смотрителей Данцигского сельского приказа, Крымских, Молочанских, Хортицких и других колоний с прилагаемыми ведомостями о количестве колонистов, о посеве и урожае зерновых культур и о хозяйственном обзаведении. 07.01.1827–14.10.1827. — ГАДнО, ф 134, оп. 1, д. 830.

211. Романюк, М.В. Земледелие в меннонитских колониях юга Украины (первая половина XIX в.) /М.В. Романюк // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета.— 2002. — Вып. 14. — С. 36–41.

212. Базинер, Ф.И. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства южной России в 1850 году / Ф.И. Базинер // Журнал Министерства государственных имуществ. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. Ч. XL. –1851. — С. 65–88.

213. Постников, В.Е. Южно-русское крестьянское хозяйство / В.Е. Постников. — М.: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1891.— 391 с.)

214. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния /Составитель: В. Павлович. — СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1862.— 352 с.

215. Урожай хлебов и трав в Екатеринославской губернии в 1902 году. — Екатеринослав: Типография губернского земства, 1903.— 77 с.

216. Беликова (Романюк), М.В. Скотоводство в меннонитских колониях юга Украины / М.В. Беликова (Романюк) // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета.— 2009. — Вып. 25. — С. 178–182.

217. Хозяйственное обозрение 1849 года // Журнал Министерства государственных имуществ. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ.— 1850. — Ч. XXXIV. — С. 59–84.

218. Струков, Д. Н. Хозяйственные известия из Новороссийского края /Д.Н. Струков // Журнал Министерства государственных имуществ. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. –1851. — Ч. XLI. — С. 33–43.

219. По просьбе общества колонии Розенберг о добавлении к их участку недостающей, по их частному измерению, земли. 6.08.1836–8.06.1837. — ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 4194.

220. Государственный архив Одесской области. Сокровищница государственного архивного фонда Украины на Одесщине. Буклет. — Одесса: Астропринт, 2012.— 56 с. (на украинском языке).

221. Марюха, В.И. Прошлое не забывается / В.И. Марюха. — Симферополь: Атлас-Компакт, 2013.— 212 с.

222. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1910–1911 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 17.

223. Екатеринославский адрес-календарь. 1916 год. Екатеринослав: Издание губернской типографии, 1916.— 505 с.

224. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1906 г. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 14.

225. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1907–1908 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 15.

226. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1894 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 16.

227. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1902 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 22.

228. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1904 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 23.

229. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1908 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 27.

230. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1910 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 29.

231. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1912 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 31.

232. Канкрин, И.В. Еврейские земледельческие колонии Александровского уезда Екатеринославской губернии / И.В. Канкрин. — Екатеринослав: Печатня С.П. Яковлева, 1893.— 259 с.

233. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1885 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 5.

234. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1887 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 7.

235. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1890 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 11.

236. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1893 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 15.

237. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1900 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 20.

238. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1914 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 33.

239. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1916 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 35.

240. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1907 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 26.

241. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1915 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 34.

242. Буров, С.Д. Первый мариупольский порт. [Электронный ресурс]. URL: http://old-mariupol.com.ua/pervyj-mariupolskij-port/ (Дата обращения: 21.10.2020).

243. История городов и сел. Запорожская область. Бердянский район. Бердянск. [Электронный ресурс]. URL: http://ukrssr.ru/Zaporozhskaja.obl/Berdjanskij.rajon/Berdjansk.html (Дата обращения: 21.10.2020).

244. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н., Кучугура Л.И. и др. — Мариуполь: Рената, 2008.— 428 с.

245. Обзор Екатеринославской губернии за 1889 год. — Екатеринослав: Тип. Губернского Правления, 1890.— 84 с.

246. Этимологический словарь русского языка. Фасмер Макс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-5390.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

247. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-461.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

248. Шлеры — деревянные туфли. [Электронный ресурс]. URL: https://otvet.mail.ru/question/15362193 (Дата обращения: 21.10.2020).

249. Смалец. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/232543 (Дата обращения: 21.10.2020).

250. Курманова, С.Р. Антропология питания сибирских немцев: традиции и современность /С.Р. Курманова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр.: в 3 ч. — Омск, 2012. — Ч. II. — С. 107–110.

251. Как отмечают день Святого Мартина в Германии. [Электронный ресурс]. URL: http://german-guide.ru/kak-otmechayut-den-svyatogo-martina-v-germanii/ (Дата обращения: 21.10.2020).

252. Как празднуют день Святого Мартина в Германии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D1%83%D1%8E%D1%82-%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C-%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BC%D0%B0%D1%80%-%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8/a-16345431 (Дата обращения: 21.10.2020).

253. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1898 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 18.

254. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1901 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 21.

255. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1884 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 4.

256. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1892 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 14.

257. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1894 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 16.

258. Метрическая книга записей о рождении, браке, разводах и смерти. Синагога г. Мариуполь Екатеринославской губернии, 1897 г. — ГАДО, ф. 211, оп. 1, д. 16.

259. Епархиальные известия // Екатеринославские епархиальные ведомости.— 1897.— № 25 (от 1 сентября 1897 г.). — С. 361.

260. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1888–1891 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 5.

261. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1906 г. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 14.

262. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1904–1905 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 13.

263. Лютеранство. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etnolog.ru/religion.php?id=199 (Дата обращения: 21.10.2020).

264. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. VII. 1832. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1833.— 1044 с.

265. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. XXXVII. 1820–1821. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.— 983 с.

266. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. IX. Отделение первое. 1834. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1835.— 891 с.

267. Föll, J. Einige Ausschnitte aus dem Leben unserer Volksgruppe / J. Föll // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland.— 1962. — S. 67–72.

268. Шишкин, Н.П. Немецкие поселения на юго-востоке Украины: история, культура, судьбы. 1823–1941 / Н.П. Шишкин. — Донецк: Проминь, 2009.— 112 с.

269. Busch, E.H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland / E.H. Busch. — St. Petersburg: Commissionsverlag von G. Haessel, 1862.— 696 s.

270. Eugen Kaspar von Hahn. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20110811001803/http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=67326 (Дата обращения: 21.10.2020).

271. Брандес, Д. Зондерреггер (Sonderegger) Иоганн Генрих (1810–1870). [Электронный ресурс]. URL: http://enc.rusdeutsch.ru/articles/5070 (Дата обращения: 21.10.2020).

272. Die erste Zeitung für die deutschen Kolonisten in Südrussland. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hfdr.de/sub/besonderes.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

273. Rigasche Zeitung. № 198. 27.08.1876. [Электронный ресурс]. URL: http://periodika.lv/periodika2-viewer/view/index- dev.html#issue:/p_003_rzei1876s01n198|issueType: P (Дата обращения: 21.10.2020).

274. Geschichte der Russlanddeutschen. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russlanddeutschegeschichte.de/geschichte/teil2/kultur/zeitungen.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

275. Zeitungen und Zeitschriften der Russland-Mennoniten. [Электронный ресурс]. URL: http://chort.square7.ch/FB/mennru.html#10 (Дата обращения: 21.10.2020).

276. Алфавитный список периодических изданий Российской империи (за исключением выходящих в Финляндии). — С. Петербург: Русское общество книгопродавцов и издателей, 1899.— 51 с.

277. Немцы России. Одесса. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.li/zQTkc#selection-1017.0–1017.1264 (Дата обращения: 21.10.2020).

278. Rigasche Zeitung (Riga: 1778–1889, 1907–1915). [Электронный ресурс]. URL: https://erb.nlib.ee//?kid=14687513 (Дата обращения: 21.10.2020).

279. III-1.1.2. Au XIXe siècle. [Электронный ресурс]. URL: http://theses.univ-lyon2.fr/documents/getpart.php?id=lyon2.2003.dorlin_s&part=74965 (Дата обращения: 21.10.2020).

280. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий / Под ред. М.А. Бениной. — СПб.: Нестор-История, 2011.— 412 с.

281. Макушенко, Я.С. Общественная и религиозная жизнь немцев юга Украины (конец XIX — начало XX в.). История. — Вестник Луганского национального университета им. Т. Шевченко. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stattionline.org.ua/histori/103/17449-gromadske-ta-religijne-zhittya-nimciv-pivdennoï-ukraïni-kinec-xix-pochatok-xx-st.html (Дата обращения: 21.10.2020).

282. Шевчук, Н.А. Газета «Odessaer rundschau» о проблемах немцев юга Украины в 1918–1919 годах. С. 111–134. [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/4374/1/111–134.docx.pdf (Дата обращения: 21.10.2020).

283. Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России. — ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 31, 209.

284. Schnurr, J. Das protestantische Gotteshaus, ein Bildbericht / J. Schnurr // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland.— 1969–1972. — S. 474–560.

285. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. Список населенных мест по сведениям 1859 г. / Под ред. И. Вильсона. — Спб.: Типография Карла Вульфа, 1863.— 151 с.

286. Марюха, В.И. Розовка в документах, фотографиях, воспоминаниях / В.И. Марюха. — Розинформ.— 2006.— № 29 (573) от 29.07.2006. — С. 2.

287. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1914 г. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 19.

288. Справочная книга Екатеринославской Епархии / Издание Екатеринославской Духовной консистории. — Екатеринослав: Типография Братства Св. Владимира, 1908.— 1103 с.

289. Справочная книга Екатеринославской Епархии за 1913 год. — Екатеринослав: Типография С.И. Барановского, 1914.— 488 с.

290. Гуревич, Б.М. Санитарное описание школ Мариупольского уезда / Б.М. Гуревич. — Екатеринослав: Типография губернского земства, 1904.— 238 с.

291. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1897 г. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 9.

292. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1900–1901 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 11.

293. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1912–1913 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 18.

294. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1917–1920 гг. Часть III. Об умерших. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 23.

295. Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Ильинская церковь Екатеринославской духовной консистории, с. Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. 1912–1913 гг. — ГАДО, ф. 206, оп. 1, д. 18.

296. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XV. Отделение первое. 1840. — СПб.: Типография II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1841.— 855 с.

297. Устав о колониях иностранцев в Империи // Свод законов Российской Империи. Т. XII. Часть II. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в Империи. — СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. –591 с.

298. Keller, C. Die Deutsche Kolonien in Südrußland. Band I / C. Keller. — Odessa: Verlag von Stadelmeier in Odessa. 1905.— 308 s.

299. Опись 127 к делам Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России. Фонд 318 с 1819 по 1875 гг. Аннотированные дела. — ГАРК, ф. 318, оп. 127. [Электронный ресурс]. URL: https://lookaside.fbsbx.com/file/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8.pdf?token=AWwtNk-znvX-LH_yaFPT9p8_cgK9g3WLTHEGCekWy9YsU5HZpVWStWVvtwiBOH6cAc9iQxWjqLxygDW5bsoy_p1OZ9Mzc_TqRR2gqF7OUGwyUbFX5k_2ldqOCucYf6O7kar5agGqQmyfzr2CKbr-hRlJ9H6KlXLtoHz-M2BqTN7jP7A (Дата обращения: 21.10.2020).

300. Козлова, И.В. Образовательные заведения греческого населения Люксембургского района Мариупольского округа в 1920-х годах / И.В. Козлова // Запорожский архив. Студии по истории греков Южной Украины XVIII–XIX вв. / Авторы — составит.: Е.Г. Величко, В.А. Бондарь, Н.А. Гончарова, И.В. Козлова, Ю.А. Приймак. — Запорожье: ООО «Орион-7», 2003. — С. 34–51.

301. Казаков, А. Воспоминания о потерянной родине / А. Казаков. — Херсон: ПАО «Херсонская городская типография», 2016.— 467 с.

302. Дизендорф, В.Ф. Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / В.Ф. Дизендорф. — М., ЭРН, 2006.— 472 с. https://vk.com/topic-56005022_29620502?offset=140

303. Немцы на Украине 20–30 гг. XX в. Сборник документов государственных архивов Украины / Сост. Л.В. Яковлева, Б.В. Чирко, С.П. Пышко. — Киев: Институт истории Украины, Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, 1994. – 244 с.

304. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLVII. Отделение второе. 1872. — СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1875.— 1276 с.

305. Ронталер, Э. Настольная книга по учебному ведомству / Э. Ронталер. — Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1876.— 306 с.

306. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVII. Култагой — Лед. — СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1896.— 499 с.

307. Malinowsky, J.A. Die deutschen katholischen Kolonien am Schwarzen Meere. Berichte der Gemeindeamter über Entstehung und Entwicklung dieser Kolonien in der ersten Halfte des neuenzehnten Jahrhunderts / J.A. Malinowsky. — Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1926.— 120 s.

308. Schnurr, J. Der Kirchenbau in den deutschen Siedlungen Rußlands von der Mitte des 18. bis zum ersten Viertel des 20. Jahrhunderts / J. Schnurr // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland.— 1963. — S. 109–143.

309. Mauch, A. Geschichtliches von den deutschen Zentralschulen in Russland /A. Mauch // Heimatbuch der Ostumsiedler.— 1954. — S. 62–71.

310. Иванов (Янов) день. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fatelines.net/articles/holidays/916-ivanov-den (Дата обращения: 21.10.2020).

311. Cornies, J. Würdigung der Verdienste des Kolonisten Christian Klaassen um die Ausbreitung der Wald- und Obstbaumzucht in dem Mariupoler Kolonistenbezirke / J. Cornies // Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland.— 1847.— № 8. — S. 65–66.

312. Шевчук, С.П. История родного края. Территория Розовского района во второй половине XVIII — начале XX вв./ С.П. Шевчук. — Запорожье: Запорожская торгово-промышленная палата, 2012.— 112 с. (на украинском языке).

313. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг./ Под ред. О.В. Коноваловой. — Одесса: ТЭС, 1999. — Т. 2: Аннотированная опись дел 1819–1826 гг.— 242 с.

314. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876 / Под ред. О.В. Коноваловой. — Одесса: Астропринт, 2000. — Т. 3: Аннотированная опись дел, 1827–1833.— 304 с.

315. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876 / Под ред. О.В. Коноваловой (Айфельд). — Одесса: Астропринт, 2005. — Т. 6: Аннотированная опись дел, 1840–1841. –360 с.

316. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876 / Под ред. О.В Коноваловой. — Одесса: Астропринт, 2002. — Т. 5: Аннотированная опись дел, 1836–1839. –354 с.

317. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 24.10.1834–2.11.1834. — ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 3565.

318. Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1848.— 412 с.

319. Petzholdt, A. Reise im westlichen und südlichen europäischen Russland im Jahre 1855 von Alexander Petzholdt / A. Petzholdt. — Leipzig: Hermann Fries, 1864.— 501 s.

320. Пожертвования, сделанные в пользу войск, государственными крестьянами и колонистами // Журнал Министерства государственных имуществ. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ. –1855. –Ч. LIV. — С. 165–172

321. Новороссийский календарь на 1861 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1860.— 494 с.

322. Новороссийский календарь на 1862 год, издаваемый от Ришельевского лицея. — Одесса: Городская типография, 1861.— 354 с.

323. Адрес-календарь Херсонской губернии на 1866 год. Колониальное управление. Попечительский комитет об иностранных поселенцах южного края России. [Электронный ресурс]. URL: http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Kherson/Adres-kalendar_1866_kolupr.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

324. Арндт, Эрнст Мориц. [Электронный ресурс]. URL: https://info.wikireading.ru/247923 (Дата обращения: 21.10.2020).

325. Арндт, Эрнст Мориц (1769–1860). [Электронный ресурс]. URL: http://rozamira.nl/lib/ae/hr/arndt.htm (Дата обращения: 21.10.2020).

326. Кернер (Karl Theodor Körner) Карл Теодор (1791–1813). [Электронный ресурс]. URL: http://impereur.blogspot.ru/2014/02/karl-theodor-korner-1791–1813.html (Дата обращения: 21.10.2020).

327. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XL. Отделение второе. 1865. — СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1867.— 415 с.

Научное издание

Е.Н. Тарасенко

РУКОПИСЬ Э.Х. СТАВРАКИ О ГРУНАУ

Издается в авторской редакции

ISBN 978-5-6045209-8-7

9 785604 520987

Формат 60×90/16. Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 2811
Подписано в печать 01,12,2020

Отпечатано в ООО «Типография точка ру»
105116, Москва, ул. Буракова, 27, корп. 40
E-mail: info@printpointru.ru
http://printpointru.ru/

Издательство «Порт приписки»
+7(960)194-61-45
E-mail: info@portpripiski.ru
http://portpripiski.ru

ОБ АВТОРЕ

Тарасенко Евгений Николаевич

E-mail: entarasenko@yandex.ru

Родился 10 декабря 1953 года в пос. Розовка Розовского района Запорожской области (Украина). В 1971 году окончил школу № 1 в пос. Розовка. Образование высшее, инженер-механик (с 1976 г., Ждановский металлургический институт), кандидат технических наук (с 1985 г., МВТУ им. Н.Э. Баумана), доцент (с 1992 г.). В 1985–2016 гг. работал в Норильском индустриальном институте и в Заполярном филиале ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» (г. Норильск). С 2016 г. – на пенсии, живет в г. Ступино Московской области.

Автор свыше 30 научных работ в области металловедения, физики металлов и технологии их обработки.

Историческим краеведением Северного Приазовья занимается с 2004 г., опубликовал 7 научных работ, вышли его книги, посвященные истории родных мест:

«Окрестности Розовки до монгольского нашествия» (Мариуполь, 2012 г.);

«И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий …» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. (Нижневартовск, 2019 г.).

ISBN 978-5-6045209-8-7

9 785604 520987